

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 6 2025 (ИЮНЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

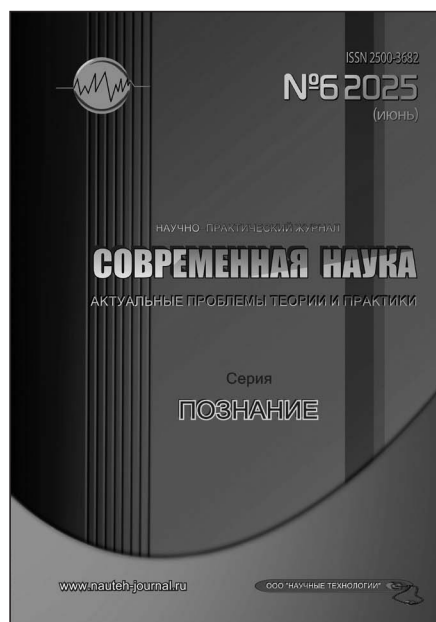
Подписано в печать 12.06.2025 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание №6 (июнь) 2025 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 5.3.x, 5.7.x, 5.10.x)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филол.н, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н, доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н, профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр — Михайлович д.псх.н, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

Культурология

- Беспалова М.И.** – Туристический маршрут как медиатор культурной самопрезентации (на примере национального туристического маршрута «Зов Торамы» в Республике Мордовия)
Bespalova M. – The tourist route as a mediator of cultural self-presentation (using the example of the national tourist route "The Call of Torama" in the Republic of Mordovia) 5
- Кокорева Л.В., Штифанова Е.В.** – Конструирование моды и идентичности в системе кодов российской культуры
Kokoreva L., Shtifanova E. – The construction fashion and identity in the system of codes of Russian culture 8
- Кудозов А.Т.** – Роль памяти в современной выставочной деятельности на примере выставки «Фальконье. Архитектура света»
Kudozov A. – The role of memory in modern exhibition activities on the example of the exhibition "Falconnier: the architecture of light" 14
- Сунь На** – Дифференциация объектов, необходимых для изучения в социокультурных туристических проектах
Sun Na – Differentiation of objects necessary for studying in socio-cultural tourism projects 19
- Чигарев В.Н., Гусева Р.Г.** – Интерпретация как механизм репрезентации: анализ контекстуальных факторов
Chigarev V., Guseva R. – Interpretation as a representation mechanism: analysis of contextual factors 24
- Чэнь Байюй** – «Нигилистическая музыка» как одна из фундаментообразующих концепций современного искусства
Chen Baiyu – "Nihilistic music" as one of the fundamental concepts of contemporary art 30

- Шэн Миньчжи, Робинов О.Ю.** – Анализ символов воды в даосской живописи с философской и семиотической точек зрения
Sheng Minzhi, Robinov O. – Analysis of water symbols in Taoist painting from philosophical and semiotic points of view 38

ПСИХОЛОГИЯ

- Алыева М.А.** – Я-концепция в современной психологии: обзор исследований
Alyeva M. – Self-concept in the modern psychology: theoretical review 42
- Брызгалова А.В.** – Политическая борьба: понятие, сущность, психологический компонент
Bryzgalova A. – Political struggle: concept, essence, psychological component 48
- Колеватова А.С., Жидкова Д.С., Проняева М.Е.** – Нейропсихологические особенности произвольности психических функций у детей младшего школьного возраста
Kolevatova A., Zhidkova D., Pronyaeva M. – Neuropsychological features of voluntary regulation of mental functions in young school-age children 54
- Ли Чжэньхао** – Психофизические механизмы влияния «тай-чи» на депрессию
Li Zhenhao – Psychophysiological mechanisms of Tai Chi's influence on depression 60
- Линь Ян** – Исследование формирования и воздействия выученной беспомощности с точки зрения кросс-культурной психологии: многомерный анализ культурных факторов
Lin Yang – The study of the formation and impact of learned helplessness from the perspective of cross-cultural psychology: a multidimensional analysis of cultural factors 67

Наумова Н.Н. – Личностные особенности студентов педагогического профиля с типом поведения «А»

Naumova N. – Personal characteristics of students of pedagogical profile with type of behavior "A" 72

Причина Д.Ю. – Целепостановка в деятельности психолога-дефектолога при социальной реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья

Prichina D. – Goal setting in the activities of a speech pathologist in the social rehabilitation of children with disabilities 76

Шамшин В.А. – Актуальные вопросы исследования развития стрессоустойчивости у студентов театральных вузов при старом и новом подходе в педагогической практике

Shamshin V. – Topical issues of researching the development of stress resistance in students of theatre universities with the old and new approaches in pedagogical practice 83

Философия

Безмертный Б.В., Бессонова Н.В. – Анализ этических и правовых аспектов внедрения искусственного интеллекта в жизнь общества

Bezsmertny B., Bessonova N. – Analysis of ethical and legal aspects of artificial intelligence implementation in public life 89

Плиновский А.С. – Современные технологии как фактор развития инклюзивной культуры: возможности и риски

Plintsovsky A. – Modern technologies as a factor in the development of an inclusive culture: opportunities and risks..... 97

Скопа В.А. – Проблема достоинства человека и ренессансный индивидуализм

Skopa V. – The problem of human dignity and renaissance individualism 102

Фархетдинова Ф.Ф. – Философско-антропологический подход к пониманию свободы в Новое время

Farkhutdinova F. – A philosophical and anthropological approach to understanding freedom in Modern Times 106

Фархетдинова Ф.Ф. – Философско-антропологические аспекты развития информационного общества

Farkhutdinova F. – Philosophical and anthropological aspects of the Information society development 109

Информация

Наши авторы. Our Authors..... 112

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале..... 113

ТУРИСТИЧЕСКИЙ МАРШРУТ КАК МЕДИАТОР КУЛЬТУРНОЙ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ТУРИСТИЧЕСКОГО МАРШРУТА «ЗОВ ТОРАМЫ» В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ)

Беспалова Марина Игоревна

Аспирант, Саранский кооперативный институт
(филиал) Российского университета кооперации

m.i.bespalova@ruc.su

THE TOURIST ROUTE AS A MEDIATOR OF CULTURAL SELF-PRESENTATION (USING THE EXAMPLE OF THE NATIONAL TOURIST ROUTE "THE CALL OF TORAMA" IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA)

M. Bespalova

Summary: The main content of the article is the analysis of the tourist route as a tool of cultural self-presentation of the region. The author pays considerable attention to the characterization of the unique national tour "The Call of Torama" in the Republic of Mordovia, considering the latter in terms of the translation of ethnocultural values and the formation of the brand of the region. This study is complemented by a review of the specifics of the ecological and gastronomic components of the route, involving visits to key attractions and participation in interactive practices. In conclusion, the potential of ethnic tourism in creating and promoting a positive regional image is revealed.

Keywords: tourist route, cultural self-presentation, regional identity, Republic of Mordovia, "The Call of Torama", ethnocultural tourism, a positive regional image.

Аннотация: Основное содержание статьи составляет анализ туристического маршрута как инструмента культурной самопрезентации региона. Автор уделяет значительное внимание характеристике уникального национального тура «Зов Торамы» в Республике Мордовия, рассматривая последний в аспекте трансляции этнокультурных ценностей и формирования бренда региона. Данное исследование дополняется рассмотрением специфики экологических и гастрономических компонентов маршрута, предполагающих осмотр ключевых достопримечательностей и участие в интерактивных практиках. В заключение раскрывается потенциал этнического туризма в создании и продвижении положительного регионального имиджа.

Ключевые слова: туристический маршрут, культурная самопрезентация, региональная идентичность, Республика Мордовия, «Зов Торамы», этнокультурный туризм.

Современный туризм постепенно трансформируется из преимущественно экономического явления в значимый культурный феномен, представляющий собой способ осмысления и репрезентации локальной самобытности. Особенно отчетливо данная тенденция проявляется в регионах, стремящихся сблечь и актуализировать этнокультурное достояние в условиях всепроникающей медиатизации культуры и непрерывных социальных преобразований. Как указывают В.Н. Тарасенко и С.С. Дымова, туризм может стать существенным фактором сохранения культурного наследия посредством интеграции материальных и нематериальных ценностей в туристские продукты, формирования комфортной инфраструктуры и нестандартного подхода к интерпретации объектов культуры [4].

По мысли Д.В. Максимова, Т.А. Волковой и др., концепция территориального брендинга предполагает создание запоминающегося образа региона, способствующего укреплению его позиций на экономическом

рынке и раскрытию туристического потенциала. Региональный бренд включается в более широкий контекст национального имиджа, подтверждая актуальность брендинговых стратегий в рамках региональной и международной политики [2]. Следовательно, туристические маршруты нового типа объединяют традиционную культуру и современные формы коммуникации, превращаясь в инструмент культурной самопрезентации, внешнего брендинга и публичной дипломатии.

Республика Мордовия демонстрирует устойчивый интерес к развитию культурно-познавательного туризма как формы возрождения и популяризации региональной идентичности, повышения туристической привлекательности. К.В. Дементьева, Д.А. Бакеева и Н.М. Фролова утверждают, что крупные международные события, например Чемпионат мира по футболу 2018 года, открывают возможности для проецирования позитивного облика субъекта, основанного на таких устойчивых стереотипах, как «спортивная республика»

или «центр религиозного туризма», что в свою очередь гарантирует рост лояльности среди горожан и устойчиво положительное восприятие со стороны туристов [1, с. 138]. В качестве примера подобной инициативы выступает национальный туристический маршрут «Зов Торамы», позиционируемый как «уникальное этническое путешествие» [3н]. Проект базируется на репрезентации богатого мордовского фольклора, народных традиций, ремесленного мастерства, экосистем, гостеприимства местных жителей, аутентичной кухни и исторических памятников.

Итак, «Зов Торамы» – эксклюзивный этнокультурный тур, ориентированный на раскрытие многообразия мордовского этноса через серию познавательных экскурсий и интерактивных мероприятий. Само название символично и трактуется как приглашение для желающих прибыть в регион, чтобы прикоснуться к его достоянию. Специфика туристического маршрута заключается в многоуровневой структуре: запланированы тематические станции и вовлекающие мастер-классы, позволяющие не только наблюдать извне, но и ощущать себя непосредственными участниками культурного процесса. Так, членам туристической группы предлагается попробовать силы в изготовлении поясных украшений на дощечках, завязывании платка и лаптеплетении, изучить ключевые фразы мокшанского и эрзянского языков, освоить азы традиционного танца или пения, попрактиковаться в гончарном деле и не только.

Последовательное погружение в обрядовую культуру происходит посредством реалистичных инсценировок древних обрядовых действий, организации зрелищных игр. Во многом акцентирует концепцию этнокультурного брендинга региона визуальная и аудиальная атмосфера, воссоздающая колорит мордовской глубинки: национальные костюмы, народные напевы, живая инструментальная музыка (например, звучание той же торамы), оформление пространств изделиями народного декоративно-прикладного искусства.

Маршрут предполагает знакомство с ценными культурными и историческими объектами. Туристы посетят «религиозные жемчужины Мордовии»: Макаровский Иоанно-Богословский мужской монастырь, история которого насчитывает несколько веков, и Кафедральный собор святого праведного воина Федора Ушакова – величественный храм, построенный в честь адмирала Федора Федоровича Ушакова и являющийся одним из самых высоких православных соборов в Поволжье. Следующими точками станут единственный в республике музей спорта, расположенный на территории стадиона «Мордовия Арена», экспозиции Музея изобразительных искусств им. С.Д. Эрзи в Саранске, где выставлена

коллекция, включающая более 200 работ знаменитого скульптора Степана Эрзи, выполненных из редких пород дерева, а также произведения живописи и графики других мордовских художников – Ф.В. Сычкова, И.К. Макарова, Ф.Д. Фалилеева. В Центре эрзянской культуры в селе Подлесная Тавла экскурсанты услышат о быте и культуре эрзи, истории и особенностях села, известного как родина резчиков по дереву и тавлинской игрушки и, конечно, о жизни и творчестве фольклориста В.И. Ромашкина, основателя музыкального коллектива «Торамы».

В Доме-музее «Этно-Кудо» прибывшие погрузятся в подлинную атмосферу мордовской жизни через взаимодействие с различными экспонатами: предметами обихода, орудиями труда и иными артефактами прошлого. Кроме того, побывают в Мордовском национальном театре, будут свидетелями ярких театрализованных постановок, посвященных культуре и традициям финно-угорского народа. Кульминационным моментом путешествия, бесспорно, окажется спектакль-экскурсия на тему мордовской свадьбы.

Помимо культурной составляющей, маршрут включает экологический и гастрономический компоненты. Туристы пройдут по живописным уголкам Мордовии, к примеру отправятся в национальный парк «Смольный», где в ходе пеших прогулок смогут насладиться красотами природных ландшафтов, флорой и фауной региона. Кулинарная программа тура приглашает каждого поближе познакомиться с традиционной кухней мордвы. Туристов ждут дегустации различных деликатесов (кесте, пачат, пужат, мачаня), приготовленных по старинным рецептам в крестьянских усадьбах и местных ресторанах. На мастер-классе в «Мордовском подворье» участники попробуют приготовить пача-бургер – современную интерпретацию традиционного мордовского блюда, объединяющую в себе элементы классической и уличной кухни.

Таким образом, национальный туристический маршрут «Зов Торамы» выступает медиатором культурной самопрезентации в широком социокультурном и коммуникативном смысле. Он делает доступной и транслирует культурную память не только через формирование у туристов комплексного представления об этнографии региона, но и посредством эмоционально окрашенного переживания встречи с «другим» культурным миром. В современных условиях возрастания интереса к этническому туризму именно туристический маршрут считается действенным средством продвижения региональной идентичности, рычагом культурной дипломатии и платформой для развития локального креативного потенциала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дементьева К.В., Бакеева Д.А., Фролова Н.М. Медиаимидж региона и особенности его формирования (на примере Республики Мордовия) // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 3. С. 131–141.
2. Максимов Д.В., Волкова Т.А., Миненкова В.В., Рыжоволова Э.А. территориальный туристский брендинг // Успехи современного естествознания. 2024. № 4. С. 40–49. URL: <https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=38247> (дата обращения: 18.04.2025).
3. Национальный туристский маршрут «Зов Торамы» // Юнион: национальная туристическая компания. – URL: https://union-travel.ru/zov_torami (дата обращения: 18.04.2025).
4. Тарасенко В.Н., Дымова С.С. Управление культурой: туризм как фактор сохранения культурного наследия // Бизнес и дизайн ревю. 2021. № 2 (22). С. 10.

© Беспалова Марина Игоревна (m.i.bespalova@ruc.su).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОНСТРУИРОВАНИЕ МОДЫ И ИДЕНТИЧНОСТИ В СИСТЕМЕ КОДОВ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Кокорева Людмила Владимировна

кандидат социологических наук, Уральский
государственный архитектурно-художественный
университет имени Н.С. Алфёрова, г. Екатеринбург
lukmod4@rambler.ru

Штифанова Евгения Вячеславовна

кандидат философских наук, Уральский
государственный архитектурно-художественный
университет имени Н.С. Алфёрова, г. Екатеринбург,
eshtifanova@k66.ru

THE CONSTRUCTION FASHION AND IDENTITY IN THE SYSTEM OF CODES OF RUSSIAN CULTURE

**L. Kokoreva
E. Shtifanova**

Summary: Fashion plays a significant role not only for the development of the economy, technology, and the labor market, but also for maintaining cultural values and enhancing the image and reputation of the country. The article provides a historical and logical analysis of the evolution of the modern fashion system. The Russian cultural code is a unique set of values, traditions, symbols and images that characterize cultural heritage. If we conceptually consider domestic fashion trends, then we turned to folk costume, which is always associated with the past, with tradition. In the 20th century, interest in Western fashion concepts, brands, and fashion houses has always been much higher than in their own. Gradually, there is an understanding that modern Russian fashion is not so much an imitation of the forms of traditional clothing and Western models, as an opportunity to organically combine the past, present and future. The appeal to rethinking significant cultural codes makes it possible to identify the existing potential for constructing national identity and fashion. Until recently, fashion as an independent phenomenon had no structural or institutional support. Now there is an understanding that Russia has the resources to improve fashion as a cultural phenomenon and actualize national identity. Moreover, many studies have shown that fashion in its developed forms enhances the overall image of the country. Therefore, there is an urgent task to develop programs to support and promote Russian fashion in order to strengthen the foundations of Russian identity.

Keywords: fashion system, Russian style, identity, fashion design, cultural code, image.

Аннотация: Мода играет значимую роль не только для развития экономики, технологии, рынка труда, но и для поддержания культурных ценностей и повышения имиджа и репутации страны. В статье приводится историко-логический анализ эволюции современной системы моды. Российский культурный код представляет собой уникальный набор ценностей, традиций, символов и образов, которые характеризуют культурное наследие. Если концептуально рассматривать отечественные тенденции в моде, то обращались, как правило, к народному костюму, который связан всегда с прошлым, с традицией. В XX веке интерес к западным модным концепциям, брендам, модным домам всегда был значительно выше, чем к собственным. Постепенно складывается понимание того, что современная отечественная мода – это не столько подражание формам традиционной одежды и западным образцам, сколько возможность органично сочетать прошлое, настоящее и будущее. Обращение к переосмыслению значимых культурных кодов позволяет выявить существующий потенциал конструирования моды и национальной идентичности. До недавнего времени мода как самостоятельное явление не имела структурной, институциональной поддержки. Сейчас же сложилось понимание того, что Россия располагает ресурсами, за счет которых можно совершенствовать моду как культурное явление и актуализировать национальную идентичность. Более того, многие исследования показали, что мода в своих развитых формах повышает совокупный имидж страны. Поэтому существует актуальная задача разработать программы поддержки и продвижения российской моды для укрепления основ российской идентичности.

Ключевые слова: система моды, русский стиль, идентичность, дизайн одежды, культурный код, имидж.

Введение

Мода как явление культуры определяется через призму ценностей, форм поведения, стратегий выбора. Мода может существовать только в определенном культурном и организационном контексте. Создание моды включает в себя кооперацию людей и различные виды групповой активности, которые формируют символическую составляющую моды. Моду как механизм социальной регуляции рассматривали классики социологического подхода к этому феномену: Г. Спенсер, Г. Зиммель, Г. Тард, Т. Веблен. Мода как достояние модерна, способна конструировать индивидуальную и

групповую идентичность. Для понимания социально-исторической сущности моды, как правило, обращаются к происхождению системы моды. Мода как институциональная система появляется в середине XIX века и начинает контролировать создание и распространение модных образцов. Рассмотрение становления системы моды встречается в работах Ж. Липовецкий, Михалевой К.Ю., Курдюмовой Р.Б.

Советский Союз, как и дореволюционная Россия, никогда не входил в число стран-законодателей мировой моды, поскольку не существовало объективных (социо-экономических, геополитических, географических)

предпосылок к развитию системы моды. Все усилия и средства на уровне государственной поддержки были задействованы в легкой промышленности. Организационный и экономический аспект феномена отечественной моды в XX веке раскрывается в работах В.П. Иваницкого, М.С. Щеглова, А.Б. Гофмана, С.В. Журавлева, Ю. Гронова и других. Практический вопрос о том, какую роль играет мода в жизни нации и какие шаги нужно предпринять, чтобы стать «глобальным центром» и «законодателем моды» обсуждается в статьях Мари Риджельс Мельхиор и Йосе Теннисена.

Согласно господствующему нарративу, в течение последних десятилетий XX века резко возрастает внимание к понятию и практике использования понятия «идентичность». Идентичность более не воспринимается как данность, она проблематизируется и нуждается в обосновании. Важен именно опыт и выражение идентичности в постиндустриальных, «сетевых» или глобальных обществах. В социальных науках обсуждение идентичности осуществляется в психодинамической и социологической традициях. Первая реализуется Э. Эриксеном как напряжение между персональными переживаниями индивида и внешними обстоятельствами; вторая связана с символическим интеракционизмом (Джордж Герберт Мид), рассматривавшим идентичность как становление, как процесс. Современная исследовательница М. Моран выражает такой подход: «Вопреки господствующим представлениям, будто «идентичность всегда была важной», мы понимаем, что сама возможность истолковывать себя как человека, «имеющего идентичность» (личную или социальную), – исторически новая формулировка» [Моран, 2021. с. 15-39]. Современными мыслителями допускается, что идентичность – это шкала, которая вмещает в себя разные степени.

Идея идентичности возникает в распространении новых потребительских практик и норм, которые принято называть «обществом потребления». Исследования феномена моды в контексте практик потребления, где мода выполняет функции стимулятора рынка, поскольку меняется каждый сезон – одно из ключевых направлений исследования моды и формируемой модой идентичности. Ж. Бодрийар считал, что мода – это манипуляция и обмен знаками. Введенное П. Бурдьё понятие «символического капитала» позволяет рассматривать вопрос конструирования модой групповой идентичности, поскольку способствует повышению стоимости модных предметов (не только одежды, но и предметов потребления, разнообразных форм досуга, символов, принадлежности к определенному социальному кругу и т.д.) [Бурдьё, 1998 с. 87-96].

В конце XX, начале XXI века появляются новые стратегии исследования как феномена моды, так и формируемой модой идентичности. Такой подход реализован в работах Ю. Кавамура, Л. Свендесен, А.Б. Гофмана. Мы

принимаем точку зрения, что действие культурного кода является важной и актуальной составляющей формирования общественного сознания, поэтому закрепление через моду российских культурных кодов может стать эффективным способом влияния на государственном уровне. Целью нашей работы в этом ключе является иллюстрация того, что на протяжении XX века в России существовала возможность конструирования с помощью моды групповой идентичности. Также мы осуществляем разделение понятий моды и индустрии моды, поскольку мода – принципиально более широкий феномен и символическое явление, а индустрия моды связана с производством материального продукта, продвижением модной одежды.

Наше исследование осуществляется посредством историко-логического анализа эволюции современной системы моды, контент-анализа и системного подхода. В результате складывается понимание того, что российская мода сможет выступить так называемой «мягкой силой», способной влиять на другие страны на основе привлекательного образа. Это способ ненасильственного претворения в жизнь национальных интересов. Реализация «мягкой силы» основывается на принципах привлекательности, симпатии, добровольного участия и осуществляется в формате диалога как поиск общих ценностных оснований.

Основные результаты

Мода, являясь базовым регулятором поведения современного человека, тесно связана как с ключевыми ценностями, так и со стратегиями общественного развития. Мода охватывает многие виды актуальной человеческой деятельности, она находит отражение в экономической, политической, духовной сферах общества. «Мода предстает космополитическим феноменом, заключающим в себе ростки будущего, успешным посредником в деле создания глобальной сети производства, способным стать источником финансовой выгоды, получаемой главным образом в результате кон-тролирования нематериальных экономических процессов, таких как брендинг, маркетинг и торговля» [Мари Риджельс Мельхиор, 2012]. Как неоднократно подчеркивали исследователи феномена моды: мода нам необходима для того, чтобы транслировать свою актуальность и принадлежность к определенному сообществу, а также - мода есть совокупность знаков, с помощью которых индивид или группа подают сигналы о себе. В целом, мода есть реализация диаметрально противоположных потребностей индивида: с одной стороны, в принадлежности (одобрении, признании, включении) в определенную социальную группу, с другой стороны – в индивидуализации (различении, противопоставлении, дистанцировании) [Гурьянова, 2015 с.618-631]. Обе эти потребности оказываются базовыми и влияют на появление и поддержание идентичности. В прикладном аспекте самым эффективным

инструментом выражения своей идентичности и средством коммуникации для моды явилась одежда [Иваницкий, Щеглов, 2012 с. 4].

Современная система моды сформировалась в западном обществе в период индустриализации. До момента институализации мода происходила из недр высшего класса, который соединял в себе функции производителя и потребителя моды, т.е. «те, кто носил одежду и считались ее дизайнерами, а портные оставались анонимными» [Михалева, 2010 с. 12]. С уменьшением влияния аристократии и стиранием границ между классами, в моде не стало привилегированных образцов, которым следовало бы подражать. мода перестала функционировать как трансляция образцов с вершины общества к его низам – это точка зрения Г. Тарда, Г. Зиммеля, Г. Спенсера, Т. Веблена. Акцент сместился «с того, кто носит, на того, кто создает». В связи с эволюционным изменением общества следует различать моду и индустрию моды, которые обладают разными функциями.

Для понимания социально-исторической сущности моды, как правило, обращаются к происхождению французской системы моды. **Первый этап** становления французской системы моды связан с политикой меркантилизма и патернализма в отношении модной индустрии, великолепием французского двора, высочайшим качеством лионских тканей. Здесь большое значение имел успех министра финансов Жан-Батиста Кольбера в концентрации торговли роскошью в Париже. **Второй этап** связан с трансформацией французского общества в ходе и после французских революций, а к процессу демократизации моды добавляется фундаментальная техническая новация – изобретение швейной машинки. Историческим итогом этого периода становится факт того, что Чарльз Фредерик Ворт поставил автограф на произведении своего портновского искусства. **Третьим этапом** становится формирование современной системы моды во Франции, начиная с середины XIX века. Принципиально новым моментом была особая комбинация институциональных факторов. Формирование профессиональной организации, дающей статус кутюрье производителям моды; социальная самоорганизация швей (модисток); возникновение иерархии внутри профессиональной группы дизайнеров одежды; создание механизма диффузии моды на основе регулярных модных шоу. [Михалева, 2010 с. 44]. Центральным институтом французской модной системы является «Федерация парижских кутюрье». Федерация создает свою систему норм и следит за их исполнением. Условно дизайнеры разделяются на три категории, соответственно исполняемому ими производственному процессу: кутюрье – создают «высокую моду», их эксклюзивная одежда имеет официальное признание Федерации; дизайнеры – создают одежду категории «Pret-a-porter», все они часть элитной группы производителей готовой одежды; стилисты компаний, производящих массовую одежду. Создание

формальной дистанции между элитными и неэлитными типами дизайнеров связывает между собой высокую моду и высокую культуру, легитимизируя эстетический вкус элитной культуры [Михалева, 2010 с. 52]. Дизайнеры вовлечены как в процесс создания одежды, так и в процесс создания символического капитала, стиля и новой эстетики [Бурдые, 2002 с. 60]. Следует говорить о разных функциях индустрии моды, которая производит, продвигает и продает модную одежду, и моды, которая формирует стиль жизни и мировоззрение. Париж как столица моды заложил основы современной модной системы. Франция узнаваема как производитель элитных товаров, демонстрирует всему миру престиж через образ жизни, организацию выставок, модных показов, театрализованных мероприятий, феномены модельеров-звезд и PR-кампаний. Трехсотлетняя гегемония французской модной системы позволяет ей являться идеальным типом, поэтому делались и делаются попытки ее воспроизведения в таких городах как, Нью-Йорк, Лондон, Милан, Токио, Москва, Сидней. Тенденция различных государств перейти к созданию новой эстетики в моде наблюдается во второй половине XX века. Оказалось, что дизайн занимает главенствующее, но не единственное место в системе моды. Первостепенными задачами оказывается промышленное производство, продвижение продукта, придание ему репутации и престижа. Здесь необходимо определить соотношение явлений моды, дизайна одежды и индустрии моды. Сам феномен моды – это символический продукт, дизайн одежды конструирует образы, открывает новый стиль. Модная индустрия связана с производством одежды, её продвижением, а также сезонностью представленных коллекций.

Идея идентичности возникает в распространении новых потребительских практик и норм, которые принято называть «обществом потребления», и в серии новых социальных движений вокруг вопросов национально-цивилизационных, этно-национальных, расовых, религиозных и конфессиональных, территориальных, поколенческих, гендерных, социокультурных и иных составляющих, которые часто называют «политикой идентичности» [Моран, 2021 с. 15-39]. В конце XX, начале XXI века появляются новые стратегии исследования как феномена моды, так и формируемой модой идентичности. «Главный интерес сфокусирован на институтах моды, социальных отношениях между профессионалами в области моды, социальной дифференциации между группами модельеров, статусе модельеров, их этническом наследии и на различных системах моды всего мира» [Кавамура, 2009 с.54].

Многие теоретики моды задаются вопросом: какие шаги необходимо сделать нациям, чтобы стать законодателями моды. В каких культурных трансформациях заключается этот успех? Существование современной системы моды связано с формированием привлекательного образа государства. мода становится частью наци-

ональной политики, поскольку в перспективе позволяет занять привилегированное место на рынке международной моды, и для государства оказывается выгодным и престижным превратить моду в инструмент создания имиджа нации. Примером может служить создание индустрии моды в Бельгии и Нидерландах в XXI веке. Профессор теории моды в Институте искусств ArtEZ Йосе Тёниссен подводит итог своему исследованию [Йосе Тёниссен, 2012]. До 1960-х бельгийцы и голландцы строго следовали французской моде, переводя аутентичные выкройки на язык местного вкуса. В 1980-90 гг. Бельгия вкладывала финансовые ресурсы в текстильную и швейную промышленность, а в Нидерландах получила развитие система художественных грантов, благодаря этому сформировался стиль, который назвали «голландским модернизмом», отличающийся концептуальным подходом и четкостью силуэта. Итогом этих разных стратегий для Бельгии оказывается создание новых брендов за счет поддержки текстильной индустрии, тогда как в Голландии успешной оказывается практика больших экспериментов с ориентацией одновременно и на рынок, и на мир высокого искусства (связь с Рене Магриттом), и на народные традиции (карнавальное эстетическое измерение). Почему необходимо выстраивать идентичность? Идентичность есть призма, через которую индивид смотрит на мир. «Задачи стран, которые хотят быть лидерами в международной моде – создание новой модной эстетики, которая требует поиска идентичности и создания индустрии моды. Индустрия моды требует производства продукта, его продвижения, его реализации и придания ему престижности» [Йосе Тёниссен, 2012].

Идентичность многофакторное понятие. Проблематика российской идентичности связана и с внутренними, и с глобальными тенденциями, зависимыми от специфичной коммуникации, складывающейся в постиндустриальных реалиях [Торопова, 2010 с. 221]. Мы можем понимать формирование идентичности как трансляцию модных образцов и маркеров, а в совокупности – конструирование жизненных ценностей. Причем получение жизненных ценностей путем освоения повседневности через модную одежду. [Самовольнова, 2019 с. 392]. Важным понятием в конструировании идентичности является культурный код. Под культурным кодом «понимается совокупность знаков и система определенных правил, при помощи которых информация может быть представлена в виде набора этих знаков для передачи, обработки и хранения» [Аванесова, Купцова, 2015 с. 32]. Согласно проведенному всероссийский опросу Аналитического центра НАФИ в июне 2022 г. «россияне разделяют выраженную позицию, что литература и поэзия (63%) являются ключевым культурным фактором, объединяющим жителей всей страны. Также значительное влияние на формирование единого культурного поля оказывает народное творчество (36%), музыка (30%) и изобразительное искусство (27%). При этом игровая индустрия (4%) и мода (5%) вносят в это наименьший вклад» [Пушкин,

сила воли и богатыри: что составляет культурный код россиян, 2022]

Действительно, культурный код является одной из составляющих формирования общественного сознания. Несмотря на то, что россияне в ходе опроса не выделили моду в качестве ключевой причины формирования единого культурного поля, закрепление через моду российских культурных кодов может стать эффективным способом влияния с одной стороны на россиян, с другой на международный имидж страны. Россия располагает многими ресурсами, за счет которых можно совершенствовать моду как культурное явление. Следует предположить, что благодаря стилю и новой эстетике возможно конструировать индивидуальную и групповую идентичность.

В XX веке первым обращением к русскому визуальному коду была эпоха «Русских сезонов» С. Дягилева. Л. Бакст и А. Головин оформляли балет «Жар-Птица» в 1910 году, в следующем А. Бенуа сделал декорации и костюмы к балету «Петрушка» и важной вехой оказывается постановка балета «Золотой петушок» в 1914 году, который оформила Н. Гончарова. В итоге русская традиционность и фольклорность обрели узнаваемое для Запада лицо, в частности, потому, что эта эстетика вдохновила кутюрье Поля Пуаре на создание моды. Следующим ярким примером служит синергия возникающего нового культурного кода и конструирования советской идентичности. Многие художники, участвующие в выставках как живописцы, обратились к дизайну. Они переносили основы геометрических построений своих кубистских живописных полотен в создание интерьеров, костюмов, тканей, предметов. Л. Попова и В. Степанова в текстиле создавали рисунки для тканей из сочетания геометрических фигур. Художники-авангардисты в послереволюционной Советской России в начале 1920-х годов создали одежду, которая была функциональной и практичной. Сшитые из плотного денима, отделанные кожей и снабженные большими карманами, комбинезоны А. Родченко были рабочей униформой. Таким образом, были найдены идеальные функциональные и эстетические формы и материал. Кроме того, в одежду победившего пролетариата был «вшит» новый культурный код, она была «нагружена символически», поскольку должна была нести идею равенства полов. Создавалась и пропагандировалась специальная одежда для рабочих, адаптированная к различным профессиям и специфике их труда. Были сконструированы модели для советских празднеств. Многие из этих художественных экспериментов в области нового стиля и дизайна одежды, в которых с энтузиазмом участвовали выдающиеся русские художники, ныне вошли в сокровищницу мирового искусства и могут быть использованы для поддержания кода Российской культуры.

Русская культура вобрала в себя понемногу от других

этнических групп, и советская мода 1920-х использовала как элементы этнических мотивов, так и вдохновлялась фактом индустриализации и урбанизации для конструирования советской гражданственности. Мудрость принципов народного костюма лежит в основе творчества Н.П. Ламановой: сконструированные ею модели из простых крестьянских полотенец с народным орнаментом и формой, дающей свободу движения. Н.П. Ламанова продолжает традицию художников-авангардистов – искать и находить современное в архаичном. Она использовала модульное проектирование, а в основу ее кроя лег прямоугольник. Перспективными и оригинальными были модели рубашечного кроя с «орнаментом конструктивистского типа» где вертикальный ритм темных и светлых полос приближал их к геометрической форме прямоугольника [Стриженова, 1972 с. 39]. «Простота расклада выкройки на материале, отсутствие обрезков ткани, дешевизна готовых вещей давала возможность массового производства. Модели дамских платьев Н.П. Ламановой в соавторстве с В.И. Мухиной экспонировались на Международной выставке декоративного искусства и художественной индустрии в Париже в 1925 году и получили Гран При «За национальную самобытность в сочетании с современным модным направлением». Страна впервые выступала на мировой арене. [Филатова, 2006 с.225]. Однако, эти находки были использованы позже зарубежными дизайнерами и стали модными. Несмотря на большие усилия, вложенные в легкую промышленность, мода в СССР в условиях дефицита развиваться не могла, а была мода на импортную одежду. СССР так и не стал законодателем мировой моды [Журавлев, Гронов, 2013 с. 55].

Многие западные дизайнеры часто обращались к российской культуре как к творческому источнику для своих коллекций. Например, Антонио Маррас в коллекции «Балет» 2006г., Роберто Кавалли обращался к русской теме и использовал орнамент в верхней одежде 2004-2007гг., Джон Гальяно для дома Christian Dior использовал этнические мотивы в коллекции 2002-2003гг. «Эскимосы»; Дольче и Габбана - в верхней одежде из ондатры и дублёной овчины 2005-2006гг; Пако Рабан в коллекции 1995г. «Русский шлем»; Ив Сен-Лоран в коллекции 1976-1977гг. использовал в русском стиле дубленки, шапки-боярки, сапоги, широкие юбки с орнаментом – и весь мир моды стал ему подражать. Список можно продолжать.

Связь времен – это достойный проект по возвращению Российского культурного и исторического наследия для использования в символах моды и конструирования идентичности. Вторая половина XX века – первые десятилетия XXI века ознаменованы тем, что многие модельеры используют в своих коллекциях элементы традиционного русского костюма. В период перестройки и после нее российские дизайнеры неоднократно обращались к этой теме. Красота, созданная народом, получала новую

жизнь в декоре современного модного костюма: в коллекции «Beauty» 2007 г. Татьяны Парфеновой, из платков Павловского посада в коллекции Славы Зайцева «Остановилось мгновение» 2006г. [Козлова, 2008. с.82]. Вячеслав Зайцев сделал себе имя на образе живописной, праздничной крестьянки, а также меховые рукавицы и шапку-ушанку из его коллекции можно встретить у многих западных дизайнеров. Валентин Юдашкин обратился к ретро-теме «Путешествие из Петербурга в Москву» – 2007-2008г. Денис Симачёв использовал ткани с рисунками Гжели и Хохломы в 2005-2006 гг. На основе платков Павловского посада была создана женская коллекция. Дизайнер показал коллекцию для мужчин в 2005 г. на базе русского кода, создав новый образ мужчины – брутальный мужской образ. В подтверждение распространения этих творческих источников, Н.Б. Козлова собрала уникальный материал использования русского стиля в коллекциях западных и русских дизайнеров [Козлова, 2008. с.78].

Примером растущего интереса к России в мире моды является использование надписей на одежде кириллическим шрифтом. Одним из популяризаторов кириллицы считается Гоша Рубчинский, для которого родной язык является обязательной составляющей эстетики его бренда. Кириллическая надпись стала простым способом выделиться и выглядеть актуально. Дизайнер экспериментирует с текстом и кириллицей, вводит основные цвета русского плаката, прочтение шрифтового декора ассоциируется с работами Эль Лисицкого и Александра Дейнеки. Не сложно и разглядеть влияние А. Родченко в его коллекциях, Гоша Рубчинский по праву является наследником конструктивизма. Можно резюмировать, что русский язык и кириллический текст становится для иностранцев тем, чем для нас был не так давно английский язык [Кириллица в мировой моде. Визуальное исследование, 2021]. Сейчас мы наблюдаем построение коллекций, разработанных за счет локальных культурных кодов – от церковно-славянского шрифта до образа популярных, значимых артистов. Отечественные дизайнеры вдохновляются культурой народов России, что прослеживается в коллекциях Ольги Бубновене и Ксении Илауски из Ханты-Мансийска.

Заключение

В заключение необходимо подчеркнуть, что наиболее своевременным и актуальным методом исследования моды является системный подход. Авторы статьи провели историко-логический анализ современной системы моды, ими были рассмотрены наиболее важные культурные коды, которые способны конструировать национальную идентичность и отечественную моду. Можно сделать вывод, что мода – это форма социальной регуляции, компромисс между общественным принуждением и индивидуальной свободой, является культурным феноменом со множеством «перформатив-

ных высказываний», которые формируют социальную идентичность субъекта. Важно рассматривать моду в контексте теории потребления, поскольку сфера потребления есть производство и обмен знаками, а также воспроизводство символического капитала и поддержание определенных модных тенденций при помощи многочисленных организаций. Современные искусство и мода являются сильным высказыванием по поводу многих социально-политических вопросов, и политические лидеры должны обращать на это внимание. Не случайно в феврале текущего года вступил в силу закон «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации». Регионам осознанно передали полномочия по развитию креативных индустрий и формированию списка критериев для них. В 2019 году создан Фонд Моды, в задачи которого входит устранение барьеров в развитии индустрии моды, в том числе и информационного характера.

Отечественная культура становится популярной и привлекает внимание не только внутри страны, но и за ее пределами. Сегодня мы наблюдаем, как многие российские дизайнеры и бренды завоевывают репутацию на мировой арене, создавая уникальные коллекции, которые отражают культурный код России. Это открывает новые перспективы для использования моды как инструмента «мягкой силы» – способности влиять на другие страны на принципах привлекательности, симпатии и добровольного участия. Российская мода может конструировать идентичность, стать проводником российской культуры за пределами страны и важным источником информации о России для мирового сообщества. Ее креативность и оригинальность могут быть ключевыми элементами, способствующими формированию позитивного образа России в глазах международного сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесова, Г.А., Купцова, И.А. Коды культуры: понимание сущности, функциональная роль в культурной практике // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: Сб. статей по материалам XLVII международной научно-практической конференции. 15 апреля 2015 г. Новосибирск: Сибирская академическая книга, 2015. – № 4(47). – С. 28-37.
2. Бурдые, П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1. № 2. – С. 87-96.
3. Бурдые, П. Формы капитала // Экономическая социология. Электронный журнал. – 2002. – №5. – С. 60–74.
4. Гурьянова, М.В. Социология моды в XX веке: от классических концепций к их перцепции в современных теориях // Культура и искусство. – 2015. – № 6. – С. 618-631.
5. Журавлев, С.В., Гронов, Ю. Мода по плану: история моды и моделирования одежды в СССР, 1917—1991.— Москва; [ИРИ РАН], 2013. – 496 с.
6. Иваницкий, В.П. Экономика моды: монография / В.П. Иваницкий, М.С. Щеглов; под науч.ред. В.П. Иваницкого; Мин-во образования и науки РФ, Урал. гос. экон. Ун-т. – Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2012. – 144с.
7. Йосе Тёниссен Мечты о моде в Бельгии и Нидерландах: от глобальных тенденций к региональному ремеслу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/teoriya_mody/25_tm_3_2012/article/18962 (дата обращения: 05.03.2025)
8. Кавамура Ю. Теория и практика создания моды. – Минск: Гревцрв Паблшер, 2009. – 192 с.
9. Кириллица в мировой моде Визуальное исследование [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.KTZ.com // www.Heron Preston x KM20.com> Санкт—Петербург 2021(дата обращения: 06.03.2025)
10. Козлова, Н.Б. Магия русского стиля. – Москва: ОАО «Московские учебники и Картолиитография», 2008. – 512 с.
11. Мари Риджельс Мельхиор От наций дизайнера к нациям моды? Мечта о моде в современной Скандинавии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/teoriya_mody/25_tm_3_2012/article/18961 (дата обращения: 05.03.2025)
12. Михалева, К.Ю. Система моды. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 137с.
13. Моран, М. Идентичность и политика идентичности: культурно-материалистическая история // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2021. – № 1(135). – С. 15-39.
14. Пушкин, сила воли и богатыри: что составляет культурный код россиян [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nafi.ru/analytics/pushkin-sila-voli-i-bogatyri-chto-sostavlyayet-kulturnyy-kod-rossiyan/> (дата обращения: 03.03.2025)
15. Самовольнова, О.В. Значение моды в конструировании социальной идентичности // Электронный сетевой политематический журнал "Научные труды КубГТУ". – 2019. – № 54. – С. 391-402.
16. Стриженова, Т. Из истории советского костюма. – Москва: Советский художник, 1972. – 112 с.
17. Торопова, Е.А. Национальная идентичность как компонент имиджа страны // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2010. – № 4. – С. 219-230.
18. Филатова, Н.А. Феномен Надежды Ламановой: искусство и реальность // Вестник Академии русского балета им. А.Я. Вагановой. – 2006. – №16. – С.212-229

РОЛЬ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ ВЫСТАВОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ВЫСТАВКИ «ФАЛЬКОНЬЕ. АРХИТЕКТУРА СВЕТА»

Кудозов Артём Темирланович
Российский государственный
гуманитарный университет
a.kudozov@gmail.com

THE ROLE OF MEMORY IN MODERN EXHIBITION ACTIVITIES ON THE EXAMPLE OF THE EXHIBITION "FALCONIER: THE ARCHITECTURE OF LIGHT"

A. Kudozov

Summary: The article examines how the process of working with visitors' memory in modern exhibition activities is organized using the example of the exhibition "Falconier. Architecture of Light". The choice of the source is motivated by the fact that the exhibits of the exhibition are everyday objects - Falconier glass bricks, which before the exhibition were valuable only to a limited circle of people - connoisseurs of the architecture and history of Moscow. The exhibition is designed to introduce the general public to this unique element of architecture, to draw attention to the problem of the destruction of glass bricks and the lack of their protected status. The author is interested in how the Falconier brick is endowed with meanings by the curators of the exhibition and how it is given value from the point of view of memory studies and the theory of imprinting. How, in order to create an active memory and, as a result, cultural memory, an appeal to the memory and emotions of visitors to the exhibition occurs. The findings of the study show that this process involves different types of experience that the visitor must experience - from visual to tactile, as well as various ways of prolonging memory, including souvenirs and the design of the museum space itself.

Keywords: remembrance, cultural memory, experience, exhibition activities, curating, imprinting.

Аннотация: В статье на примере выставки «Фальконье. Архитектура света» рассматривается, как устроен процесс работы с памятью посетителей в современной выставочной деятельности. Выбор источника мотивирован тем, что экспонаты выставки — это повседневные объекты - стеклянные кирпичи Фальконье, до начала выставки, имеющие ценность только для ограниченного круга людей - знатоков архитектуры и истории Москвы. Выставка же призвана познакомить широкую публику с этим уникальным элементом архитектуры, привлечь внимание к проблеме уничтожения стеклянных кирпичей и отсутствию у них охранного статуса. Автора интересует то, как кирпич Фальконье наделяется смыслами кураторами выставки и как ему придается ценность с точки зрения memory studies и теории импринтинга. Как, с целью создать активное воспоминание и, как следствие, культурную память, происходит обращение к памяти и эмоциям посетителей выставки. Выводы исследования показывают, что в этот процесс вовлечены разные типы опыта, которые должен переживать посетитель - от визуального до тактильного, а также различные способы продления памяти, включающие в себя сувенирную продукцию и оформление пространства самого музея.

Ключевые слова: воспоминание, культурная память, переживание, выставочная деятельность, кураторство, импринтинг.

В современной музейной выставочной деятельности в последние несколько лет существуют две интересные тенденции. Первая касается слияния жанров в рамках одной выставки, то есть происходит не только трансляция объектов и связанных с ними значений и смыслов, но и развлечение посетителя за счет включения эмоциональной составляющей в выставочный нарратив. Вторая тенденция заключается в том, что происходит музеефикация повседневных объектов. Казалось бы, это не ново, и существует множество примеров, когда повседневные вещи включаются в экспозицию, сопровождая произведения искусства, из последних проектов в России в пример можно привести выставки «Мечты о свободе. Романтизм в России и Германии» в Государственной Третьяковской галерее (здание «Новая Третьяковка») и «Бывают странные сближения» в Государственной музее изобразительных искусств им. А.С.

Пушкина. Однако, сам повседневный объект не становился центральным экспонатом выставки и вокруг него не была выстроена её драматургия.

В этом плане, проходившая в государственном музее архитектуры имени А.В. Щусева в 2023 г. выставка «Фальконье. Архитектура света» кажется особенно интересной, так как является выставкой одного экспоната - стеклянного кирпича Фальконье. Это вещь повседневная, это строительный материал, который по совместительству обладает эстетическими качествами, свойственными эпохе эклектики и модерна. По сути, экспонат выставки это реди-мейд. Но если в случае Марселя Дюшана в роли того, кто наделяет смыслом реди-мейд оказывается художник, то в случае выставки стеклянных кирпичей смыслом их наделяют кураторы.

В интервью Хансу У. Обристу из сборника «Краткая история кураторства», Анна д'Арнонкур говорит о том, что задача куратора — это показать зрителям исключительную силу экспонатов, относясь при этом уважительно к их контексту [8]. Сила экспоната — в его эмоциональном воздействии на посетителя, которое может регулировать куратор. В этом плане интересна мысль Александра Дриккера о современных музейных практиках экспонирования: «в музее существенна не информация сама по себе, а восприятие прекрасного, эмоционально подкрепленное, усиленное предметной средой и особым переживанием» [5]. Отчасти, можно говорить о том, что так проявляются концептуальные изменения, провозглашенные метамодернизмом — преодоление устоявшихся границ форм опыта и апелляция к чувственности и эмоциям [10]. Конечно, рассуждения, которые я привел выше относятся к художественным выставкам, но и в случае выставки Фальконье эти аспекты актуальны. Однако, выставка произведений искусства и выставка строительного материала, суть реди-мейда, это два разных уровня экспонирования и стратегий работы с посетителем. Предположим, что в нашем случае основной упор делается на «особое переживание». Поэтому, интересно задать вопрос, как устроено это «особое переживание» с точки зрения работы с памятью посетителя.

За последние пять лет, кирпич Фальконье обрёл просветительский интерес. Экскурсоводы и гиды по Москве часто включали демонстрацию зданий с использованием кирпичей Фальконье в маршруты своих экскурсий, отдельно обращая на них внимание зрителей. Также общественный резонанс в 2021 г. вызвала петиция «Сохраним подлинную Москву» Эрика Шахназаряна, в рамках которой в качестве рекламы было выпущено видео, на котором легендарный оперный певец Пласидо Доминго, держа в руках кирпич Фальконье, призывает сохранять культурное наследие Москвы [11]. Кирпич — это часть здания, которое, возможно, оказалось утраченным или стало жертвой лишённой рефлексии реставрации. Кирпич Фальконье, таким образом, не только символически отсылает к объекту культурного наследия, часть которого он был, но и несёт в себе значения и смыслы своего времени, он — часть культуры, которая, казалось бы, осталась в прошлом. Благодаря инициативам гидов, экскурсоводов и блогеров, кирпич Фальконье стал символом культурного наследия, в дополнение к значениям, которыми он уже обладал, будучи культурным объектом (то же самое касается другого важного объекта, освященного так же тщательно, но пока не получившего своей персональной выставки — метлахской плитки). Но эта идея понятна только тем субъектам, которые знали о петиции или ходили на экскурсии. Фальконье, и следовательно, сохранение культурного наследия еще не стало социальной и культурной ценностью. Музей, таким образом, создавая выставку, посвященную архитектурной детали, может выступить в социальной роли агента по распро-

странению идей, импринтингу, осознанию проблемы и обсуждению её на более высоком уровне (особенно, если музей государственный).

Как отмечает Алейда Ассман, музей, в первую очередь, работает с культурной памятью, а во вторую — с индивидуальной [1]. Содержимое культурной памяти нуждается в объяснении, актуализации и обновлении. Это необходимо для того, чтобы сам для себя посетитель понял, почему то, что ему показывают ценно и почему он должен об этом знать, а также, в случае выставки объектов культурного наследия, помнить и актуализировать для себя. Следовательно, создатели выставки в этом случае работают не только с эмоциями посетителя, но и с его памятью. В случае выставки, это может быть осуществлено посредством её драматургии, нарративных и дискурсивных измерений, нестандартных экспозиционных решений, включение разных форм опыта, которые посетитель будет переживать при просмотре, а также мерчендайзинг. Всё это я хотел бы включить в своё небольшое исследование в качестве объекта, чтобы выявить какова роль памяти в том опыте, который получает посетитель на выставке. Пример, который я буду рассматривать это выставка «Фальконье. Архитектура света». Методологическими ориентирами для меня выступают работы «Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика» и «Забвение истории — одержимость историей» А. Ассман, «Культурный код» Клотера Рапая. При анализе я работаю с категориями «воспоминание», «культурная память», «нарратив», «экспонирование», «инсценирование» и «импринтинг».

Расположенную на двух этажах флигеля «Руина» экспозицию выставки, можно разделить на две тематические части: исторически-биографическую и эмоционально-актуализирующую. Как известно, эмоции — это основа импринтинга, только благодаря им создаётся ментальная трасса. Но в случае с памятью, этот процесс устроен сложнее — для того, чтобы создать активное воспоминание, сначала нужно получить некую информацию, потом должна пройти её переработка на эмоциональном уровне, чтобы она превратилась в знание и персональный опыт. Поэтому на первом этаже экспозиции посетитель проходит своего рода школу на месте, и на этой стадии стеклянный кирпич, который суть строительный материал и реди-мейд, но одновременно символ, начинает обрастать для него смыслами.

Происходит получение информации посредством восприятия нарратива о стеклянном производстве на стыке веков, жизни инженера Гюстава Фальконье, распространении его изобретения в разных странах. Снабжение этого нарратива фактами о кирпичах Фальконье (например, что они сложны в производстве, но при этом

практичны, что они были распространены в употреблении, что они эстетически приятны, что это ручная работа и т.д.), подкрепленное экспертной оценкой (получение Гран при Всемирной выставки в Чикаго 1893 года) и визуальным нарративом, в который входят фотографии и сами экспонаты (аутентичные кирпичи), также работают на то, чтобы зритель погрузился в исторический контекст появления Фальконье, получил информацию. Экспозиция первого этажа, таким образом, сугубо информационная и не содержит в себе эмоционального компонента или «особого переживания», и если бы выставка ограничивалась только этим, то память осталась бы экскарнированной, в силу чего активного воспоминания и тем более импринтинга не получилось бы. Точно так же и без получения на месте информации для дальнейшей обработки, это тоже было бы невозможно. Посетитель должен обладать некой информацией, которая закрепится и превратится в знание, активное воспоминание и часть культурной памяти, когда он закончит осмотр уже на втором этаже.

Эмоционально-актуализирующая часть (второй этаж) направлена как раз на то, чтобы завершить процесс импринтинга и создания воспоминания. Посетитель получает новую форму опыта, более эмоционально наполненную, которая показывает, как Фальконье может быть использовано уже не на фотографии из прошлого (как на первом этаже), а физически, в настоящем, за счёт собранных из новых стеклянных кирпичей крупных конструкций, заполняющих пустые пространства в стенах флигеля «Руина». Он может к ним прикоснуться, точно так же он может потрогать все инструменты стеклодувов, формы для кирпичей, сами кирпичи на специальном стенде, который называется «Понимаем, как хочется потрогать стеклянные кирпичи руками. На этом стенде можно трогать всё!». То есть, тактильность и получение эмоций от неё — это предполагаемый кураторами способ коммуникации. Даже если у посетителя до этого не возникало желания потрогать стеклянные кирпичи, то создатели выставки подталкивают его к этому, ведь есть такая возможность. Кирпич Фальконье, который, как мы обозначили выше, уже обладает некоторым набором значений для посетителя, у него есть историческая и эстетическая ценность. Реди-мейд стал историко-ауратическим объектом, с которым посетителя во времени разделяет сто лет, но создателями предлагается ход по сокращению этой дистанции. Таким образом, происходит переход от «видеть» к «пережить», тут появляется то самое «особое переживание», потому что посетитель и кирпичи Фальконье «в действии» оказываются лицом к лицу, в настоящем времени.

В определенной степени, идеи М. Дюшана также работают в практике контакта с объектом экспонирования. Как и в случае с обложкой каталога выставки «Пожалуйста, трогайте» или реди-мейдом «Велосипедное

колесо», когда посетитель трогает стеклянные кирпичи и инструменты стеклодувов, происходит разрушение границ между ним и объектом эстетизации. Между посетителем и создателем, как выставки, так и самих кирпичей Фальконье. Аналогично тому, как социальное забвение поступает с памятью, в нашем случае происходит обратный процесс — знакомство посетителя с творцами-стеклодувами, их инструментами, работой и её результатами, суть включение одного субъекта в символическое пространство другого. Ощущаемое чувство обладания знанием, личного знакомства и пережитого опыта способствует появлению эмоциональной связи посетителя с объектом и его значениями, теперь он вовлечен, заинтересован и, как следствие, происходит обработка той информации, которую посетитель получил на первом этаже и переход от информации к знанию, от «видимого» к «пережитому», это становится персональным опытом, активным воспоминанием.

Однако, эти процессы создания воспоминания и импринтинга не заканчиваются, так как необходимо расширить спектр эмоций, получаемых посетителем, чтобы создать ментальную трассу. И мультимедиа-инсталляция «Беда», посвященная уничтожению кирпичей Фальконье во время капитального ремонта здания Государственного архива РФ (далее ГАРФ) в 2019 году создана именно для этого. А. Ассман предложила удобные категории исторической репрезентации, как «нарратив», «экспонирование» и «инсценирование», последнюю она разделяет на медийное и пространственное [2]. О нарративе и экспонировании мы уже говорили ранее, однако в случае инсталляции и формы, в которой она реализована в пространстве выставки. «Беда» совмещает в себе черты экспонирования и инсценирования. С одной стороны, инсталляции, по А. Ассман, упорядочены в пространстве, поэтому по умолчанию включены в экспонирование. Но в нашем случае инсталляция мультимедийна: у неё есть своего рода сцена и она сама воспроизводит видеозаписи события, которые важны для нарратива выставки (суть инсценирование).

Она сделана по принципу панорамы: экран с кадрами капитального ремонта ГАРФ 2019 г., около него демонстрируются кирпичи, которые удалось спасти. На месте, где размещена инсталляция отсутствует покрытие на полу, поэтому кирпичи Фальконье лежат на нештукатуренной кирпичной кладке, которой построен флигель, что усиливает эффект разрушения и хрупкости. Спасённые кирпичи на нештукатуренной поверхности вместе выступают в роли немых свидетелей в контексте инсталляции. Рассуждая в духе В. Беньямина, музей включил в своё пространство этот инцидент и опыт, полученный очевидцами и теми людьми, которые спасали стеклянные кирпичи [3]. Так как музей суть символическое пространство, которое транслирует значения, то за счёт медийно-пространственного инсценирования

расширяется не только круг проблем, связанных с сохранением культурного наследия, но и значений, которыми посетитель связывается с Фальконье. Теперь опыт и связанные с ним значения и эмоции передаются посетителям выставки.

В зависимости от того, как захочет посетитель построить свой маршрут на втором этаже выставки, инсталляция может либо начать его, либо закончить, от этого будет меняться восприятие выставки дальше, что создаёт возможность множественной интерпретации. Однако, функция инсталляции остаётся одной - вовлечение зрителя, создание живых впечатлений за счёт передачи опыта со всей его трагичностью, чтобы посетитель отчасти пережил его, получил отнюдь не только эмоции восхищения и сопричастия, как творца, но и как потенциального спасителя. Таким образом, отчасти получив тот опыт, который испытали люди, спасавшие кирпичи Фальконье и увидев события, которые не знал, посетитель чувствует связь, свою сопричастность. Ему история Фальконье уже знакома, он знает о том, что это сложная работа, что это красиво и интересно, это ручная работа, он даже прикасался к инструментам стеклодувов (в том случае, если он переживает инсталляцию в конце осмотра), он чувствует свою сопричастность. Фальконье перестали быть чем-то незнакомым, они обрели значение и чувственную притягательность. Поэтому, когда показывают кадры разрушения, снабжая это аутентичными целыми и треснутыми кирпичами, то возникает внутреннее негодование, неприятие с точки зрения морали. Однако, именно такого рода чувства, негативные, зачастую формируют воспоминание, из которых складывается память [1]. Вспоминая пример с ожогом о горячую сковородку у К. Рапая, инсталляция-панорама работает по сходной логике и преследует одну и ту же цель-импринтинг, составление ментальной трассы (уточним, что в случае со сковородкой речь идет о передаче болевых ощущений, а инсталляция даёт посетителю возможность пережить негативный опыт) [9]. Происходит осознание ценности стеклянных кирпичей, а вместе с ними и материальных объектов культурного наследия, обработанная информация становится знанием, которое попадает в функциональную культурную память, обеспечивая таким образом активное воспоминание.

Формированию активного воспоминания также способствуют объекты, которые не входят непосредственно в экспозицию. Как пишет А. Ассман содержимое культурной памяти нуждается в долговременности и повторяемости, поэтому в интересах музея, продвигающего какое-то сообщение или идею, желающего сделать импринтинг, необходимо, чтобы осталось что-то и после окончания работы выставки. Растянуть её, а вместе с ней и предлагаемый ей опыт, воспоминания и эмоции во времени. Способы, которыми музей это делает разнообразны. Например, остекление окон флигеля «Руина»

кирпичами Фальконье. Одно окно было остеклено уже к моменту открытия выставки, а второе появилось летом 2024 г. 30 июля 2024 года в официальных пабликах в социальных сетях музея архитектуры было объявлено о том, что ещё одно окно флигеля «Руина» на постоянной основе остеклено новыми кирпичами Фальконье (причем, отдельно выделяется, что самой редкой формой «Морская раковина»)[7]. Таким образом, даже те люди, которые не были на выставке всё равно получают часть эмоций и опыта нахождения с кирпичами Фальконье «в действии» в одном месте в настоящем времени, который был доступен её посетителям.

Важно то, что таким образом кирпичи Фальконье показываются «в действии», «как могло бы быть». Здесь снова можно вернуться к категории инсценирования, как виду исторической репрезентации, однако конкретизировав его, как пространственное инсценирование, перформативную реконструкцию. Так как, например, через фотографии не чувствуется масштаб, ощущение пространства и того, как стеклянные кирпичи его меняют не так остро передаются посетителю, но реконструкция остекления окон и перекрытий из новых кирпичей Фальконье открывает гораздо больше возможностей для вызова этих ощущений, эмоционального отклика и, как следствие, сопричастия посетителей. Причём, не только тех, кто пришёл на выставку, но и тех, кто пришел в музей уже когда она закончилась. Кирпичи Фальконье остаются на виду, и тем самым также остаются в памяти, отчасти здесь работает логика мемориала. То же самое относится к арт-объекту, который разместили во дворе музея в мае 2024 - «Кристаллу представления», выполненному по проекту Сергея Кузнецова [4]. Всё это для того, чтобы пролить память и актуализировать связанные с экспонатами проблемы. Овеществление памяти, её материальное пространственное инсценирование создаёт фундамент для долговременной памяти и её же воспоминания.

Долговременность памяти также поддерживает сувенирная продукция, сделанная специально для выставки: шейные платки, резинки для волос, ювелирные украшения, конструкторы для детей, открытки, сумки-шоперы, кружки и в конце концов, сами кирпичи Фальконье (новые, не исторические). На выставке кирпич Фальконье оброс смыслами, был сделан импринтинг, что делает его желанным объектом потребления. Особенно, если опыт посещения выставки оказался таким, что инсталляция «Беда» его завершала, то своё возникшее чувство несправедливости или желание сделать что-то для сохранения Фальконье и культурного наследия, желание унести с собой часть того опыта, переживания, которое он испытал, посетитель может реализовать через приобретение сувенира. Но приобретение сувенира, вещи, которая символически будет отсылать к Фальконье, которую человек будет использовать в по-

вседневности, гарантирует активность воспоминания. Точно так же, как музей, за счёт инсценирования, символически стал пространством ушедшего прошлого, точно так же сувенир из этого символического пространства, сохранив себе значения, вложенные в Фальконье кураторами, будет транслировать их, но уже в повседневной жизни его владельца. Включение стеклянного кирпича Фальконье в повседневность также дает памяти возможность продлить выставку, её знание и послылы, а вместе с тем посетительские эмоции и воспоминания, которые останутся в функциональной культурной памяти.

Выводы

Таким образом, можно заключить, что при экспонировании объектов культурного наследия кураторская работа ведётся не только с эмоциями, но и памятью. Предлагается не просто посмотреть, например, на красивые кирпичи из прошлого, а пережить их и связанные с ними смыслы в настоящем времени, некий посетительский переживаемый опыт. Посетительский опыт создается выставочной драматургией, переживаниями, эмоциями широкого диапазона от восхищения или умиления, до разочарования и негодования, что в свою очередь, способствует усвоению знания, послыла, который хотели донести создатели выставки, суть процесс импринтин-

га, превращается в воспоминания. Сами вещи теряются, разрушаются, но выставочный проект метафизически может их оживить, обращаясь к памяти и эмоциям людей, тем самым актуализируя их в настоящем. В качестве примера последствия этого процесса можно привести недавнее заявление, оставшегося безучастным в ситуации со зданием ГАРФ в 2019г., департамента культурного наследия города Москвы о том, что в предстоящем капитальном ремонте подворья Саввино-Сторожевского монастыря на Тверской улице, будет проведена реставрация старинных кирпичей Фальконье, а бреши в кладке будут восстановлены кирпичами производства мастерской NWGlass[6].

Также важным компонентом становятся возможности продлить память об объекте, которому посвящена выставка - запоминающаяся сувенирная продукция, которая может быть включена в повседневность, то, чем можно пользоваться; остекление окон флигеля музея; арт-объект, которые доступны в любое время - так увеличивается уровень потенциальной партиципации и вовлеченности посетителей. Таким образом, выставка, её создатели, производят нечто устойчивое, знание в функциональной культурной памяти, активное воспоминание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М., НЛО., 2023.
2. Ассман А. Забвение истории- одержимость историей. М., НЛО., 2019.
3. Беньямин В. Краткая история фотографии. М., Ад Маргинем Пресс, 2013.
4. В Музее архитектуры представили арт-объект «Кристалл представления». [Электронный ресурс]. URL: <https://muar.ru/news/v-muzee-arkhitektury-predstavili-art-obekt-kristall-predstavleniya/> Дата обращения: 16 мая 2024 г.
5. Дриккер А.С. Виртуальный музей: От информационных технологий к новому качеству художественных решений. [Электронный ресурс]. URL: <https://culture29.ru/upload/medialibrary/1b7/1b728e7ad7bfabcb0de0be88d7963497.pdf> Дата обращения: 15. 08. 2024
6. "Восстановят и вернут на место: окна с кирпичами Фальконье обнаружили во время капремонта дома на Тверской". [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mos.ru/news/item/137153073/> Дата обращения: 16 апреля 2024 г.
7. Музей архитектуры совместно с производством NWGlass.lab представляют стеклянный кирпич модели «Морская раковина». [Электронный ресурс]. URL: <https://muar.ru/news/muzey-arkhitektury-sovmestno-s-proizvodstvom-nwglass-lab-predstavlyayut-steklyannyy/> Дата обращения: 30 июля 2024 г.
8. Анна д`Арнонкур/ Обрист Х. У. Краткая история кураторства. [Электронный ресурс]. URL: <https://fb2.top/kratkaya-istoriya-kuratorstva-347332/read/part-12> Дата обращения: 14. 08. 2024
9. Рапай К. Культурный код. Мск. шк. упр. "Сколково", 2008.
10. Тернер Л. Манифест метамодернизма. [Электронный ресурс]. URL: <https://metamodernizm.ru/manifesto/> Дата обращения: 15 апреля 2025 г.
11. Петиция "Сохраним подлинную Москву". [Электронный ресурс]. URL: <https://www.change.org/p/%D1%81%D0%BE%D1%85%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%BC-%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%BD%D1%83%D1%8E-%D0%BC%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%B2%D1%83> Дата обращения: 2 августа 2024 г.

© Кудозов Артём Темирланович (a.kudozov@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОБЪЕКТОВ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТУРИСТИЧЕСКИХ ПРОЕКТАХ¹

Сунь На

Старший преподаватель, Хэйхэский университет
909389521@qq.com

DIFFERENTIATION OF OBJECTS NECESSARY FOR STUDYING IN SOCIO- CULTURAL TOURISM PROJECTS²

Sun Na

Summary: The work reflects the author's research activities related to the differentiation of objects that are necessary for studying in socio-cultural tourism facilities. In this case, the grounds for classifying objects of socio-cultural tourism are studied, as well as their significance for cultural and educational activities. The author examines various tourist sites that need to be included in the implementation of socio-cultural tourism projects. At the same time, the emphasis is on the integration of modern and historical components in the routes and the activation of tourists' opportunities to get acquainted with the heritage of the visited country. The publication highlights the importance of socio-cultural facilities for the territorial organization of tourism and the increase in tourist flows both inside and outside the country. Based on the research, the specifics of the various regions included in the routes of socio-cultural tourism and their importance for the development of It is also interesting to present the international experience in the implementation of Russian-Chinese socio-cultural projects and the tourist sites that are represented in them. The practical significance of the research lies not only in specifying socio-cultural objects, but also in determining the possibility of including them in the most significant modern routes. The purpose of the work is to differentiate the objects of visiting and research in socio-cultural tourism. The object of study is socio-cultural tourism projects, the subject is tourist facilities.

Keywords: socio-cultural tourism, tourist site, historical heritage, socio-cultural phenomenon, international tourism project, historical component, tourist flows the tourism potential of the state as a whole are determined.

Аннотация: Работа отражает исследовательскую деятельность автора, связанную с дифференциацией объектов, которые необходимы для изучения в социокультурных объектах туризма. В данном случае изучаются основания классификации объектов социокультурного туризма, а также их значимость для культурно-просветительской деятельности. Автор рассматривает различные туристические объекты, которые необходимо включать в реализацию социокультурных туристических проектов. При этом акцент делается на интеграцию современных и исторических компонентов в маршрутах и активизацию возможностей туристов познакомиться с наследием посещаемой страны. В публикации подчеркивается значимость социокультурных объектов для территориальной организации туризма и увеличения туристических потоков как внутри страны, так и за ее пределами. На основании исследования определяется специфика различных регионов, включенных в маршруты социокультурного туризма и их значение для развития туристического потенциала государства в целом.

Интересным также представляется презентация международного опыта реализации российско-китайских социокультурных проектов и тех туристических объектов, которые в них представлены. Практическая значимость исследования заключается не только в конкретизации социокультурных объектов, но и в определении возможности включения их в наиболее значимые современные маршруты. Целью работы является дифференциация объектов посещения и исследования в социокультурном туризме. Объект изучения – социокультурные туристические проекты, предмет – туристические объекты.

Ключевые слова: социокультурный туризм, туристический объект, историческое наследие, социокультурный феномен, международный туристический проект, исторический компонент, туристические потоки.

Введение

Современная туристическая отрасль представляет собой масштабное пространство, которое отражает не только историческое и социокультурное

наследие территорий, но и запросы туристов, их желания познания нового, интересного. Необходимо отметить, что путешественников интересуют не только исторические объекты, но и достижения науки, культуры и техники, которые являются показателями раз-

1 Исследование выполнено в рамках гранта «Исследование развития в области научно-популярного туризма по нематериальному культурному наследию в провинции Хэйлунцзян на основе ракурса культурной и туристической интеграции. Грант № 2023-KYYWF-1126

2 The research was carried out within the framework of the grant "Research of development in the field of popular science tourism on intangible cultural heritage in Heilongjiang province based on the perspective of cultural and tourist integration. Grant No. 2023-KYYWF-1126

вития современного общества, мотивируют к активной исследовательской деятельности. Социокультурный туризм является специфическим видом рекреационного направления, сочетая в себе традиции, обычаи различных народов и те объекты современности, которые достойны внимания. Он позволяет не только знакомиться с культурой, но и проявить туристам себя как активными создателями, получателями новых знаний.

Множественность направлений социокультурного туризма привлекает посетителей, позволяет включать новые объекты в маршруты, что делает поездки еще более интересными, способствует развитию внутреннего и международного туризма.

Целью работы является дифференциация объектов посещения и исследования в социокультурном туризме. Объект изучения – социокультурные туристические проекты, предмет – туристические объекты.

Для решения вышеобозначенной цели мы поставили ряд задач, которые будут способствовать ее достижению:

1. Выявить специфику социокультурного туризма и объектов посещения;
2. Дифференцировать объекты, включенные в реализацию социокультурных туристических проектов;
3. Выявить приоритетные направления развития социокультурного туризма и включения новых объектов.

Материалы и методы исследования

В работе были использованы публикации российских и китайских авторов, отражающие не только содержание и направления социокультурного туризма (В.С. Морозова, Д.Д. Дондоков, Д.Я. Якунина), но и классификацию его объектов (Лю Ин, Лэй Шуан, Е.С. Козлова).

Интересны работы таких авторов как И.М. Яковенко, Л.С. Карлов, посвященные развитию социокультурного туризма, а также публикации Н.М. Трусовой, Ни Цзяоцзяо, Т.Н. Кучинской, иллюстрирующие реализацию современных подходов к исследованию объектов социокультурного туризма.

Результаты и их обсуждение

Специфика социокультурного туризма и объектов посещения и ее влияние на развитие территорий

Интегративный характер социокультурного туризма, как мы уже отмечали во введении, обуславливает повышенный интерес посетителей к участию в нем. Именно комплексность данного вида туризма привлекает тури-

стов различных стран, ведь это помогает узнать другую культуру, исследовать наиболее значимые достопримечательности и наоборот, малоизвестные места.

Говоря о развитии направлений социокультурного туризма, И.М. Яковенко и Л.С. Карлов [10] отмечают, что он не просто является порождением культуры, а отражает процесс развития современного общества, потребности туристов, образовательный уровень которых становится все выше, и мотивация познания также увеличивается.

Данный автор приводит в пример международный аналитический отчет «Влияние культуры на туризм», составленный в 2009 г., в котором определены факторы, стимулирующие его развитие [10, с. 17]:

- приоритетность всестороннего развития личности в контексте трансформации ценностно-смысловых основ туристической деятельности. В современном обществе туристы ездят не столько отдохнуть, сколько получить новых знаний, позитивных эмоций, запечатлеть и создать интересные творческие и интеллектуальные продукты;
- увеличение значения нематериальной культуры, повышение ценности знаний влечет за собой переход от материального туризма к творческому, интеллектуальному;
- формирование нового типа туриста: не пассивного потребителя, того, кто приобретает сувениры, не задумываясь о смысле, а активного исследователя, человека, которому интересно участвовать в различных активностях, преобразовывать окружающий мир.

Все вышеуказанные факторы обуславливают изменение самого содержания социокультурного туризма, его направлений, а также расширение круга объектов, достойных внимания и посещения. Как отмечают Лю Ин и Лэй Шуан [3] приоритетами нынешних туристов являются архитектура, религия, национальная кухня, культура и образование. С ними туристы не только знакомятся, но и включаются в соблюдение обрядов и ритуалов, готовят и дегустируют различные блюда, изучают письменность, литературу, живопись, скульптуру.

Безусловно, подобный туризм интересен и полезен практически всем категориям иностранных и отечественных путешественников: он обогащает внутренний мир, расширяет кругозор, позволяет всесторонне развиваться. Кроме того, проанализировав ряд источников [2], [10], мы отметили, что необходимыми инструментами реализации туристических проектов являются:

- расширение коммуникации: участие в дискуссиях, музейной анимации, постановках, отправлении ритуалов и соблюдении обычаев, знакомство с устной (приветствия, благодарности) и письменной (каллиграфия) речью;

- учащенные проявления эскапизма (экстремальные туры, активности, духовные практики, квесты);
- развитие практических навыков (участие в мастер-классах, ремесленных мастерских).

Подобный инструментарий обуславливает необходимость формирования нового подхода к организации туристических мероприятий социокультурной направленности, а также формировании нового круга объектов, которые могут удовлетворить изменившиеся запросы туристов.

Конечно, говоря о смене «ракурса» туристической деятельности, важно говорить о трансформации роли гидов, экскурсоводов, а также включении в туристические проекты, маршруты новых, до этого не изучаемых объектов. Наиболее эффективной ряд авторов, в том числе, И.М. Яковенко и Л.С. Карлов, считают интеграцию объектов историко-культурного наследия и современного искусства, архитектуры, дизайна. А.Ю. Александрова и Е.В. Аигина, которых упоминали в своей работе вышеуказанные исследователи, подчеркивают, что наряду с культовыми, имиджевыми достопримечательностями, для гармоничного развития туристской дестинации необходимо активизировать флагманские, или ядерные, аттракции (flagship attractions). Они имеют международную известность и способствуют формированию масштабных потоков туристов (самый высокий монумент Ленина в России, Великая китайская стена, фестиваль сакуры в Японии и в Крыму (Россия) и пр.).

Экскурсоводы при этом уже не являются специалистами, которые просто транслируют информацию туристам. Они активно участвуют в различных мероприятиях туров, помогают приезжим адаптироваться, актуализируют ресурсы проекта (сопровождают посещение объектов мифами, легендами, объяснениями), создают вместе с путешественниками творческие продукты на мастер-классах, в ремесленных мастерских.

Объекты, включенные в реализацию социокультурных туристических проектов

Учитывая специфику современного социокультурного туризма, особое внимание необходимо уделить тем объектам, которые в него включены. Как отмечают И.М. Яковенко [10, с. 20] и Е.С. Козлова [1], движущей силой современного социокультурного туризма являются инновации, достижения науки и техники, новые направления искусства и культуры. Поэтому в соответствии с данными факторами необходимо конкретизировать и объекты посещения. Дифференцировать данные объекты возможно по нескольким критериям:

1. По степени включенности исторического компонента необходимо выделить:

- инновационные объекты, такие как научные центры, технопарки, дома коллаборации, которые отражают тенденции современности;
- исторические объекты с интеграцией современных технологий. Музеи с виртуальными экскурсиями, картинные галереи с дополненной реальностью позволяют окунуться в различные исторические эпохи, при этом воспользовавшись достижениями в цифровой сфере.

2. По стационарности необходимо различать:

- стационарные объекты (памятники архитектуры, ландшафта, заповедные территории, национальные парки и др.). Данные объекты характеризуются фундаментальностью, высокой культурной ценностью и историческим значением. Безусловно, их посещение необходимо для «прочувствования» атмосферы той эпохи, страны, региона, где и когда они были созданы;
- объекты, обладающие высокой мобильностью (передвижные выставки, презентации), что делает их доступными для максимального количества туристов. Подобные объекты чаще всего отражают достижения современного времени и небезынтересные в контексте сравнения с историческими памятниками и произведениями искусства. К примеру, сравнение древних архитектурных сооружений в городах и современных инсталляций на улицах предоставляет туристам информацию о развитии градостроительства, ландшафтного дизайна, отражая классическое, авангардное и иные направления.

3. По степени масштабности и исторической значимости, культурной ценности это могут быть:

- глобальные объекты мирового либо государственного масштаба (храмы, монументы, памятники, зачастую внесенные в перечень наследия ЮНЕСКО). Посещение подобных объектов необходимо для повышения общего уровня развития, культуры и осведомленности;
- небольшие объекты территориального значения, которые важны только в определенных локациях, однако, интересны для посещения туристами. Подобные объекты более интерактивны, предполагают коммуникацию туристов с данным объектом не только в виде фотографирования, но и познания истории объекта, его воссоздания, возможно общения с разработчиками либо участниками. Подобным примером может послужить водный сад камней в г. Кисловодск (Россия Северный Кавказ). Данный сад является современной арт-инсталляцией в центральном городском парке. Посещая его, туристы имеют возможность не только пообщаться с создателем, который регулярно трансформирует сад, но и поучаствовать в установке каменных арт-объектов.

Ценность подобных объектов безусловно, высока и позволяет интегрировать традиционные и современные тенденции в создании произведений искусства, архитектуры, поддержании и сохранении природных памятников. В качестве особого признака объектов различных видов в современном социокультурном туризме выступает интерактивность, возможность туристов побыть в «дополненной реальности», ощутить световые, звуковые эффекты, почувствовать атмосферу самого объекта. В данном случае эффективно сочетание различных видов туристических активностей (к примеру, полнокупольные экскурсии в обсерватории с возможностью использования телескопа для изучения звездного неба).

Необходимо подчеркнуть, что в данном виде туризма важны не только объекты, но и инструментарий их освоения, представления туристам.

В. С. Морозова, Д. Д. Дондоков, Д. Я. Якунина [5] отмечают, что важно правильно составлять программу тура либо маршрут и включать туда наиболее интересные и значимые объекты. В качестве развития туристического потенциала они определяют именно региональную культуру и те компоненты, которые наиболее полно отражают ее содержание.

Приоритетные направления развития социокультурного туризма и включения новых объектов

Социокультурное направление туризма универсально и исследуя его содержание, объекты, необходимо говорить о его постоянном развитии и трансформациях.

В. С. Морозова, В. И. Кружалин, Т. М. Валькова [2] говорят о необходимости межрегионального и международного сотрудничества, разработке совместных проектов, ориентированных на изучение различных туристических объектов. В качестве интересного опыта данные авторы приводят примеры российско-китайского сотрудничества в сфере туризма. Современный поворот России «на восток» обуславливает повышение интереса к китайской культуре, объектам наследия и достижениям современности. Они отмечают повышенный культурно-цивилизационный потенциал приграничных территорий обеих стран и взаимную заинтересованность государств к туристическим потокам.

По отношению к социокультурному туризму в работе данных авторов определен ряд терминов, актуальных в разработке и реализации туристических проектов: «культурный регион» (文化区域), «местная культура» (地方文化), «культурная модель» (文化模型), «внутрикультурное пространство» (文化内空间). Данная терминология отражает специфику культурного компонента туризма и показывают, что в наиболее интересных регионах практически все может рассматриваться как объек-

ты туризма. Их исследование и интерпретация зависит от подхода субъектов туризма, запросов и интересов посетителей.

Ориентируясь на данные факты, автором был выделен ряд объектов на приграничных территориях России и Китая, представляющих социокультурную ценность:

- в Забайкалье (Россия) это поселение староверов, этнические комплексы казачества и гуранов, включающие объекты нематериального (эпос, фольклор) и материального (строения, реконструированные селения) наследия. Исследуя данные объекты, туристы могут не только увидеть, услышать, но и проникнуться бытом коренных жителей, поучаствовать в ремесленных мастерских, отправлении обрядов. Это актуализирует духовные потребности туристов, позволяет им почувствовать уникальность представленных культур и цивилизаций;
- с китайской стороны в данном случае представлены провинция Хэйлуцзян с уникальным этнокультурным ландшафтом, а также интереснейший объект в Автономном районе Внутренняя Монголия, представляющий русскую культуру. Это показывает универсальность и интегративность различных культур и формирование социокультурных объектов, изучение которых интересно всем. Также особого внимания заслуживают китайские ванхун-города (Харбин, Чанчунь и др.), жизнедеятельность в которых основывается на медиатеchnологиях. Городские локации, нестандартные строения, своеобразная архитектура и ландшафтный дизайн включены в современное медиапространство и попадая туда, туристы могут сравнить классику и модернизм, историю и современность, формируя на перекрестке культур и цивилизаций собственную картину мира.

Учитывая многообразие подобных объектов с обеих сторон и динамику развития социокультурного туризма, был создан ряд международных туристических проектов, о которых необходимо упомянуть.

Со стороны России возможно назвать такие объекты как социокультурный проект «Туристический историко-этнографический комплекс "Чингисхан–Чита"». Интересен реконструкцией исторических событий, возможностью погрузиться в быт кочевников, изучить традиции.

Рекреационный комплекс «Русская деревня» в приграничном поселке Забайкальск, ориентирован на знакомство с русской культурой и ремеслами. Туристы могут потренироваться в рыбной ловле, выпечке, изучить элементы традиционной забайкальской охоты.

Международный российско-китайский инвестиционный проект трансграничного туристического парка

«Восточные ворота России «Забайкальск-Маньчжурия» масштабный, привлекающий внимание туристов.

Китай, в свою очередь, также представляет ряд проектов, где объединены исторические и современные социокультурные объекты.

Русская национальная волость Шивэй также ориентирована на транслирование русской культуры, коммуникацию туристов русской и китайской национальностей.

Башня «Жемчужина северной границы» (北疆明珠) инновационный туристический объект, представляющий произведение арт-дизайна и архитектуры с интереснейшим функционалом. Учитывая близость границы с Россией (1 км.), это единственная в мире смотровая площадка для обзора соседней страны.

Кроме того, учитывая современные тенденции цифровизации и включения искусственного интеллекта во все сферы жизнедеятельности, туристам доступны онлайн-экскурсии, активизация интернет-ресурсов. Приезжая на объекты, они активно используют дополненную реальность, что «оживляет» картину, делает впечатление ярче, а полученные знания – более прочными.

Интерес к социокультурному туризму возрастает, учитывая повышающийся уровень образования и интеллектуального развития туристов. Это обуславливает необходимость разработки качественно нового подхода к сфере туризма не только как к отрасли бизнеса, но и как пространству личностного развития и коммуника-

ции разных людей.

Выводы

В качестве основного итога необходимо отметить качественную трансформацию социокультурного туризма и преобразование его смыслового содержания из потребительского в созидательское, активно-творческое. Социокультурный аспект отражен во всестороннем охвате объектов исторического наследия и результатов современной научной, творческой и иной деятельности человечества. Специфика объектов социокультурного туризма заключается в их универсальности и в том, что в качестве подобного объекта возможно определить, как исторический, природный памятник, так и современный действующий субъект активной деятельности человечества, связанный с созданием либо преобразованием (научно-культурный центр, технопарк и пр.)

Особое значение при этом необходимо придавать туристическим проектам, нацеленным на международное и межрегиональное сотрудничество, что способствует не только увеличению туристических потоков, но и расширению спектра подобных объектов.

Оснований для дифференциации объектов реализации социокультурных туристических проектов множество и их необходимо учитывать при построении туристических маршрутов. Однако, не меньшее внимание необходимо уделять инструментарию освоения, исследования данных объектов и активизации посетителей в плане получения информации о культуре, быте, истории и современности посещаемой территории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козлова Е.С. Социологическая концепция активизации международной академической мобильности как социокультурного феномена // Вестник ИрГТУ. 2014. №3 (86). С. 242-249.
2. Кружалин В.И., Валькова Т.М., Красавцев И.В., Тан Цюань Туристско-рекреационные ресурсы как фактор, влияющий на территориальную организацию туризма в Китае // Географическая среда и живые системы. 2022. №4. С. 100-117.
3. Лю Ин, Лэй Шуан Особенности культурного туризма в Аомэне (Макао) // Общество: философия, история, культура. 2021. №1 (81). С. 1-4.
4. Морозова В.С., Дондоков Д.Д. Особенности интеграции научно-образовательных практик России и Китая в приграничье: социокультурный аспект // Вестник НГПУ. 2020. №2. С. 167-186.
5. Морозова В.С., Дондоков Д.Д., Якунина Д.Я. Региональная культура как потенциал развития туризма в российско-китайском приграничье: от теоретической объективации к вопросам новых реалий // Вестник ЗабГУ. 2024. №2. С. 141-152.
6. Морозова В.С. Теоретико-практические аспекты: объективации понятия "приграничный социокультурный кластер" в контексте современной российской и китайской методологии // Вестн. Том. гос. ун-та. 2021. №462. С. 63-71
7. Ни Цзяоцзяо, Кучинская Т.Н. Культурный брендинг в репрезентативных практиках китайской мягкой силы // Дискурс-Пи. 2017. №3-4 (28-29). С. 115-120.
8. Трусова Н.М. Социально-культурное проектирование - основа рационального использования туристских ресурсов // Учёные записки (АГАКИ). 2017. №3 (13). С. 90-94.
9. Федотова Н.Г. Векторы региональной культурной политики в сфере капитализации культуры // ТРУДЫ СПБГИК. 2023. №5 С. 17-32.
10. Яковенко И.М., Карлов Л.С. Факторы эволюции и территориальной организации социокультурных видов туризма // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2022. №3. С. 16-31.

© Сунь На (909389521@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ: АНАЛИЗ КОНТЕКСТУАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ

INTERPRETATION AS A REPRESENTATION MECHANISM: ANALYSIS OF CONTEXTUAL FACTORS

V. Chigarev
R. Guseva

Summary: The object of this study is the process of representation. The subject of the study is interpretation as a mechanism of representation in an intercultural context. The authors highlight particular nature of the intercultural understanding context and the semantic gap effects in diverse cultural contexts. While understanding culture as a context, interpretation is identified as a complex mechanism for representing or reflecting social perception of the world. The article deals with shifting issue of the traditional "subjectivity-objectivity" correlate conception, leading to a new reflection of aspects related to the social reality interpretation, representation and the problem of intersubjectivity. The methodological study basis includes both philosophical and anthropological analysis and systemic, comparative and sociocultural methods, that enable to systematize scientific concepts, adapt various analytical tools to identify the characteristics of philosophical traditions and their influence on cultural concepts, and also to consider and describe in detail the phenomenon of interpretation. The Concepts of Interpretation are closely connected with the complex of discursive problems of reality representation. Within the framework of this problematic, the study analyzes the approaches of such researchers as M. Foucault, K. Meillassoux, B. Latour, L. Mondada. The scientific novelty of the work lies in the fact that the study defines a new theoretical and methodological approach to the interpretation issue by identifying the dependencies of its mechanisms on various contexts – social or professional, political or economic. The relation to the object matter of the interpretation is not based on the distinction between "subjective" and "objective", but comes from the distinction between diverse types of subjectivity. With such a research approach, subjectivity gains access to the intersubjective status of *consensus* within the community. The study highlights the professional discourse of the researcher, who is a subject characterized by a crisis of representation, and also examines the main structural factors that shape interpretation specific forms and analyzes the specifics of the intercultural context of understanding field and the effects of the semantic gap in various cultural contexts.

Keywords: interpretation, representation, international circulation of ideas, cultural context, discourse, description, correlate, intersubjectivity.

Чигарев Валентин Николаевич

кандидат политических наук, Российский университет
транспорта (МИИТ), Москва
valentinchigarev@gmail.com

Гусева Раиса Григорьевна

старший преподаватель, Финансовый университет при
правительстве Москвы, Москва
RGGuseva@fa.ru

Аннотация: Объектом данного исследования выступает процесс репрезентации. Предметом исследования является интерпретация как механизм репрезентации в межкультурном контексте. Авторы подробно рассматривают такие аспекты проблемы, как проблема специфики межкультурного контекста понимания и эффектов смыслового разрыва в различных культурных контекстах. Особое внимание уделяется проблеме понимания культуры как контекста, где интерпретация выступает как сложный механизм репрезентации и отражения социального восприятия мира. В статье проанализирована проблема смещения традиционного понимания коррелята «субъективность-объективность», что привело к новому осмыслению аспектов, связанных с интерпретацией социальной реальности, репрезентации и проблемы интерсубъективности. Методологическая база исследования включает как философско-антропологический анализ, так и системный, сравнительный и социокультурный методы, которые позволяют систематизировать научные концепции, адаптировать различные аналитические инструменты для выявления особенностей философских традиций и их влияния на концепции культуры, а также рассмотреть и подробно описать феномен интерпретации. Интерпретационные концепции тесно связаны и с комплексом дискурсивных проблем репрезентации реальности. В рамках этой проблематики в исследовании проанализированы подходы таких исследователей как М.Фуко, К.Мейясу, Б. Латур, Л. Мондада. Научная новизна представленной работы предопределяется тем, что в исследовании определен новый теоретико-методологический подход к проблеме интерпретации посредством выявления зависимостей ее механизмов от различных контекстов – социального или профессионального, политического или экономического. Отношение к объекту интерпретации основывается не на различии «субъективного» и «объективного», а исходит из различения разных типов субъективности. При такой исследовательской оптике субъективность получает интерсубъективный статус *консенсуса* в сообществе. В исследовании выделен профессиональный дискурс исследователя, который является субъектом, характеризующимся кризисом репрезентации, а также исследованы основные структурные факторы, формирующие специфические формы интерпретации и проанализирована специфика области межкультурного контекста понимания и эффектов смыслового разрыва в различных культурных контекстах.

Ключевые слова: интерпретация, репрезентация, международная циркуляция идей, культурный контекст, дискурс, описание, коррелят, интерсубъективность.

Введение

В современной научной литературе существует огромное количество толкований категорий «интерпретация», «репрезентация», «контекст» и «дискурс». В этом нет ничего удивительного, поскольку это объясняется тем, что перечисленные категории находятся на стыке различных научных дисциплин, а поэтому часто попадают в междисциплинарное поле исследования, связанное с определённой структурой ключевых понятий и практических установок. Актуальность нашему исследованию придает и тот факт, что смещение традиционного понимания коррелята «субъективность-объективность» привело к новому осмыслению аспектов, связанных с репрезентацией, интерпретацией социальной реальности и проблемы интерсубъективности. Эта ситуация привела к кризису репрезентации и поставила под сомнение то, как функционируют различные дискурсы.

Конечно, репрезентации являются отражением объективного мира, но при этом часто не уделяется внимание механизму этого отражения — интерпретации.

Этот сложный механизм, который изначально содержит в себе множественность реализаций, проблему трудности «межкультурного перевода» или когда-то поставленный вопрос П. Бурдьё о «международной циркуляции идей» [1], где под сомнение ставятся корректность трансформации смысловых единиц при деконтекстуализации. При этом дающая интерпретацию при помощи локально расположенных процедур *сторона* зависит от своей структуры, что и создает проблему культурного «перевода» для общего понимания «единых закономерностей».

Цель исследования – синтез теорий и концепций современной философии, социологии и социолингвистики, а также определение их методологической значимости для анализа проблемы интерпретации кризиса репрезентации в контексте меняющихся концепций дискурса исследователя.

Для достижения поставленной цели необходимо композиционно решить следующие **задачи**:

- проанализировать антропологическое измерение теории интерпретации;
- рассмотреть проблему интерпретации с точки зрения значения и контекста;
- выделить основные аргументы, которые играют ключевую роль в критике репрезентации;
- рассмотреть проблему репрезентации интерпретаций через призму теории корреляционизма;
- выделить основных акторов («посредники» и «проводники») для определения структурных изменений социального поля и идеологического пространства;

- выстроить условную типологию «разногласий» в контексте выделения свойств неопределённости восприятия социального.

Научная новизна представленной работы определяется тем, что в исследовании определен новый теоретико-методологический подход к проблеме интерпретации посредством выявления зависимостей ее механизмов от различных контекстов - социального или профессионального, политического или экономического.

Основные методы и источники

В исследовании используются как философско-антропологический анализ, так и системный, сравнительный и социокультурный методы, которые позволяют систематизировать научные концепции, адаптировать различные аналитические инструменты для выявления особенностей философских традиций и их влияния на концепции культуры, а также рассмотреть и подробно описать феномен интерпретации.

В проанализированной работе «Интерпретация культур» [2] К. Гирца прослеживается влияние теоретических концепций Т. Парсонса, М. Вебера, Л. Витгенштейна, Г. Райла, В. Дильтея, П. Рикёра, С. Лангер, К. Бёрка.

При этом культурный «перевод» и конструирование реальности нельзя рассматривать в отрыве от культурного контекста, который задает общие интерпретативные рамки. Именно с этим связан вопрос о «нащупывании общей почвы» Л. Витгенштейна или «культурной грамотности» Э.Д. Хёрша [3], а также «международной циркуляции идей» П. Бурдьё [1].

Интерпретационные концепции тесно связаны и с комплексом дискурсивных проблем репрезентации реальности. В рамках этой проблематики в исследовании проанализированы подходы таких исследователей как М.Фуко, К.Мейясу, Б. Латур, Л. Мондада.

Теоретическая и практическая значимость результатов исследования

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы для проведения конкретного социологического, лингвистического и экономического анализа социальных, экономических и политических процессов, связанных с межкультурной идентичностью, а также для выявления проблемных зон.

Помимо прочего, результаты исследования следует отметить в следующем:

1. в центре внимания – профессиональный дискурс исследователя, который является субъектом, характеризующимся кризисом репрезентации;
2. исследованы основные структурные факторы, формирующие специфические формы интерпретации;
3. проанализирована специфика области межкультурного контекста понимания и эффектов смыслового разрыва в различных культурных контекстах.

Интерпретация как культурный феномен: контекст и значение

Культура относится к сфере идей, но она, тем не менее, не «модель поведения», в основе которой лежит формальная дифференциация «субъективного» или «объективного» ее «определения» в дискуссионных спорах между различными научными направлениями и стремлении легко идентифицировать других как «материалистов» или «идеалистов», «позитивистов» или «бихевиористов» и т.д.

Следует отметить, что как только эта «модель поведения» начинает рассматриваться через символическую оптику, то любое действие приобретает качественно иной статус — оно что-то *обозначает*, подобно изображению в компьютере, написанной строке или букве в письме, голосу в речи, цвету в живописи или звуку в музыке. Поэтому вопросы «субъективной» или «объективной» идентификации в этом контексте теряют смысл.

Несмотря на всю кажущуюся очевидность подобных выводов, основные «представления» о культуре, по мнению К. Гирца, вытекают из тех заблуждений, которые, во-первых, представляют ее как самодостаточную и автономную систему, то есть *овеществляют* ее. Во-вторых, рассматривают культуру как основу поведенческих реакций, то есть *редуцируют* культурное пространство. [2].

Итак, из вышеуказанных «заблуждений» вытекает искажение в более тонкой форме — принятие «ненасыщенного описания» («thin description») за «насыщенное описание» («thick description»). Удивительно, но это происходит тогда, когда знание о том, *как* надо действовать, становится равноценным знанию о самом действии.

Так, *представленный образ* в произведении живописи или *игра* на инструменте как *феномены культуры* не сводимы к навыкам, знанию, мастерству или к самим материальным объектам. Эти культурные феномены публичны, «потому что публичны коммуникация и значение» [2, С.19]. Нельзя совершить ограбление банка, не понимая, что *значат* само ограбление и спланированные схемы действий.

Следующая особенность заключается в том, что куль-

тура — это контекст, куда вплетены уникальные структурные элементы, образующие единую композицию для «насыщенного» понимания социальных связей и, говоря словами Л. Витгенштейна, «нащупыванием общей почвы» [2, С.20].

Интерпретация и репрезентация реальности: интерсубъективность и корреляции

Интерпретативные концепции тесно связаны с комплексом проблем репрезентации реальности.

Так называемый «внешний мир» – мир, существующий вне нас, – или «объективный мир», *в своем единстве* всегда будет *репрезентативным* на субъективном уровне. Однако, с другой стороны, кажущееся единство этого объективного мира на этом уровне распадается в силу возникающих разнообразных интерпретаций реальности.

В социальном мире репрезентативные функции четко «уложены» в дискурсы, где интерпретация реальности происходит через субъектное и институциональное распределение власти [4, 5]. Такая репрезентативная форма социального мира создает *привычные ориентиры* и *понятные* правила для одних, но одновременно оказывают давление на других, выдавливая последних на периферию «понятного» и «привычного» для других мира, где возникают отличные интерпретации реальности. Это и есть та точка напряжения, где появляются интерпретации, включающие различные репрезентационные функции как у одних, так и других.

Безусловно, эти процессы не носят однородный характер, поскольку гетерогенность интерпретации создает и условие для появления различных инстанций (дискурсов). Поэтому, когда говорят о различности инстанций (дискурсов), необходимо учитывать сам факт многоликости власти в социальном измерении.

При этом следует отметить, что Власть — это внешний или объективный мир по отношению к Дискурсу. Власть (объективное) и Дискурс (субъективное) — это коррелят, который создает *возможность* интерпретации.

Все это создает условие для постановки вопроса многими исследователями о кризисе репрезентации в различных профессиональной сфере. Так, известный исследователь, лингвист, профессор Базельского университета Л. Мондада, чьи работы посвящены вопросу о роли языковых средств и телесной воплощенности (embodiment) в организации интерсубъективности, подчеркивает, что проблема "кризиса репрезентации" привела к появлению радикально разных точек зрения на дискурс как таковой, его функции и способы легитимации (modes de validité) в профессиональной сфере. [6].

Она приводит аргумент относительно критики репрезентации, где выделяет деконтекстуализацию, к которой стремится научный дискурс, и который достигается через процесс помещения в локальный контекст. Отсюда и постановка под сомнение (*la mise en cause*) прозрачности научных текстов и их референциальной функции [6, 7].

Иной подход к проблеме кризиса репрезентации у французского философа К. Мейясу, который не делает акцент на различии между «объективной репрезентацией» и «субъективной» репрезентацией, а переводит это в различие между двумя типами субъективной репрезентации:

- a) универсализуемые репрезентации — научные, а потому могут быть любым подвергнуты экспериментальной проверке;
- b) не универсализуемы, а поэтому не входят в научный дискурс [8].

Таким образом, «*интерсубъективность*, то есть консенсус сообщества, призвана заменить собой соответствие между индивидуальной репрезентацией субъекта и самой вещью в качестве подлинного критерия объективности, и, в частности, научной объективности. Научной истиной теперь является не то, что сообразуется с «в-себе», предположительно безразличным к своей данности, а то, что может быть дано всему научному сообществу» [8, с. 11].

При этом сам процесс познания вещей подразумевает активное конструирование их репрезентаций, которые «впервые делают факт представленным определенным образом, хранят и предъявляют его в отсутствии референта» [9, с. 174]. Таким образом возникает «необходимость быть представленным». Эта «необходимость» «создается на основании формы, присутствующей до акта представления в познающих субъектах, создающих для себя картины фактов» [9, с. 174].

Совершенно справедливо, что репрезентации являются неким *отражением* объективного мира, но при этом часто не уделяется внимание *механизму* этого отражения — интерпретации.

Конечно, функциональность этого механизма зависит от разных контекстов — социальный или профессиональный, политический или экономический контексты. Тем не менее, именно интерпретация как механизм «включает» или «выключает» различные функции репрезентаций. Поэтому воспринимаемая, «привычная» репрезентативная реальность является результатом работы этого механизма.

Вместе с тем, следует отметить, что этот результат носит, конечно, контекстуальный характер, где происходит

субъективное фреймирование, профессиональная «обработка» с помощью «узкоспециализированных» механизмов воздействия на реальность контекста.

Таким образом, создается дискурсивная стабильность, при которой механизм интерпретации выступает балансирующим узлом между контекстуальной необходимостью и субъективным искажением реальности. Так, в социальном контексте эту роль выполняют институты, главная функция которых заключается в установлении и закреплении устоявшихся процессов.

Исходя из этого, совершенно очевидно, что «контекст» и «интерпретация» являются коррелятом. Корреляция этих концептов не вызывает сомнений, но при этом выявляет проблематику *межконтекстуальных интерпретаций*. В контексте современных социальных интеракций, которые сопровождаются различными техническими и технологическими операциями, подобного рода интерпретации стали «привычным» механизмом.

Вместе с тем социальная жизнь полна действий и публичных заявлений акторов, *описания* которых носят различный характер — *описание повседневности*, с ее обычными разговорами, электронными письмами; *описание профессиональной сферы* — журналистское отражение событий, составление протоколов полицейскими или *институциональные описания* роста преступности среди несовершеннолетних, опасности вождения в нетрезвом виде, снижение процента неуспеваемости в школах и т.д.

Конечно, эти описания можно интерпретировать по-разному — *реалистично*, потому что *описание* всегда создает референциальную иллюзию, но также и так, что, не избавившись от кризиса репрезентации, становится *трудно оценить* описание с точки зрения *соответствия реальности*, к которой она относится [6].

Таким образом, «описание» и «интерпретация» являются также коррелятом, при анализе которого необходимо учитывать тот факт, что для акторов, которые высказывают, слушают, комментируют, описания имеют разные «статусы» в зависимости от интерпретации — положительную, референциальную или объективную ценности, иногда относительную ценность.

Культурный «перевод» как «нащупывание общей почвы»: посредники и проводники

Когда ставится вопрос о международной циркуляции идей, то он, конечно, имеет в виду культурный «перевод» контекста, проблему его трансформации в совершенно иное качество. Конечно, эти «переводы» осуществляют разные акторы. Известный французский социолог Б. Латур выделил два типа акторов, осуществляющих такие

«переводы» - а) проводники (intermediary) и б) посредники (mediator) [10, 11].

Так, *посредники* переводят действия других, трансформируя, изменяя его. *Проводники* же переносят все, не изменяя ничего. Проводники как «черные ящики», «когда множество элементов действует как единое целое» [10]. Элементарный состав «черного ящика» не представляет интереса, пока он функционирует предсказуемо. Вы не имеете представления, из чего состоит ваш компьютер, и не имеете представление, на каких принципах он основан, но, когда он ломается, то есть становится *посредником*, вам приходится признать, что это сложный механизм.

Сложный механизм изначально содержит в себе множественность реализаций — это то, что Б. Латур называет «перформативным» определением реальности, которое отличается от «остенсивного» определения, где перевод осуществляется простым переносом «уже готового» [11].

Репрезентации также имеют остенсивные и перформативные элементы. При этом «перформативная» интерпретация контекста меняет репрезентированную реальность, тогда как «остенсивная» интерпретация оставляет ее в неизменном виде.

Поэтому, когда лингвистический текст (документ и пр.) попадает в поле перевода, у него появляется две перспективы – перформативная и остенсивная. Так, в первом случае, ты «ломаешь» словесную конструкцию и «проходишь» через культурные слои, дебри традиций и устоев, формируешь понятийный аппарат и переносишь слова со смыслами.

При остенсивной же перспективе происходит простой перенос языковой конструкции из «поля происхождения» в «поле рецепции» [1].

Однако одним из самых важных моментов при этом является то, что текст вне контекста своего производства представляют собой *иной* продукт, и это «усугубляется тем, что воспринимающая сторона, состоящая в свою очередь в другом поле производства, дает им иную интерпретацию, зависящую от воспринимающего поля» [1, с. 542].

Заметим, что при контекстуальном переносе реальности роли проводника и посредника взаимозаменяемы. Так, в процессе переноса из «поля происхождения» в «поле рецепции» ты становишься проводником и можешь остаться таковым, но если ты пытаешься изменить адаптивные механизмы для изменения существующей в

поле рецепции реальности, то ты становишься посредником.

В целом механизм взаимозаменяемости понятен, но сам процесс *перехода* от одной роли актора к другой мало изучен. Сам *переход* может и не состояться, поскольку привычное понимание репрезентаций создает эти так называемые «черные ящики», которые как бы неоспоримы в восприятии. Конечно, это не стереотипы, о которых сразу можно подумать, а привычные для человека маршруты его карты повседневности, для изменения которых необходим технически оснащенный навигатор.

Выводы

Итак, проведенный анализ вполне убедительно показал, что проблема интерпретации многогранна и тесно связана с пониманием особенностей культурной идентичности.

Понимание культуры как контекста, куда вплетены уникальные структурные элементы, придает «насыщенность» описанию социальных связей, а интерпретация выступает как сложный механизм репрезентации или отражения социального восприятия мира. Функциональность этого важного механизма зависит от разных контекстов — социального или профессионального, политического или экономического. Интерпретация как механизм «включает» или «выключает» различные функции репрезентаций. Поэтому воспринимаемая репрезентативная реальность является результатом работы этого механизма. Таким образом создается дискурсивная стабильность, при которой механизм интерпретации балансирует между контекстуальной необходимостью и субъективным искажением реальности.

Очевидно, что традиционное понимание конструирования реальности актерами совершенно недостаточно для понимания феномена *межконтекстуальных интерпретаций* в репрезентациях, поскольку в технологически развитых обществах появляется феномен дополнительной реальности, искусственного интеллекта. Безусловно, это важно не только с точки зрения технологических или технических вопросов, но и этических.

Следует особо отметить, что результатом исследования является и то, что определен новый методологический подход к проблеме интерпретации. Отношение к объекту интерпретации основывается не на различии «субъективного» и «объективного», а исходит из различия разных типов субъективности. При такой исследовательской оптике субъективность получает интересующий статус консенсуса в сообществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2014. - 576 с.
2. Гирц К. Интерпретация культур/Пер. с англ. - М.: РОССПЭН, 2004. - 560 с.
3. Hirsch, E.D. Cultural Literacy: What Every American Needs to Know. Houghton Mifflin Company. Boston, 1987.
4. Foucault, M. L'Ordre du discours. Leçon inaugurale au Collège de France prononcée le 2 décembre 1970. — Paris: Gallimard, 1971. - 88 p.
5. Марков Б.В. Люди и знаки: антропология межличностной коммуникации. — СПб.: Наука, 2011. — 667 с. — (Сер. «Слово о сущем»). С.65-70.
6. Mondada L. Décrire la Ville. La construction des savoirs urbains dans l'interaction et dans le texte. Antropos. Diffusion: Economica, 49, rue Héricart — 75015, Paris. Collection VILLES dirigée par Denise Pumain. 2000.
7. Чигарев В.Н., Гусева Р.Г. Кризис репрезентации: интерпретации vs контекст. Мир науки, культуры, образования. No 3 (100) 2023: С.426-428.
8. Мейясу К. После конечности: эссе о необходимости контингентности / пер. с фр. Л. Медведевой, науч. ред. П. Хановой. Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2015.
9. Куприянов В.А., Шиповалова Л.В. Кризис репрезентации. Как возможен успешный исход? Случай наукометрии. Эпистемология и философия науки 2017: 51(1).
10. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества/пер. с англ. К. Федоровой — Санкт-Петербург: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
11. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию [Текст]/пер. С англ. И.Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — 2-е изд. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. — 384 с.
12. Ryle G. The Thinking of thoughts: What is «le penseur» doing? University lectures. University of Saskatchewan. 1968; (18). URL: <https://cesarsalgado.wordpress.com/2007/08/02/gilbert-ryle/>

© Чигарев Валентин Николаевич (valentinchigarev@gmail.com), Гусева Раиса Григорьевна (RGGuseva@fa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

«НИГИЛИСТИЧЕСКАЯ МУЗЫКА» КАК ОДНА ИЗ ФУНДАМЕНТООБРАЗУЮЩИХ КОНЦЕПЦИЙ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА

Чэнь Байюй

Преподаватель, Баошаньский университет, Китай
cby21613425@163.com

"NIHILISTIC MUSIC" AS ONE OF THE FUNDAMENTAL CONCEPTS OF CONTEMPORARY ART

Chen Baiyu

Summary: The research relevance lies in the fact that nihilism, as a philosophical and cultural phenomenon, had a significant impact on the development of art in the 20th and 21st centuries, actually forming the main trends and directions in art.

The research goal is to analyze modern music as an aesthetic phenomenon of creative activity, which has an impact on the formation of public moods and subcultures, the psycho-emotional state of which integrates nihilistic concepts of self-identification and interpretation of the surrounding reality.

The research objectives are to consider the philosophical and culturological foundations of nihilism and its impact on art; to determine the criteria of "nihilistic music" that distinguish it from other trends and styles; to analyze specific examples of musical works that can be attributed to "nihilistic music"; to identify their characteristic features.

Results of the study: "nihilistic music" has a certain impact on the formation of art in general and social institutions in particular, generating new materialistic values that determine socio-historical, economic, spiritual and dialectical collisions.

Keywords: nihilism, music, contemporary art, philosophy, culture, rock music, anarchism, negation.

Аннотация: Актуальность темы исследования состоит в том, что нигилизм, как философское и культурное явление, оказал значительное влияние на развитие искусства в XX и XXI веках, фактически сформировав основные тенденции и направления в искусстве.

Целью статьи является анализ современной музыки как эстетического феномена творческой деятельности, оказывающего воздействие на формирование общественных настроений и субкультур, психоэмоциональное состояние которых интегрирует в себе нигилистические концепции самоидентификации и интерпретации окружающей действительности.

Задачи исследования: рассмотрение философских и культурологических основы нигилизма и его влияние на искусство; определить критерии «нигилистической музыки», отличающие ее от других направлений и стилей; проанализировать конкретные примеры музыкальных произведений, которые можно отнести к «нигилистической музыке», выявить их характерные черты. Результаты исследования: «нигилистическая музыка» оказывает определенное влияние на становление искусства в целом и социальные институты в частности, генерируя новые материалистические ценности, детерминирующие социально-исторические, экономические, духовные и диалектические коллизии.

Ключевые слова: нигилизм, музыка, современное искусство, философия, культура, рок-музыка, анархизм, отрицание.

Введение

Нигилистическая идеология, впервые обозначенная Аврелием Августином как антирелигиозное мировоззрение, впоследствии трансформировалась в философскую концепцию Ф.Г. Якоби, обозначающую лжеверующих. Далее, немецкий философ Ф. Ницше расширил термин, определяя его как «утрату высших ценностей» [5, с. 57]. Интеграция нигилизма в искусство, в частности в музыку, прошла сложный путь через призму литературы М. Хайдеггера, К. Ясперса, А. Камю и др.

Например, Ф.М. Достоевский интерпретировал нигилизм как борьбу бытия и небытия, где небытие – это разрушающий компонент, приводящий к отрицанию бытия [2, с. 20]. Нигилистическая эстетика в музыке связана с воспеванием небытия, смерти Бога, инфанти-

лизма, анархизма и отрицанием устоев.

На наш взгляд, поэзия Серебряного века предвосхитила кризис, спровоцированный радикализмом русской интеллигенции. Нигилизм, проникший в искусство, усугубился дискредитацией церкви в СССР и отразился в росте самоубийств [7, с. 2]. Рок-музыка 1980-х, включая группы «Кино», «Чайф» и др., транслировала нигилистические воззрения, импонирующие атеистам, агностикам и сатанистам, отрицающим Бога [5, с. 51]. Кроме того, исследования американского автора Л.С. Тостла выявили связь между музыкой хэви-металл, нигилистическими субкультурами и оккультизмом у подростков, с корреляцией ($r = 0,763$) между импонированием року и оккультизму [15, с. 611]. Нигилистические концепции в рок-музыке формируют идеологию в современном российском обществе [14, с. 38].

Таблица 1.

Нигилистическая музыка русскоязычных исполнителей.

Виды нигилизма	Группа / вокалист	Название, год выпуска	Пример	Интерпретация	Кинофильм, где встречается трек
Фрустрационный и религиозный	Сплин (РФ) / А. Васильев	«Бог устал нас любить», 1998	<i>Вот она гильза от пули навyleт, Карта, которую нечем покрыть. Мы остаемся одни в этом мире – Бог устал нас любить. . .</i>	Разочарование вследствие нереализованных целей и недостигнутых идеалов. Согласно постулатам нигилизма Ф. Ницше, данная песня говорит о том, что «Бог умер».	Трейлер к фильму П. Лунгина «Остров» (РФ, 2006)
Фрустрационный; с. 2021 г. – политический		«Выхода нет», 1998	<i>Скоро рассвет, выхода нет, ключ поверни и полетели. Нужно вписать в чью-то тетрадь, кровью, как в метрополитене: «Выхода нет». . .</i>	Песня была запрещена, т.к. провоцировала суицид некоторых психоэмоционально-нестабильных слушателей, а с 2021 г. стала посвящаться музыкантам, покинувшим Россию в знак протеста против военной спецоперации на Украине, ввиду чего выступление группы «Сплин» на фестивале 2022 г. в Москве запретили.	Фильм режиссера А. Балабанова «Брат 2» (РФ, США 2002)
Религиозный	Агата Кристи (СССР) \ Глеб и Вадим Самойловы	«Легион», 1997	<i>Пляшет небо под ногами, пахнет небо сапогами, Мы идем, летим, плывем. Наше имя – Легион.</i>	Название песни является не детерминантом отряда солдат в римской армии, а бесов ¹ – раввинисты использовали данное понятие при обозначении бесчисленного множества чего-то очень сильного и негативного (демонов, падших ангелов и пр.)	1) Сериал И. Куликова, А. Мирохиной «Агентство О.К.О.» (РФ, 2021); 2) «Быстрее, чем кролики» Д. Дьяченко (РФ, 2014)
Правовой, нравственный, регрессивный		«Опиум для никого», 1994	<i>Напудрив ноздри кокаином, Я выхожу на променады. . . Давай вечером С тобой встретимся, Будем опиум курить. . . Давай вечером Умрём весело, Поиграем в декаданс?</i>	Активное отрицание моральных принципов, склонение к потреблению психотропных веществ, игнорирование закона о запрете наркотических средств и их пропаганды; релятивизация нравственных ценностей. Сам автор (Глеб Самойлов) утверждает, что песня высмеивает рокеров с их любовью к черной одежде, мрачности, упадническим настроениям и накрашенным лицам. Правовой нигилизм, коррелирующий с невротизмом, присутствующий в музыкальной композиции, свидетельствует о «стремлении к поиску острых ощущений» [Саврушева 2008: 68], т.е. о регрессивном нигилизме.	«Вампиры средней полосы» А. Маслова, А. Богатырева, Д. Грибанова (РФ, 2021)

1 «Ибо Иисус повелел нечистому духу выйти из сего человека, потому что он долгое время мучил его, так что его связывали цепями и узами, сберегая его; но он разрывал узы и был гоним бесом в пустыни. Иисус спросил его: как тебе имя? Он сказал: легион, – потому что много бесов вошло в него» (Лука: 8: 29-30).

Виды нигилизма	Группа / вокалист	Название, год выпуска	Пример	Интерпретация	Кинофильм, где встречается трек
Фрустрационный и нравственный	Intelligency (Беларусь)	«Текила. Сон. Могила», 2019	<i>Крашу будни, как могу, поэтому живу в бреду, Мой дом – в дыму, я в нем плыву... Исследуя дно, но мне все равно Сколько еще отпущено мне, нету силы Текила, сон, могила...</i>	Прямое преднамеренное и умышленное нарушение морально-нравственных устоев и имплицитный призыв к курению наркотических препаратов; отрицание ценности жизни.	«Вампиры средней полосы» А. Маслова, А. Богатырева, Д. Грибанова (РФ, 2021)
Политический	Nautilus Pompilius (СССР) / В. Бутусов	«Скованные одной цепью», 1986	<i>Здесь суставы вялы, а пространства огромны. Здесь составы смяли, чтобы сделать колонны. Одни слова для кухонь, другие – для улиц. Здесь сброшены орлы ради бройлерных куриц. И я держу равнение, даже целуясь, На скованных одной цепью, Связанных одной целью...</i>	Песня написана в сложные для СССР годы масштабных перемен, характерных социальными, экономическими и политическими кризисами; символизирует неприятие власти и существующего общественно-политического строя – нигилист (от лица которого повествуется текст) в данной ситуации обвиняет в социальной неблагоустроенности политический режим [Шарафудинов, Хафизова 2011: 135], а именно: по утверждению И.В. Кормильцева (автора песни): «композиция о сегодняшнем дне, который отличается от вчерашнего большим сознанием того, что каким-то переменам в нашей жизни мешают факторы не столько внешние, сколько внутренние» [Кормильцев, Башлачёв 1988].	«Стиляги» В. Тодоровского (РФ, 2008)
Политический / фрустрационный		«Крылья», 1995	<i>Когда-то у нас было время, теперь у нас есть дела Доказывать, что сильный жрёт слабых, доказывать, что сажа бела. Мы все потеряли что-то на этой безумной войне. Кстати, где твои крылья, которые нравились мне?... ... И если завтра начнется пожар и все здание будет в огне Мы погибнем без этих крыльев, которые нравились мне...</i>	Песня является откликом на «Августовский путч», произошедший в СССР 18 – 21 августа 1991 г. В роли главной «героини» музыкального произведения выступает Родина (Россия), которой «обрезали крылья» – в композиции поется про пожар – во время путча горело здание Белого дома, где размещалась администрация СССР.	1) «Брат» А. Балабанова (РФ, 1997); 2) Сериал Н. Эгена «Фандорин. Азавель» (РФ, 2023)

Результаты исследования

Анализ рок-композиций российских и белорусских исполнителей позволил выявить активный нигилизм, проявляющийся во враждебности к политике и пропаганде анархии. Идеологическая концепция музыкального нигилизма основана на равнодушии к морально-нравственным, социальным и духовным вопросам бытия.

Примером антагонизма к религиозным догматам служат песни группы «Агата Кристи» («Легион», «Поход»), где происходит противоборство с символическим про странством «высших ценностей» [10, с. 25], провоцирующее так называемый «люциферический бунт».

Представленная на рисунке 1 диаграмма отражает экспоненциальный рост нигилизма в российском му-

Виды нигилизма	Группа / вокалист	Название, год выпуска	Пример	Интерпретация	Кинофильм, где встречается трек
Фрустрационный, политический, мстительный	Композиция рэп-проекта «25/17» и В. Бутусова, спетая совместно с лидером группы «Ю-Питер» (РФ)	«Русская», 2012	<i>Никто никому ничего не обещал, Но всем все объяснили до христа хряца... Пальцы потным спрутом сжимают рукоятку, Прогноз погоды: Возможны беспорядки...</i>	О маргинальности модели политического и общественного строя. В контексте прослеживается идеология о том, что власть не обещает народу светлое будущее и достаточно жёстко регулирует правовые отношения. Также присутствует намек на потенциальный революционный бунт. «Фрустрация часто связана с мстительным нигилизмом» [Саврушева 2008: 67], главная цель которого – разрушение порядка, о чем упоминается в песне: «Прогноз погоды: Возможны беспорядки»...	Саундтрек отсутствует
Политический, возмещающий и социальный	Дельфин (РФ) / А. Лысиков	Трек «1984», записанный в 2019 г. в качестве лейбла к альбому «Край»	<i>В яблоках наших глаз Черви специальных служб: Следят за каждым из нас Гнилью собственных нужд...</i>	Название является отсылкой к культовому одноименному роману-антиутопии Дж. Оруэлла. Антиправительственная пропаганда прослеживается в склонении реципиентов к противоправным действиям путём подчёркивания никчемности «прогнивших насквозь» административных структур. Возмещающий нигилизм спровоцирован гипертрофированным представлением о тотальной слежке государственных органов за жизнью населения.	Саундтрек отсутствует
Политический	ДДТ (СССР) / Ю. Шевчук	«Родина», 1989	<i>Родина. Еду я на Родину, Пусть кричат – уродина, А она нам нравится, Хоть и не красавица, К сволочи доверчива... ... Боже, сколько правды в глазах государственных ш*юх! Боже, сколько веры в руках отставных палачей!</i>	Имплицитный смысл текста обнажает конфронтацию общества и исполнительных структур власти. Идеологическая целесообразность песни заключается в призыве любить Родину, несмотря на то, что ее всю разворовали коррупционеры.	1) «Отставник» А. Щербинина (РФ, 2009); 2) «Балканский рубеж» А. Волгина (РФ, Сербия 2019)
Политический и фрустрационный	Анимация (РФ) / К. Кулясов	«Родина», 2012	<i>Я люблю свою Родину! Вроде бы Я полжизни рабом на заводе был И штаны носил прямо на скелет... ... А кого же ещё, если не её... Где мобили "Ё", и дороги "Ё"...</i>	Попытка открыть глаза аудитории на разрушенные системы ценностей; пренебрежение к действительности, где ценность жизни человека измеряется капиталом.	1) «Курьер из «Рая»» М. Хлебородова (РФ, 2013) 2) «Каникулы президента» И. Шерстобитова (РФ, 2018)
Правовой, регрессивный и нравственный	Иван Рейс (РФ)	«Осторожно», 2020	<i>Убей не нарочно, Мечтай о возможном, Плыви осторожно, Люби понарошку...</i>	Отрицание общепринятых нравственных ценностей: любить искренне и всерьёз; призыв к нарушению гуманитарного права: пропаганда совершать намеренное убийство.	«Вампиры средней полосы 2» (РФ, 2022)

Виды нигилизма	Группа / вокалист	Название, год выпуска	Пример	Интерпретация	Кинофильм, где встречается трек
Фрустрационный	ЛСП / О. Савченко (Беларусь)	«Тело», 2017	<i>Но на похоронах бабушкиной мамки очень давно Я понял одно: я просто тело, такое же Тело, что тупо болит...</i>	Бессознательный страх, вызванный угрозой (фактом смерти) человеческому существованию – иррациональное чувство передается слушателям и имплицитно влечет за собой разочарование, «потерю веры в гармонию мира, справедливость и смысл жизни» [Саврушева 2008: 67].	«Вампиры средней полосы 2» (РФ, 2022)

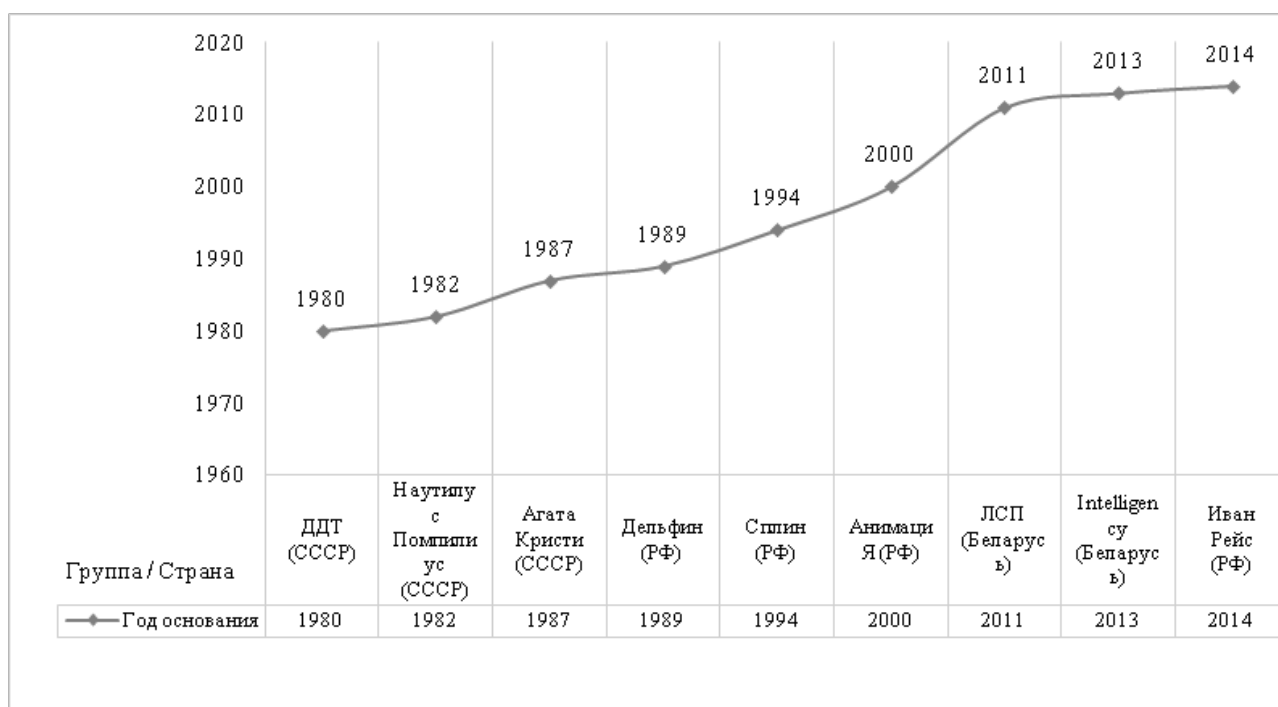

Рис. 1. Экспоненциальный рост популярности русскоязычных рок-групп с нигилистическим концептом

зыкальном искусстве. В качестве основных показателей нигилистической идеологии взяты годы основания рок-групп, ставших популярными благодаря произведениям, отражающим отрицательное отношение адресантов (авторов, композиторов и слушателей песен) к политике и законам государства (правовой и политический нигилизм), а также отражающие фрустрационные воззрения касательно вопросов экзистенциализма.

Напомним, что в США и Европе также возникали кризисы, провоцирующие популяризацию тяжелого рока (рисунок 2). На рисунке 2 отражена динамика становления нигилистических музыкальных групп зарубежных рок-исполнителей, интегрирующих в аудиторию тенденции к новым формам нигилизма, целью которых является «уничтожение другого мира» [8, с. 68].

Среди музыкальных композиций, отражающих следствия «духовного» нигилизма, можно назвать главный

экзистенциальный сингл британской рок-группы «Black Sabbath» – «God Is Dead?» («Бог умер?»). Также данная прокламация озвучена в песне американской индастриал рок-группы «Nine Inch Nails» – «Heresy» («Ересь»), где в припеве цитируется ницшевское высказывание: «God is dead and no one cares» – «Бог мертв, и всем наплевать» и т.д.

С точки зрения политических и экономических соображений, нигилистические принципы, упоминаемые в произведениях современных деятелей вышеупомянутых музыкальных направлений и стилей, прослеживаются в «актерстве» посредством таких человеческих качеств, как ничтожество, посредственность, неискренность и прочее, что также взаимосвязано с умалением значения института семьи. В то же время, в политических и экономических институтах данные тенденции обнаруживаются в национализме, анархизме, наказаниях и пр. [5, 30], что подтверждает деструктивное воздействие

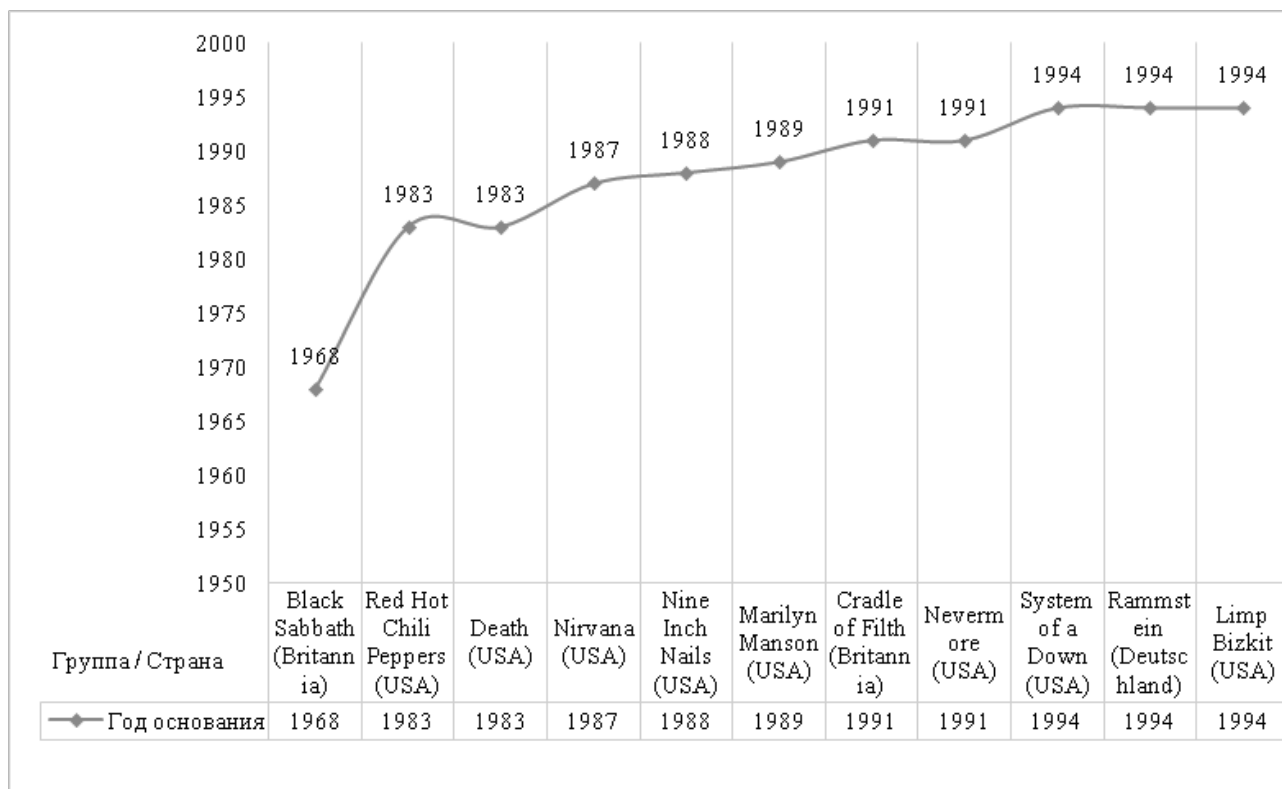

Рис. 2. Динамика роста популярности рок-групп зарубежных стран с нигилистическим концептом (Европа, США)

Таблица 2.

Виды «музыкального» нигилизма, присутствующие в песнях русскоязычных и иноязычных рок-исполнителей. Сравнительный аспект.

№	Название русскоязычной рок-группы / страна	Год основания	Вид нигилизма	Название иноязычной рок-группы / страна	Год основания	Вид нигилизма
1	ДДТ / СССР	1980	Политический	Black Sabbath / Британия	1968	Религиозный
2	Nautilus Pompilius / СССР	1982	Политический и правовой	Red Hot Chili Peppers / США	1983	Социальный, нравственный, фрустрационный
3	Агата Кристи / СССР	1987	Религиозный, правовой	Death / США	1983	Религиозный
4	Дельфин / РФ	1989	Политический, социальный	Nirvana / США	1987	Политический, социальный
5	Сплин / РФ	1994	Фрустрационный, религиозный, политический	Nine Inch Nails / США	1988	Религиозный
6	Сектор Газа / СССР	1987	Социальный, нравственный	Marilyn Manson / США	1989	Религиозный
7	Аквариум / СССР	1979	Фрустрационный, социальный, политический	Cradle of Filth / Британия	1991	Правовой, регрессивный и нравственный
8	Кино / СССР	1981	Политический	Nevermore / США	1991	Религиозный
9	Ария / СССР	1985	Религиозный	System of a Down / США	1994	Политический
10	Чайф / СССР	1985	Социальный, политический	Rammstein / Германия	1994	Политический, регрессивный и нравственный
11	Король и Шут (КиШ) / СССР	1988	Фрустрационный, социальный, нравственный	Limp Bizkit / США	1994	Правовой, регрессивный и нравственный

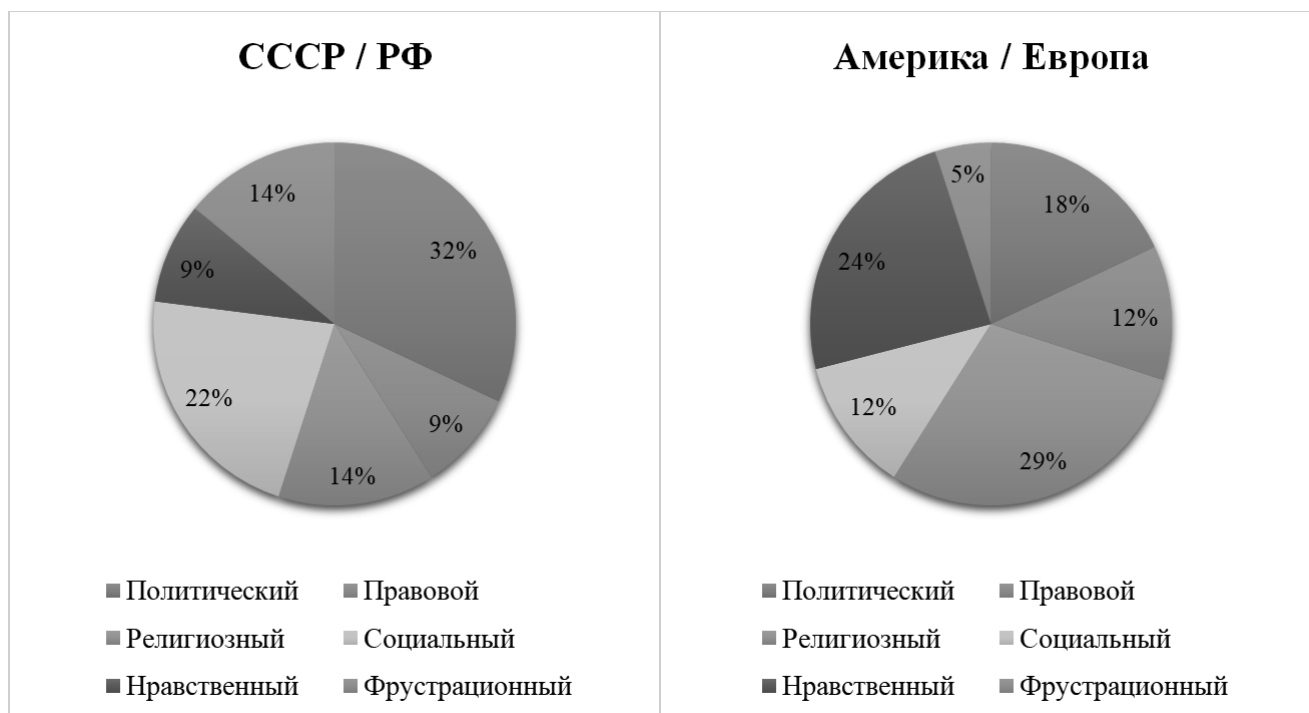

Рис. 3. Процент соотношения видов «музыкального» нигилизма

нигилизма на незрелую личность и иррационализирует культурные традиции предков.

На рисунке 3 представлены проценты видов нигилизма, присутствующего в текстах русскоязычных и иноязычных исполнителей.

Согласно тексту, в зарубежной рок-музыке преобладает религиозный и социальный нигилизм, обусловленный материалистическими ценностями, с постулатом «Бог умер» [6, с. 55]. В российской рок-музыке доминируют политический и социальный нигилизмы, детерминированные историческими кризисами, умалением роли православной веры и «традиционным паттерном потребления крепких алкогольных напитков» [7, с. 30]. Распространение нигилистической музыки в России, в том числе в кинематографе, рассматривается как способ привлечения внимания к социальным и духовным проблемам через эпатаж и гиперболизацию.

Выводы

По итогу проведенного исследования были сформулированы следующие выводы: нигилистические тенденции усиливаются в периоды кризисов и психоэмоционального стресса, находя отражение в искусстве, в частности, в музыке, выражающей бунт против веры и Бога (отсылка к утверждению «Бог умер», высказанному Ф. Ницше). Ключевой посыл такой музыки – это перекладывание ответственности за неудачи на внешние факторы, без должной рефлексии собственного поведения. К сожалению, нигилизм особенно привлекателен для молодежи, склонной к юношескому максимализму и неприятию социальных норм. Российские рок-группы в основном освещают политический, социальный и правовой нигилизм, в то время как зарубежные исполнители пропагандируют антирелигиозное мировоззрение, основанное на идеях Ф. Ницше.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глушкова В.Г. Путешествие по храмам и монастырям Санкт-Петербурга. – М.: Вече, 2013. – 128 с.
2. Давыдов Ю.Н. Этика любви и метафизика своеволия: (проблемы нравственной философии) / 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Молодая гвардия, 1989. – 202 с.
3. Ильичев И.Е., Лазарева С.А. Нигилизм: понятие и классификация // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 1 (73). – С. 32-39.
4. Кормильцев И.В., Башлачев А.Н. Легко ли быть звездой? // Юность: литературно-художественный и общественно-политический журнал / учредитель: АНП «Редакция журнала «Юность». – М.: Редакция журнала, 1988. – 214 с.
5. Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей / Пер. с нем. Т. Гейликлмана и др. – СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2021. – С. 56-80.

6. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: прелюдия к философии будущего: к генеалогии морали: полемическое сочинение. – М.: Академический Проект, 2007. – 216 с.
7. Розанов В.А. Самоубийства, психосоциальный стресс и потребление алкоголя в странах бывшего СССР / Суцидология. – 2012. – №4 (9). – С. 28-40.
8. Саврушева М.И. Нигилистическая сущность современной преступности // ОНВ. – 2008. – № 1 (63). – С. 66-69.
9. Уваров А.Н. Интерпретация феномена самоубийства в русской философии // Соловьевские исследования. – 2015. – № 4. – С. 29-43.
10. Фаритов В.Т. Эстетика нигилизма: жажда небытия // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. – 2018. – № 1 (23). – С. 21-33.
11. Человек против Бога / Пер. Отец Серафим Платинский (Евгений Роуз). – М.: Российское отделение Валаам. Острова Америки: Товарищество рос. книгоиздателей, 1995. – 188 с.
12. Шарафутдинов А.Ш., Хафизова Д.М. «Политический нигилизм» как модель политического поведения // Социально-политические науки. – 2012. – № 3. – С. 135-137.
13. Ширинянец А.А. Нигилизм или консерватизм? // Русская интеллигенция в истории политики и мысли. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2011. – 216 с.
14. Atkin D., Abelman R. Assessing Social Concerns over the Impact of Popular Music and Music Video: A Review of Scholarly Research // The Open Social Science Journal. – 2009. – № 2(1). – P. 37-49.
15. Trostle L.C. Nihilistic Adolescents, Heavy Metal Rock Music, and Paranormal Beliefs. Psychological Reports. – 1986. – № 59 (2). – P. 610-610.

© Чэнь Байюй (cby21613425@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНАЛИЗ СИМВОЛОВ ВОДЫ В ДАОССКОЙ ЖИВОПИСИ С ФИЛОСОФСКОЙ И СЕМИОТИЧЕСКОЙ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ

Шэн Миньчжи

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный
университет промышленных технологий и дизайна
3minzhi@gmail.com

Робинув Олег Юрьевич

Кандидат педагогических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна
robinov.oleg@gmail.com

ANALYSIS OF WATER SYMBOLS IN TAOIST PAINTING FROM PHILOSOPHICAL AND SEMIOTIC POINTS OF VIEW

**Sheng Minzhi
O. Robinov**

Summary: The article analyzes the symbolism of the water element in Taoist painting. Various aspects and symbolic meanings of the water substance in the religious and philosophical teaching of Taoism are highlighted. A number of iconic works related to the direction of Taoist painting and containing "water" symbolism are considered. The main genres in which artists turn to the image of water are characterized. The conclusion is made about the originality and uniqueness of Taoist painting, which puts in the first place not the search in the field of artistic form, but the symbolic expression of the spiritual ideas of the religious and philosophical teachings of Taoism.

Keywords: water, symbol, Taoism, philosophy, Taoist painting.

Аннотация: В статье анализируется символика водной стихии в даосской живописи. Освещены разнообразные аспекты и символические значения водной субстанции в религиозно-философском учении даосизма. Рассмотрен ряд знаковых произведений, относящихся к направлению даосской живописи и содержащих «водную» символику. Охарактеризованы основные жанры, в которых художники обращаются к образу воды. Сделан вывод о самобытности и уникальности даосской живописи, ставящей на первое место не поиски в области художественной формы, а символическое выражение духовных идей религиозно-философского учения даосизма.

Ключевые слова: вода, символ, даосизм, философия, даосская живопись.

Даосская живопись представляет собой вид изобразительного искусства, основанного на мировоззренческих концепциях религиозно-философского учения даосизма. Даосская живопись получила распространение в Китае. Идеино-содержательная сторона занимает в ней очень важное место. Каждая картина, относящаяся к направлению даосской живописи, содержит целый комплекс глубоких и многозначных символов [2, 3, 4, 8].

Ключевая идея даосизма и, соответственно, даосской живописи – поклонение природному миру. Для даосизма природа является высшим учителем. Поэтому в даосской живописи ведущим жанром является пейзаж, показывающий различные природные субстанции, явления и стихии: воду, горы, облака, гром, солнце, луну, звезды [6-10, 12].

Вода – один из самых главных символов в даосской живописи. Она – источник жизни и один из элементов древнекитайского учения о пяти элементах. Значение образа воды в даосской живописи рассматривают с философской и семиотической точек зрения [10, 13]. С философской точки зрения водная стихия анализируется в контексте глубоких вопросов мироздания – жизни и смерти, добра и зла, светлого и темного начала. С семиотической – она рассматривается как знак, символ, вы-

ражающий разнообразные идеи.

Вода – очень многозначный символ. В первую очередь, она выступает как метафора долголетия и исцеления. Даосизм – религия, прославляющая идею бессмертия, а вода – необходимый ресурс для выживания на земле людей, зверей, птиц, насекомых, растений, важнейший компонент живых организмов. «Жизненная» символика воды связана с ее цикличностью и бесконечностью. Благодаря своей текучести, водная субстанция обладает способностью преодолевать препятствия. Поэтому она часто выступает аллегорией мудрости, гибкости мышления, мягкости, податливости. Вода обтекает помехи, словно умный человек, искусно побеждающий в споре [1, 7, 11, 13].

Несмотря на содержание некоторых устойчивых свойств, черты, водная стихия непостоянна и вероломна. Она может быть текучей и слабой и, вместе с тем, обладать мощной силой, выходить из берегов и затапливать землю.

Вода в даосизме одновременно выступает и как объект реального мира, и как духовная субстанция. Она присутствует в энергетическом поле людей. Если ее содержание в норме, то человек живет в гармонии с собой и природой. Если воды меньше, чем надо, то человек обладает сниженным запасом жизненных сил, а если ее

слишком много, то он мучается с проблемой выбора, так как видит много разных возможностей для себя, но не знает, что ему по-настоящему нужно. Позитивные эмоции, которые связываются в даосизме с водой – ощущение гармонии и радости и жизни, а негативные – тревожность и страх [1].

В даосизме, как и в других мировых религиях, вода связана с проведением важных духовных ритуалов. Например, в даосизме омовение водой является ритуалом очищения тела, разума и духа. Благодаря своей текучей и бесконечной субстанции вода связана с идеями долголетия, переселения душ и бессмертия. Так как в даосизме присутствует идея ценности жизни, это определяет уважительное отношение к стихии воды как к жизненно-му источнику [1, 7, 11, 13].

Рассматривая символ воды с философской точки зрения, следует подчеркнуть также ее противоречивость и двойственную природу. Так как вода в даосском учении воспринимается как низшая точка материи, она может трактоваться и как стадия умирания, исчезновения вещественного мира.

Кроме того, водная стихия в даосизме тесно связана с женским началом – инь. Вода постоянно находится в динамичном состоянии, однако ее движение направлено внутрь и вниз, поэтому в некоторых аспектах даосизма она связывается с неподвижностью и сохранением ресурсов и выступает инструментом накопления жизненной энергии ци [1, 13]. В даосском учении вода часто ассоциируется с холодом и мрачными красками: зимней погодой, Севером, лунным светом, черным цветом [8].

В целом, вода в даосском учении олицетворяет собой вечную динамику и самотрансформацию мировых процессов и выступает метафорой космического Дао [1, 7, 11, 13].

Анализируя особенности изображения водной субстанции, как и всех остальных элементов пейзажа, в даосской живописи, следует подчеркнуть уникальность ее подхода, совершенно отличного от европейского. Если западные мастера стремятся реалистично изображать природный мир, то представители даосской живописи используют совершенно другие методы. Для них красота и многообразие природы не важны сами по себе. Мастера воспринимают их как инструменты для выражения глубоких философских идей. Поэтому пейзаж в даосских картинах выступает как набор иконографических схем, как система символических знаков [9].

В пейзажных произведениях даосской живописи образ воды часто занимает центральное место. На такую иконографию повлияло два фактора: следование даосской философии и территориальное расположение Под-

небесной, являющей морской державой и окруженной тремя морями [5].

В даосской живописи существует множество вариантов изображения водной стихии: в форме водохранилищ (ручьев, рек, прудов, озер, морей, океанов) и в виде природных феноменов (снега, дождя, льда, облаков). Кроме того, вода изображается в очень разных состояниях (покой, безмятежность, взволнованность, круговорот, падение струй и низвержение каскадами) [10].

Когда водная стихия изображается в качестве ручья либо реки, она находится в движении и ассоциируется с космическим потоком. Если вода показывается в виде пруда или озера, она пребывает в замкнутом, стоячем положении, которое связывается с накоплением энергии ци [3].

Когда даосские живописцы изображают Поднебесную, омываемую тремя морями, впадающими в Тихий океан, они воплощают множественность составляющих материального мира, которые стремятся к целостности и абсолютному единству Дао. Такие природные явления, как дождь и снег и дождь, связанные с водой, являются метафорами мифических рек, которые текут с небес на землю и соединяют их. Символы рек в даосских картинах – аллегии источников, связывающих реальные и потусторонний миры [10].

Следует подчеркнуть, что к образу воды мастера даосской живописи обращались с древних времен. Однако длительный период времени это были только изображения рек, озер, прудов, водопадов, природных явлений. А вот к образу моря художники обратились лишь в XX столетии. Объясняется это тем, что море – очень изменчивая и непостоянная субстанция, которую крайне сложно запечатлеть в сиюминутном моменте. Мастера обратились к образу моря в тот момент, когда китайская живопись несколько освободилась от жестких канонов и строгих иконографических схем и стала стремиться к реалистичности изображений, свободе манеры и новым поискам [1, 5].

Следует отметить, что в некоторых старинных даосских картинах изображения моря все же встречаются: например, в цикле картин «Водная карта» художника Ма Юаня, написанная в период Южной династии Сун. Однако море здесь показано очень схематично, в традициях даосской живописи, – в виде морской ряби или рыбьей чешуи.

Вообще, «Водная карта» Ма Юаня – это воплощение целой Вселенной и апофеоз даосского мировоззрения. Водная стихия здесь показана крайне разнообразной, во множестве проявлений – от спокойного течения до бурных волн. Художник изображает водную субстан-

цию в большом количестве физических состояний – в виде ручьев, рек, горных потоков, водопадов, облаков, туманов, морей, снега, инея, льда [6]. Через очень разные изображения водной стихии живописец стремится показать все разнообразие трактовки символического образа воды из даосской философии.

Серия картин «Водная карта» написана в традиционной технике даосской живописи. Здесь все художественно-выразительные средства – композиция, цветовая гамма, линейный и ритмический рисунок – отличаются предельной строгостью, лаконичностью, выразительным схематизмом и призваны выразить глубокие духовные идеи религиозно-философского учения даосизма.

Важно отметить, что, помимо традиционных выразительных средств – колорита, рисунка, предметной композиции, освещения – в живописном цикле Ма Юаня присутствует еще один важный элемент –

пустое пространство. Включение пустоты в общий композиционный строй – одна из доминантных черт традиционной даосской живописи. Пространство олицетворяет бесконечность и незримую энергию природы и жизненных ресурсов человека.

В цикле «Водна карта» вода воспринимается как живой организм, наделенный собственной душой, миром чувств, эмоций, ощущений. И живописец Ма Юань, как внимательный ученый, словно под микроскопом исследует глубину этой души и разнообразие ее проявлений. И в этом ему помогает определенная техника. Стремясь показать разные стороны и аспекты водной стихии, мастер смело работает с формой. Он выстраивает композицию «одного угла», размещая изображение в одной части свитка, а вторую часть оставляет пустой, приглашающей зрителя к размышлениям, погружению в глубокий мир даосской философии.

В цикле Ма Юаня водная концепция даосизма воды выражена во всей своей полноте. На картинах мастера она то отличается мягкостью и смирением, то показывает свою гибкость, умение преодолевать препятствия и преграды, то проявляет свой норовистый и бескомпромиссный нрав, нарушая сдержанность и гармонию восприятия. Кроме того, живописец выражает идею, что, несмотря на свой динамизм и перманентную изменчивость, водная стихия сохраняет внутреннюю целостность. Это очень соответствует философским идеям даосизма [5, 6].

Цикл признан во всем мире подлинным шедевром даосской живописи. В наше время он пользуется большой популярностью среди представителей творческих профессий – художников, дизайнеров, поэтов, музыкантов, а также представителей философской мысли.

«Водная карта» учит находить величие в обыденном, красоту в малом, гармонию среди беспорядка. Цикл по праву считается не только живописным произведением, но и своеобразным художественным «трактатом», рассказывающим зрителю все тонкости философии даосизма.

Кроме цикла Ма Юаня, сохранился целый ряд живописных произведений, демонстрирующих концептуальные идеи даосского учения. Есть среди них и картины, содержащие изображение моря, но только в схематичной, традиционной для даосской философии манере: «Водный дом Лунгун» Чжу Юя, «Три горы на море» и «Карта погружения в морской дом» Юань Цзяна, «Карта наблюдения за приливами» Юань Яо, «Осенний прилив в Цяньтане» Ся Гуя и др. Изображение моря в них создано с помощью линейного рисунка. Данные работы представляют набор схем изображений разных состояний морской стихии в соответствии с возможностями пера и туши.

В даосской живописи, помимо чисто «водного» жанра, существуют и смежные жанровые категории. Например, это жанр – «горы-воды» («шань-шуй»). Его яркой иллюстрацией служит пейзаж «На озере» написанный мастером Цао Куйинь в XVIII столетии. Картина включает в себя не только изображение воды в виде озера, но гор в форме холмов и скал. Работа исполнена в типичной для даосской живописи манере – лаконичной, схематичной и идейно концептуальной. Картина символизирует гармонию мужского и женского начал. Горы олицетворяет ян, а вода – инь. В композиции они занимают равноценное положение и находятся в равновесном единстве.

Еще один смежный жанр даосской живописи, в котором художники часто обращаются к образу воды, – «сады и парки». Примером такого жанра является картина, запечатленная на лаковой ширме, выполненная неизвестным мастером во второй половине XVII века в эпоху царствования императора Канси из династии Цин. Композиция картины состоит из большого числа объектов реального мира, каждый из которых служит определенным духовным символом. В произведении запечатлен цветущий сад, где имеются пруды, деревья, цветы, изображения прекрасных девушек и фантастических птиц. В картине создан образ гармоничной Вселенной, в которой все находится в изобилии, единстве и равновесии сил. Значимое место здесь занимает и образ водной стихии, представленной изображениями спокойных прудов. Вода в данном случае выступает как объединяющая субстанция, поддерживающая гармонию этого мира, как источник жизненных сил и энергетических ресурсов ци.

Даосская философия – цельный и загадочный феномен, по-настоящему понятное этносам, проживающим

на территории Восточной Азии, и, в первую очередь, китайскому народу, и несколько далекое для европейцев. Это религиозно-философское учение породило яркое и самобытное направление в изобразительном искусстве – даосскую живопись, не ставящая своей основной целью поиски в области художественной формы,

а верная традициям, устойчивым, сложившемся много веков назад иконографическим схемам, которые по сути служат инструментом для символического выражения духовных идей даосизма через изображение разнообразных природных элементов, среди которых одним из главных является образ водной стихии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван С. Образ воды в культуре и искусстве Европы и Китая: обзор русскоязычных научных источников // *Universum: филология и искусствоведение: электронный научный журнал*. – 2022. – 12 (102). – С. 22-25. – URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/14719> (дата обращения: 05.03.2025).
2. Ван Цзянь. Отражение философии даосизма в живописи Китая: кандидатская диссертация. – Чита, 2012. – 164 с.
3. Галкина Н.М. Даосизм и его влияние на китайскую культуру // *Вестник КРСУ*. – 2009. – № 3. – Т. 9. – С. 59-63.
4. Лебедев Н.С. Китайская живопись в контексте философских идей даосизма // *Известия Уральского федерального университета*. – 2018. – № 2 (174). – С. 185-192.
5. Ли Юе. Зарождение жанра марина в китайской живописи // *Научный аспект*. – 2022. – № 6. – Т. 1. – С. 66-70.
6. Ли Юе. Духовная сущность китайского морского пейзажного искусства // *Культура и искусство*. – 2024. – № 3. – С. 40-49.
7. Ли Юе, Алексеева Г.В. «Формула воды» в иконографии пейзажной живописи средневекового Китая // *Обсерватория культуры*. – 2023. – Т. 20. – № 5. – С. 550-559.
8. Ломов С.П., Ли Фугуй. Конфуцианская и даосская идеологии в китайской живописи // *Право и практика*. – 2018. № 4. – С. 331-336.
9. Медкова Е. В сравнении с европейской живописью // *Искусство*. – 2009. – № 15.
10. Медкова Е. Символика китайского пейзажа // *Искусство*. – 2009. – № 15.
11. «Наблюдать за водой – искусство». Бездонная тайна в древнекитайской мысли // *LA CIVILTA CATTOLICA* [Электронный ресурс]. – URL: <https://laciviltacattolica.ru/2023/11/10/наблюдать-за-водой-искусство-без/> (дата обращения: 05.04.2025).
12. Сурина М.О., Сурин А.А. Философия и символизм китайской пейзажной живописи // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. – 2014. – № 5 (61). – С. 294-297.
13. Филимонова Е.Н. Стихия воды и ее символический код в дальневосточной ментальности // *Язык, сознание, коммуникация / Сборник статей*. – Вып. 37. – М.: ООО «МАКС Пресс», 2009. – С. 4-29.

© Шэн Миньчжи (3minzhi@gmail.com), Робинев Олег Юрьевич (robinov.oleg@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Я-КОНЦЕПЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ: ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ

Альева Майя Асифовна

Аспирант, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
alyevamaya@mail.ru

SELF-CONCEPT IN THE MODERN PSYCHOLOGY: THEORETICAL REVIEW

M. Alyeva

Summary: An analysis of ideas about the self-concept in modern psychology was carried out. Various aspects of the self-concept that arose in connection with the complication of the social context of life and the maturation of the modern personality are considered. The main directions of the study of the self-concept of a modern growing personality are highlighted. The relevance of further study of various sides of the Self, in particular, the study of Possible Self, is justified.

Keywords: Self-concept, self-construal, related self-concept, collective self-concept, independent self-concept, youth, possible self.

Аннотация: Проведен анализ представлений о Я-концепции в современной психологии. Рассмотрены различные аспекты Я-концепции, которые возникли в связи с усложнением социального контекста жизнедеятельности и взросления современной личности. Выделены основные направления исследования Я-концепции современной взрослеющей личности. Обоснована актуальность дальнейшего изучения различных сторон Я, в особенности, изучения Возможных Я.

Ключевые слова: Я-концепция, родственная Я-концепция, коллективная Я-концепция, независимая Я-концепция, юношеский возраст, возможное Я.

Введение

Формирование Я-концепции личности является, по R. Havighurst (1967), задачей развития периода юности. Современный мир характеризуется усложнением экономических, этнических, экологических, демографических проблем. Изучение закономерностей становления личности современного молодого человека является теоретически и практически значимой задачей психологии развития.

Направления исследования Я-концепции в современной психологии: обзор исследований

Термин «Я-концепция» введен в психологию американским психологом У. Джеймсом на рубеже XIX—XX веков. У. Джеймс выделил в Я-концепции четыре компонента: Духовное Я, Материальное Я, Социальное Я и Физическое Я, обозначив под этими составляющими различные аспекты личности. Современные исследователи Я-концепции расширяют спектр Я, которыми обладает личность.

Наиболее авторитетной моделью Я-концепции признается модель, предложенная Р. Бернсом. Р. Бернс (1986) определяет Я-концепцию как совокупность представлений о себе, сопряженной с их оценкой, и выделяет три компонента Я-концепции: когнитивный (Образ Я), эмоциональный (самооценка как отношение к образу Я) и поведенческий (детерминация поведения и интерпретация опыта стоит через призму Я-концепции).

Идеи Р. Бернса получили свое дальнейшее развитие в работах исследователей. В отечественной психологии

В.В. Столиным (1983), И.С. Коном (1984) были заложены основы изучения Я-концепции как продукта самосознания. Критические замечания послужили отправной точкой для новых исследований.

Л.В. Бороздиной было предложено разделение понятий «самооценка» и «самоотношение»: Л.В. Бороздина подчеркивала, что «...то, что люди чувствуют по отношению к себе, вовсе не обязательно определяется тем, насколько хорошими они считают себя» [Бороздина, 2011, с. 64].

В работе Т.В. Архиреевой уточнено выделение поведенческого компонента в составе Я-концепции. Вместо поведенческого компонента, предложенного Р. Бернсом, Т.В. Архиреева предлагает выделять мотивационный компонент Я-концепции. В своем развитии Я-концепция, отмечает автор, подчиняется законам развития систем – закону дифференциации и закону интеграции. На основе идей В.В. Столина об уровне строения самосознания, Т.В. Архиреевой сформулирована структурно-системная модель Я-концепции, и определены направления развития Я-концепции в онтогенезе [Архиреева, 2005].

Я-концепция представляет собой сложный системный феномен.

Наука всегда связана с социальным контекстом, внутри которого она существует и развивается. Постнеклассическая методология предполагает полипарадигмальность, создание интегративных моделей психического, многомерность исследований, учет особенностей социокультурной обусловленности науки и субъекта научной деятельности.

Основной характеристикой сложных систем является наличие системных качеств, несводимых к свойствам образующих элементов.

С позиций историко-эволюционного подхода к анализу живых систем показано, что «простота» характеризует системы, ориентированные на «неизменность и консервативность», а «сложность» присуща трансформирующимся структурам, ориентированным на непредсказуемое будущее [Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2022].

В последнее десятилетие возрастает интерес к изучению Я-концепции. Об этом говорят данные РИНЦ. Нами был осуществлен поиск источников (статей, книг, диссертаций, материалов конференций), в которых термин «Я-концепция» входит в раздел «ключевые слова». В период с 2014 по 2024 год было обнаружено 2107 таких источников. За предыдущее десятилетие (с 2003 по 2013 год) данному критерию отвечает только 619 публикаций.

Изучение Я-концепции юношей и девушек, взрослеющих в транзитивном российском обществе, в эпоху высокой социальной неопределенности, когда построение Я-концепции современного поколения происходит на стыке двух миров – реального и виртуального, в условиях объективной трудности самоопределения - закономерным образом предполагает усложнение предлагаемых исследовательских моделей [Марцинковская, Андреева (Голубева), Преображенская, 2023; Гусельцева, 2023].

Глобализация, характерная и для российского общества начала XXI века, ведет к увеличению возрастной границы взросления, к сложности поиска и обретения своей идентичности молодежью в условиях трансформации социального и культурного контекста взросления [Поливанова, 2016; Бовина, Дворянчиков, Богданович, 2022; Марцинковская, 2022].

Развитие понятия «Я-концепция» осуществляется в направлении более дифференцированного изучения различных сторон Я. Современные авторы считают, что дифференцированность Я-концепции увеличивает возможности адаптации человека к сложностям современного мира, но, в то же время, может приводить к дезинтеграции личности [Архиреева, 2005; Шаповал, Фоминых, 2018].

В связи с многогранностью феномена Я-концепции, возникает проблема ясности Я-концепции, понимаемой как степень внутренней согласованности и устойчивости структуры Я-концепции [Вдовенко, Щебетенко, Старовойтенко, 2021].

В рамках психологии личности И.А. Шаповал и Е.С. Фоминых рассматривают внутренние и внешние границы личности как пространство формирования

Я-концепции, которые постоянно реконструируются в процессе жизнедеятельности личности в условиях современности [Шаповал, Фоминых, 2018]. Я-концепция понимается авторами как познанный аспект Я, который интегрирует и Я-репрезентации, и субличности человека в целом бесконфликтное множество. Подчеркивается, что глобальная Я-концепция включает в себя множество измерений, и чем больше Я и не-Я у личности, тем она разностороннее, а конфликты между разными аспектами Я могут приводить к диссоциации и дезинтеграции личности. В целом, исследования И.А. Шаповал и Е.С. Фоминых демонстрируют проблему множественности Я у личности и подчеркивают риски развития личности в связи с многообразием структур Я-концепции внутри одной личности.

Авторская теория Я-Концепции А.С. Шарова (2017) отвечает на ряд исследовательских вопросов в рамках психологии личности. Согласно А.С. Шарову, Я-концепция - механизм собирания себя, центр, с которым соотносится весь поток переживаний личности и ее жизнь в целом. Я-концепция выполняет функцию ценностно-смысловой организации пространства жизни и определяет связи и отношения личности [Казаква, Шаров, 2022].

В научной школе профессора В.С. Агапова (2013, 2014), при изучении закономерностей становления Я-концепции руководителей, реализована системно-субъектная парадигма анализа Я-концепции как интегративного системного личностно-смыслового образования, включающего в себя основные жизненные отношения личности и способы их реализации [Агапов, 2013].

Изучение Я-концепции тесно связано с представлениями об особенностях взросления в современном российском обществе (А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых, С.В. Молчанов, К.Н. Поливанова, В.С. Собкин, О.А. Карабанова, Н.Е. Харламенкова).

Исследования взросления в современном мире показали модификации и расширение ценностно-смысловой структуры представителей современного поколения молодежи (Зекерьяев, 2021). Ценностно-смысловая система личности связана с решением задач развития возраста, важнейшей из которых в юности является задача самоопределения применительно к различным сферам жизнедеятельности: в области ценностей и идеологии, в сфере межличностных отношений, в профессиональной сфере.

В фокусе недавних исследований самоопределения в период молодости – сопоставление профессиональной и семейной карьер [Пряжников и др., 2024; Карабанова, Захарова, Старостина, 2021].

В диссертационном исследовании А.М. Рикеля (2012),

выполненного в парадигме системного подхода, были выделены компоненты профессиональной Я-концепции, показана связь профессиональной Я-концепции с успешностью карьеры. Профессиональная Я-концепция, или «карьерное Я», как совокупность представлений о своем профессиональном развитии, по мнению А.М. Рикеля, играет важную роль в отсутствии внутренних конфликтов личности, в благополучии и успешности в профессии и карьере.

Трансформация брачных отношений, либерализация норм в области сексуальных отношений привлекают внимание ученых к изучению сексуальной Я-концепции, как системы представлений о себе, как о сексуальном существе [Deutsch, Hoffman, Wilcox, 2014; Казанцева, 2021]. Исследования Я-концепции в сфере интимности важны для возрастной психологии и для психологии семейных отношений.

Одной из особенностей российского общества является большое культурное и этническое разнообразие. А.А. Налчаджян (2004) выделяет этническую Я-концепцию, как систему представлений человека о себе, связанную с образом своего этноса.

В отечественной психологии основополагающим принципом понимания развития личности является принцип культурной обусловленности и социальной детерминированности. Поэтому особое внимание заслуживают исследования Я-концепции в рамках психологии межкультурных различий. Культура, усвоенная в процессе социализации, влияет на различные аспекты Я-концепции. Исследование Н.В. Лебедевой и Е.Д. Васильевой демонстрирует, что самооценка личности в индивидуалистических и коллективистских культурах различается [Лебедева, Васильева, 2023].

На основе анализа коллективистских и индивидуалистических культур Н. Markus & S. Kitayama предложили модель Я-концепции, включающую два измерения: независимая Я-концепция и взаимозависимая Я-концепция. Далее модель была дополнена S.E. Cross & L. Madson, и взаимозависимая Я-концепция была разделена на коллективную Я-концепцию и родственную Я-концепцию [Markus, Kitayama, 1991; Cross, Madson, 1996]. Ориентированность на себя, на других и на отношения в рамках социальных групп являются критериями разграничения выделенных авторами измерений Я-концепции. Далее авторами проводились исследования самоотношения в культурах коллективизма и индивидуализма [Kitayama et al, 1997]. Особенности построения Я-концепции в индивидуалистических и коллективистских культурах были отражены в исследованиях E. Dardara [Dardara, 2018]. В работах Н.В. Marsh & К.Т. Нау была изучена академическая Я-концепция и показаны ее кросскультурные особенности [Marsh, Нау, 2004]. В исследованиях Т. English

& S. Chen и Н. Marsh et al продемонстрирована связь культуры и согласованность Я-концепции [English, Chen, 2011; Marsh et al., 2020].

Стремительное развитие информационных технологий затрагивает все сферы жизни современного человека. Происходят глубокие изменения в сферах трудовой деятельности, образования и семейных отношений, которые определяют качественный переход к новому типу устройства общества – «цифровому обществу». Технологические средства трансформируют способы коммуникации, формы и модели межличностных отношений и идентификации [Бовина, Дворянчиков, Богданович, 2022; Марцинковская, 2022]. Выявлен феномен «разорванной коммуникации» в СМИ. Современные исследователи изучают феномен фэббинга, понимаемого как отвлекаемость на смартфон в процессе реального общения, и влияния интернет-зависимости на процессы «реального» (непосредственного) общения [Максименко и др., 2021].

Цифровая социализация создает и риски благополучного развития современного поколения молодежи. Не случайно исследования цифровой социализации затрагивают преимущественно юношеский возраст [Белинская, Шаехов, 2023; Карпов, Воронова, 2021].

Цифровизация повседневности отразилась на социализации и личностном развитии современного поколения, что закономерно повлияло на формирование идентичности и Я-концепции юношей и девушек [Солдатова, Чигарькова, Илюхина 2022]. Цифровое общество характеризуется большей управляемостью процессов самопрезентации, поэтому существует угроза утраты определенности и устойчивости своего Я. В исследовании О.В. Рубцовой продемонстрировано, что современные подростки используют социальные сети для экспериментирования, в процессе которого они решают задачи развития, связанные с формированием «образа Я» [Рубцова, Посакалова, Ширяева, 2021].

Исследователи предлагают новое измерение «Я»: «Я-виртуальное», как представление человека о самом себе, осмысленное и презентуемое в виртуальном пространстве [Цариценцева, Бутрова, 2014]. Я-реальное и Я-виртуальное дополняют друг друга, так как виртуальная среда предоставляет множество возможностей для экспериментирования, самопрезентации и самоопределения. Так, можно говорить о человеке расширенном и достроенном. Расширенное Я постоянно совершенствуется и вбирает в себя техносистему, в которой происходит развитие личности [Петрова, Шаповаленко, 2014; Марцинковская, Андреева (Голубева), Преображенская, 2023].

Транзитивность современного мира усложняет задачу планирования будущего для развивающейся личности. Конструкт «Возможное Я» предложен Н. Markus и

P. Nurius. «Возможное Я» выступает как связующее звено между прошлым, настоящим и будущим субъекта и личностно-смысловым аспектом Я [Markus, Nurius, 1986].

Ряд недавних исследований посвящены изучению Возможного Я в различных сферах жизнедеятельности, предложены конструкты, связанные с Возможным Я. Е.Ю. Василевская рассматривает мотивационный потенциал Возможных Я в академической сфере у студентов разных культур [Василевская, 2018]. М.М. Гришутина и В.Ю. Костенко анализируют Возможные Я в романтических отношениях, предлагают понятие «Невозможное Я» [Гришутина, Костенко, 2023]. А.В. Баранова и Л.Ш. Мустафина изучают личностные факторы выбора Возможных Я у молодежи [Баранова, Мустафина, 2023].

В исследованиях Е.А. Волченковой и О.Н. Молчановой отражены «Потерянные Возможные Я» [Волченкова, Молчанова, 2019]. А.А. Февзиева рассматривает вариации интервенций «Лучшего Возможного Я» [Февзиева, 2024].

Важность конструкта «Я-должное», наравне с конструктами «Я-реальное» и «Я-идеальное» в клинической психологии показана в работе А.Л. Рыжова [Рыжов, 2023].

Таким образом, понимание феномена Я-концепции обогащается современными исследованиями. Выделяются различные стороны Я, связанные с особенностями социального контекста социализации и развития современной личности. Особое внимание заслуживают исследования Я-концепции в условиях цифровизации.

Заключение

Результат проведенного теоретического обзора современных исследований Я-концепций позволил сделать ряд выводов относительно актуальности исследования Я-концепции в условиях современности.

Было показано возрастающее количество исследований, посвященных феномену Я-концепции. Это объясняется сложностями поиска идентичности и формирования Я-концепции в условиях глобализации, транзитивности и цифровизации современного общества.

Таким образом, актуальность, как теоретическая, так и практическая, исследования Я-концепции в современной психологии не вызывает сомнений.

Полипарадигмальность современной психологии, «методологический плюрализм» находит отражение в представлениях о Я-концепции в предлагаемых конструктах Я.

Возрастающая сложность феномена Я-концепции, выделение различных сторон Я исследователями, определяются особенностями современного мира, его транзитивностью, высокой социальной неопределенностью и значительной изменчивостью. В статье были описаны профессиональная Я-концепция, сексуальная Я-концепция, виртуальное Я, Я возможное и Я должное.

Построение и развитие Я-концепции – сложный нелинейный процесс формирования представлений о себе. Особенности современного общества предоставляют множество возможностей для личностных выборов и построения Я-концепции, однако ведут за собой риски в психическом развитии современного поколения. Условие социального контекста жизнедеятельности современной личности приводит к росту различных Я, которыми обладает современный человек. Наличие множества Я-структур у личности не только увеличивает возможности адаптации к условиям современности, но и может стать причиной дезинтеграции личности.

Жизнедеятельность современной личности разворачивается на стыке двух миров: реального и виртуального, что ведет за собой риски в благополучном развитии поколения, «рожденного цифровыми». Изменение характера социализации, цифровизация всех сфер общества подчеркивают актуальность исследований виртуального Я и особенностей построения и развития Я-концепции не только в реальном мире, но и в виртуальном пространстве.

Таким образом, в статье обоснована актуальность исследований Я-концепции и отмечены современные направления исследования Я-концепции в эпоху современности, а именно изучение множественности Я структур в условиях транзитивности, цифровизации и трансформации ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

- Архиреева, Т.В. (2005). Системный подход к пониманию развития Я-концепции ребенка // Вестник Новгородского государственного университета, 31, с. 4 – 8.
- URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_14796625_26882913.pdf (дата обращения: 08.08.2024).
- Асмолов, А.Г., Шехтер, Е.Д., Черноризов, А.М. (2022) Антропологический поворот: восхождение к сложности. В: Л.П. Киященко, Т.А. Сидорова (ред.) // Человек как открытая целостность (с. 33–53). Новосибирск: Академиздат <https://doi.org/10.24412/cl-36976-2022-1-33-53>
- Баранова, А.В., Мустафина, Л.Ш. (2023). Выбор возможных Я у молодежи с разными личностными характеристиками // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие, 11(2), с. 117–128. <https://doi.org/10.23888/humJ2023112117-128>
- Белинская, Е.П., Шаехов, З.Д. (2023). Взаимосвязь психологического благополучия и адаптации к рискам цифрового мира в молодежном возрасте //

- Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 46(3), с. 239–260. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-35>
6. Бовина, И.Б., Дворянчиков, Н.В., Богданович, Н.В. (2022). Информационная социализация и психологические последствия злоупотребления технологиями. В: Н.В. Дворянчиков, О.В. Рубцова (ред.), Отклоняющееся онлайн-поведение подростков и молодых взрослых в социальных сетях. (с. 5–13). М.: МГППУ.
 7. Бороздина, Л.В. (2011). Сущность самооценки и ее соотношение с Я-концепцией // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 1, с. 54–65. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_16520722_16156136.pdf (дата обращения: 13.05.2024).
 8. Василевская, Е.Ю. (2018). Сравнительный анализ возможных «Я», связанных с профессией, у российских и американских студентов // Организационная психология, 8(4), с. 95–110. URL: [https://orgpsyjournal.hse.ru/data/2018/12/28/1143005196/OrgPsy_2018_4\(5\)_Vasilevskaya\(95-110\).pdf?ysclid=m8p47b1aae713032542](https://orgpsyjournal.hse.ru/data/2018/12/28/1143005196/OrgPsy_2018_4(5)_Vasilevskaya(95-110).pdf?ysclid=m8p47b1aae713032542) (дата обращения: 26.01.2025).
 9. Вдовенко, В.В., Щebetенко, С.А., Старовойтенко, Е.Б. (2021). «Я» в самопознании: русскоязычная версия Шкалы ясности Я-концепции // Психологические исследования, 14(77), статья 7. <https://doi.org/10.54359/ps.v14i77.157>
 10. Волченкова, Е.А., Молчанова, О.Н. (2019). Потерянные возможные «Я»: содержание и связь с психологическим благополучием // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология, 9(3), с. 295–310. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2019.306>
 11. Гришутина, М.М., Костенко, В.Ю. (2023). Возможные Я в романтических отношениях: их объяснительные качества и возможности интервенции // Психологические исследования, 16(91), Статья 2. <https://doi.org/10.54359/ps.v16i91.1451>
 12. Гусельцева, М.С. (2023). Психологическая устойчивость личности в свете психологии ценностей: диалектика постоянства и изменчивости // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология, 13(3), с. 290–309. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.301>
 13. Зекерьяев, Р.И. (2021). Эмпирическое исследование влияния ценностно-смысловой сферы личности на ее виртуальный образ: компонент смысловых ориентаций // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика, 27(1), с. 46–52. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2021-27-1-46-52>
 14. Казанцева, Е.А. (2021). Сексуальная Я-концепция как базовая категория современной психологии личности // Личность в пространстве и времени, 10, с. 45–51. <https://doi.org/10.35785/978-5-88018-430-9-2021-10-45-51>
 15. Казакова, И.П., Шаров, А.С. (2022). Личностная устойчивость как результат собирания Я-концепции // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Педагогика и психология», 1 (58), с. 30–37. <https://doi.org/10.26456/vtppsyed/2022.1.030>
 16. Карабанова, О.А., Захарова, Е.И., Старостина, Ю.А. (2021). Личностная идентичность как основа построения профессиональной и семейной карьеры в условиях неопределенности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки, 3, с. 6–23. <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2021-3-6-23>
 17. Карпов, А.В., Воронова, Т.А. (2021). Цифровизация и развитие психики ребенка: вызовы нового времени // Человеческий капитал, 8(152), с. 22–28. <https://doi.org/10.25629/HC.2021.08.02>
 18. Лебедева, Н.В., Васильева, Е.Д. (2023). Кросс-культурное исследование особенностей самооценки студентов // Психолого-педагогические исследования, 15(1), с. 3–20. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2023150101>
 19. Максименко, А.А., Дейнека, О.С., Духанина, Л.Н., Сапоровская, М.В. (2021). Фаббинг: особенности аддиктивного поведения молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 4, с. 345–362. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1822>
 20. Марцинковская, Т.Д. (2022). Переживание кризиса транзитивности в реальном и виртуальном пространствах: личностный и социальный контекст // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование», 4, с. 30–40. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2022-4-30-40>
 21. Марцинковская, Т.Д., Андреева (Голубева), Н.А., Преображенская, С.В. (2023). Информационная идентичность и восприятие информации как новая цифровая повседневность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология, 13(3), с. 347–361. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.304>
 22. Петрова, Е.А., Шаповаленко, А.А. (2014). Виртуальное психологическое пространство как часть общего психологического пространства личности: обоснование понятия // Ученые записки Российского государственного социального университета, 4(126), с. 33–39. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22944412_83447396.pdf (дата обращения: 21.09.2024).
 23. Поливанова, К.Н. (2016). Детство в меняющемся мире // Современная зарубежная психология, 5(2), с. 5–10. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2016050201>
 24. Прыжников, Н.С., Камнева, Е.В., Кузнецов, К.Г., Полевая, М.В., Полиматиди, А.А. (2024). Семейная карьера: сущность, основания для типологии и методы помощи в профессиональном и семейном самоопределении // Организационная психология, 14(4), с. 228–251. <https://doi.org/10.17323/2312-5942-2024-14-4-228-251>
 25. Рубцова, О.В., Посакалова, Т.А., Ширяева, Е.И. (2021). Особенности поведения в виртуальной среде подростков с разным уровнем сформированности «образа Я» // Психологическая наука и образование, 26(4), с. 20–33. <https://doi.org/10.17759/pse.2021260402>
 26. Рыжов, А.Л. (2023). Перспективные методические подходы к исследованию Я-концепции в рамках патопсихологического исследования. В: Третьи Поляковские чтения по клинической психологии (к 95-летию Ю.Ф. Полякова): Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции (с. 84–91). Москва: МГППУ.
 27. Солдатова, Г.У., Чигарькова, С.В., Илюхина, С.Н. (2022). Я-реальное и Я-виртуальное: идентификационные матрицы подростков и взрослых // Культурно-историческая психология, 18(4), с. 27–37. <https://doi.org/10.17759/chp.2022180403>
 28. Февзиева, А.А. (2024). Интервенция Лучшего Возможного Я: роль инструкций и новые форматы проведения // Современная зарубежная психология, 13(1), с. 109–117. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130110>
 29. Цариценцева, О.П., Бутрова, Н.Н. (2014). Содержание образа «Я-виртуальное» пользователей Интернета (на примере юношеского возраста) // Концепт, Статья 12. URL: <http://e-koncept.ru/2014/14348.htm>. (дата обращения: 09.10.2024).
 30. Шаповал, И.А., Фоминых, Е.С. (2018). Самоотношение как феноменологическое поле диагностики психологических границ личности и ее здоровья // Клиническая и специальная психология, 7(1), с. 13–27. <https://doi.org/10.17759/cpse.2018070102>

31. Cross S.E., Madson L. (1997). Models of the self: Self-construals and gender // *Psychological Bulletin*, 122(1), pp. 5–37. <https://doi.org/10.1037//0033-2909.122.1.5>
32. Dardara, E. (2018). Self-Concept and its relationship with Individualism - Collectivism in Egypt // *The International Journal of Indian Psychology*, 6(2), pp. 181–189. <https://doi.org/10.25215/0602.019>
33. Deutsch, A.R., Hoffman, L., Wilcox, B.L. (2014). Sexual self-concept: testing a hypothetical model for men and women // *Journal of sex research*, 51(8), pp. 1–14. <https://doi.org/10.1080/00224499.2013.805315>
34. English, T., Chen, S. (2011). Self-Concept Consistency and Culture: The Differential Impact of Two Forms of Consistency // *Personality and Social Psychology Bulletin*, 20(10), pp. 1–12. <https://doi.org/10.1177/0146167211400621>
35. Kitayama, S., Markus, H., Matsumoto, H., Norasakkunkit, V. (1997). Individual and Collective Processes in the Construction of the Self: Self-Enhancement in the United States and Self-Criticism in Japan // *Journal of personality and social psychology*, 72(6), pp. 1245–1267. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.72.6.1245>
36. Markus, H.R., Kitayama, S. (1991). Culture and the Self: Implications for Cognition, Emotion, and Motivation // *Psychological Review*, 98(2), pp. 224–253. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.98.2.224>
37. Markus, H., Nurius, P. (1986). Possible selves // *American Psychologist*, 41 (9), pp. 954–969. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.41.9.954>
38. Marsh, H.W., Hau, K.T. (2004). Explaining Paradoxical Relations Between Academic Self-Concepts and Achievements: Cross-Cultural Generalizability of the Internal/External Frame of Reference Predictions Across 26 Countries // *Journal of Educational Psychology*, 96(1), pp. 56–67. <https://doi.org/10.1037/0022-0663.96.1.56>
39. Marsh, H. W., Parker, P. D., Guo, J., Pekrun, R., Basarkod, G. (2020). Psychological comparison processes and self-concept in relation to five distinct frame-of-reference effects: Pan-human cross-cultural generalizability over 68 countries // *European Journal of Personality*, 34(2), pp. 180–202. <https://doi.org/10.1002/per.2232>

© Альева Майя Асифовна (alyevamaya@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ

Брызгалова Анита Вадимовна
аспирант, Санкт-Петербургский
государственный университет.
anita.bryzgalova@yandex.ru

POLITICAL STRUGGLE: CONCEPT, ESSENCE, PSYCHOLOGICAL COMPONENT

A. Bryzgalova

Summary: Despite the fact that the phrase «political struggle» is known to almost everyone from one context or another, the real ideas about what is political struggle are not fully formed even among people involved in this issue and directly involved in it. Often political struggle is equated with political conflict, sometimes it is said that the latter is a special case of the former. Some researchers believe that the concept of political struggle is appropriate only in the context of class theory. It is worth noting that political struggle is not limited to economic confrontation, it is a more complex form of social interaction. This article attempts to systematize existing theoretical approaches to understanding political struggle, as well as some psychological components of its conduct.

Keywords: struggle, political struggle, conflict, political conflict, class struggle, psychology of struggle, cognitive warfare, information technology.

Аннотация: Несмотря на то, что словосочетание «политическая борьба» известно почти каждому из того или иного контекста, реальные представления о том, что есть политическая борьба, до конца не сформированы даже у людей, занимающихся данным вопросом и непосредственно включенных в нее. Нередко политическая борьба приравнивается к политическому конфликту, иногда говорят о том, что последнее частный случай первого. Часть исследователей и вовсе считает, что понятие политической борьбы уместно только в контексте рассмотрения классовой теории. Не лишне отметить, что политическая борьба не ограничивается экономическим противостоянием, представляет собой более сложную форму социального взаимодействия. В данной статье предпринята попытка систематизации существующих теоретических подходов к пониманию политической борьбы, а также обозначены некоторые психологические компоненты ее ведения.

Ключевые слова: борьба, политическая борьба, конфликт, политический конфликт, классовая борьба, психология борьбы, когнитивные войны, информационные технологии.

Понятие политической борьбы представляет собой настолько многомерное явление, что видится необходимым прежде всего разобрать его на ключевые составляющие, определить отдельно специфику «политического», после самостоятельно категорию «борьба» и в заключении сделать вывод об их сосуществовании.

Поиск ответа на вопрос, что есть «политическое», не может пройти мимо известной работы К. Шмитта «Понятие политического». Первое, что в ней отмечает автор, понятие «политическое» нередко ошибочно приравнивается к «государственное», что сильно искажает реальные представления об интересующем нас предмете, поскольку исключает общество как самостоятельную единицу, влияющую на политические процессы. Второе, рассмотрение критериев политического, по мнению автора, самый простой вариант их обозначения исходить из различения, где политическим различием будет дихотомия «друг/враг», а под врагом понимается «борющаяся совокупность людей, противостоящая такой же совокупности» [1, с. 304]. Противоположность может носить этнический, экономический, моральный или иной характер. Исходя из этого пункта, можно заключить, что понятие «политическое» уже включает в себя борьбу, в том числе потому, что вся жизнь борьба и каждый в ней борец в смысле бытийственной изначальности. К. Шмитт также пишет о том, что военная борьба не продолжение политики иными средствами, как по-

рой ошибочно цитируют Клаузевица, но с общим направлением мысли соглашается, что политика — всегда «мозг» войны. Третье, признание того факта, что именно государство находит врага и борется с ним, человечество как таковое без «политического» не имеет врагов, а «если государство во имя человечества борется со своим политическим врагом, то это не война человечества, но война, для которой определенное государство пытается, противостоя военному противнику, оккупировать универсальное понятие» [1, с. 331].

Если обратиться к другим исследователям «политического», начиная от Аристотеля с его человеком как существом политическим, заканчивая рассмотрением К. Лефора, А. Бадью и других политических философов, обнаруживается его недостаточная междисциплинарная оформленность в современной науке, где зачастую отдается главенствующая роль либо экономическим основам, либо как не парадоксально моральным.

Понятие struggle (борьба) в английском языке, исходя из исследования Мишлановой С.Л. и Катлишиной Т.С. [2, с. 53-61], за свою многолетнюю историю прошло длительную семантическую эволюцию, начиная от борьбы как поединка, спортивного состязания, постепенно его значение расширилось до борьбы как способности выживать в тех или иных условиях, бороться с обстоятельствами, трудностями, не только с внешними, но и с

внутренними «врагами» (с самим собой), с болезнями. При этом если изначальная коннотация понятия носила скорее негативный характер в виде «злых намерений», «раздора», «мести», позднее она приобретает торжественные, созидательные очертания, где сопротивление говорит о силе человека, его возможностях добиваться чего-либо, невзирая на трудности.

В целом можно условно выделить три сложившихся направления по отношению к борьбе:

1. борьба как позитивное (конструктивное) явление;
2. борьба как негативное (деструктивное) явление;
3. борьба как диалектический закон (норма жизни, данность).

Позитивное отношение к борьбе прослеживается у Ф. Ницше, который всех призывал к борьбе, «будьте такими, чей взор всегда ищет врага» [3, с. 46]. Жизнь для него результат войны и воли к власти, а понятие мира «антибиологично», даже «деревья первобытного леса борются друг с другом из-за власти» [4, с. 57, с. 476]. Людям у него нужно бороться не за навязанные ценности и высокие идеалы, а за себя, свои мысли, бороться со своей слабой волей, чтобы в конечном итоге стать «сверхчеловеком». С психологической точки зрения, как потом опишет А. Адлер и З. Фрейд, вдохновившись его мыслями, неудовольствие — «результат стеснения воли к власти» [4, с. 474], поскольку по своей природе, человек постоянно стремится к удовольствию, для достижения которого необходимо устранять сопротивление через борьбу и победу в ней.

Немецкий философ и социолог Г. Зиммель считал борьбу одной из важнейших форм взаимодействия. В.М. Степаненкова, анализируя его работы, пишет, что у него «борьба всех за всех» (в отличии от знаменитого тезиса Т. Гоббса «война всех против всех»), где оппозиция порой единственное средство, благодаря которому отношения сохраняются и развиваются, а «в примирении, как и в прощении, заключается нечто иррациональное, что-то подобное опровержению того, чем только что было» [5, с. 163]. Зиммель не отрицал возможных негативных последствий подобного взаимодействия, как и представители всех подходов, при этом в его работах ставится явный акцент на позитивных аспектах борьбы. Подобные взгляды в некоторой мере прослеживаются у Л.Козера, Р. Дарендорфа, Г. Спенсера.

Позитивное отношение к борьбе характерно во многом для русской культуры, которая «осознает себя в категориях взрыва» [6, с. 269], как писал Ю. М. Лотман. Весь фольклор пронизан темой борьбы, причем особой, «не на жизнь, а на смерть», «не верь судьбе: спасение — в борьбе», «жизнь — в борьбе, а борьба — в жизни». К тому же борьба ведется не за узкоэгоистичные цели, а за высокие идеалы, зачастую общенародные, общегосударственные.

Негативное отношение к борьбе связано с её разрушающими свойствами, предполагается, где есть борьба, там нет мира, гармонии, равенства, согласия, консенсуса и сотрудничества, то есть тех свойств, к которым этот мир должен стремиться. Соответственно, процветает неравенство, несправедливость, нищета и насилие. Платон писал в «Законах»: «самое лучшее — это не война, не междоусобия: ужасно, если в них возникает нужда; мир же — это всеобщее дружелюбие» [7, с. 75]. К данному подходу можно также отнести: Ф. Бэкона, О. Конт, Т. Парсонса, Э. Мейо, Й. Галтунга, пацифистские идеи Э. Роттердамского, Л. Толстого, М. Ганди.

Под борьбой как диалектическим законом подразумевается закон единства и борьбы противоположностей, где всё сущее носит противоречивый характер. Основателем диалектики, по основной версии, считается Гераклит, провозгласивший: «борьба всеобща, и всё рождается благодаря борьбе и по необходимости» [8, с. 361], и призывавший видеть не только борьбу противоположностей, но и их глубинное единство.

Серьёзный вклад в диалектику борьбы внесли: Г.В.Ф. Гегель, Н. Кузанский, И. Кант, Ф. Энгельс. Для современной философии характерен и другой подход, так сказать от диалектики к аналектике, признающий противоположности как форму существования, где абсолютной гармонии не бывает, «она всегда относительна, в зависимости от достигнутой степени преодоления существующих или возникающих дисгармонических состояний» [9, с. 121].

У представителей социально-биологического направления существует понимание, что в совершенной живой природе идет постоянная борьба суши и моря, дня и ночи, жары и холода, межвидовая борьба за существование, где наряду с этим «все организмы данного жизненного пространства приспособлены друг к другу. Это относится и к тем из них, которые на первый взгляд друг другу враждебны, как, например, хищник и его жертва, пожирающий и пожираемый. При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что эти организмы — рассматриваемые не как индивиды, а как биологические виды — не только не вредят друг другу, но часто даже объединены общностью интересов» [10, с. 30]. Более того, по К. Лоренцу, животные одного вида, как правило, не убивают друг друга, не причиняют смертельных увечий, их борьба носит преимущественно видосохраняющий (улучшающий генетический фонд) характер, чего нельзя сказать о людях и многих войнах прошлого и современности. Однако «борьба за существование» в человеческом обществе проявляется не только в желании уничтожить другого, но и в стремлении спасти его, помочь [11, с. 312]. П.А. Кропоткин в своей книге «Взаимная помощь как фактор эволюции», во многом критикуя социальный дарвинизм, подчеркивает важность коо-

перативных отношений как у людей, так и у животных, подводя итог, что «главную роль в этическом прогрессе человека играла взаимная помощь, а не взаимная борьба» [12, с. 153].

Стоит отметить, что акцент современных форм борьбы постепенно смещается от насилия и агрессии к диалогу и сотрудничеству, однако необходимо признать, что немирные способы борьбы до сих пор остаются реальностью, особенно в условиях политической нестабильности и глобальных перемен.

Что же есть политическая борьба?

Что же есть политическая борьба? Если проанализировать современные публикации на русском и английском языках, имеющие в своем названии данное словосочетание, можно сразу обозначить несколько основных тенденций. Во-первых, крайне редко исследователи рассматривают феномен политической борьбы как самостоятельную категорию, хотя можно выделить работы следующих авторов: А.А. Борщ, А.А. Заикин, А.М. Зимичев. Преимущественно идет разбор в контексте какой-то страны, например, политическая борьба в Латинской Америке, Боливии, Китае и т.д. Часто обращаются к историческим примерам (политическая борьба при Борисе Годунове, политическая борьба в Англии в период реставрации Стюартов, борьба политических группировок в Аттике и пр.). Во-вторых, основной пласт теоретической информации о политической борьбе исходит из марксизма в русле революционного мышления. В-третьих, политическая борьба нередко видится исключительно как борьба партий на выборах.

Более детальное изучение политической борьбы позволяет выработать следующее определение. Политическая борьба — динамичный и многогранный процесс по оспариванию или преобразованию существующих структур власти, в ходе которого действует противостояние различных субъектов (групп, общностей), отстаивающих свои противоположные интересы с помощью коммуникационных, организационных, экономических и иных инструментов давления на потенциально обширные целевые аудитории.

Сравнение понятий «политическая борьба» и «политический конфликт»

Изучение сходства и различия между рассматриваемыми категориями является важным компонентом данного исследования, несмотря на их явное пересечение и нередко синонимичное употребление, политическая борьба, как и политический конфликт, обладает собственной спецификой.

С точки зрения истории, понятие борьбы имеет более

глубокие корни в человеческом опыте, чем конфликт, заключающиеся не только в политической, физической, биологической, но и метафорической, морально-психологической форме. В целом понятие «борьба» можно рассматривать как родовое, включающее в себя различные формы противодействия, где конфликт не является исключением, различия в формах (способах) ее проявления.

Иногда «конфликт» и определяют как борьбу (в то время как найти определение борьбы как конфликта довольно сложно), нередко данная точка зрения исходит из марксизма, где антагонистические классы (эксплуататоры-капиталисты и эксплуатируемые-рабочие) вынуждены вступать в борьбу ради сохранения или улучшения своего положения, борьба здесь центральная категория и играет основную роль в историческом развитии, поскольку соответствует марксовому пониманию революционной деятельности. При этом К. Маркс отмечал, что «если не по содержанию, то по форме борьба пролетариата против буржуазии является сначала борьбой национальной. Пролетариат каждой страны, конечно, должен сперва покончить со своей собственной буржуазией» [13, с. 16]. Марксистская теория политической борьбы остается одной из самых влиятельных и по сей день. По мнению немецкого политолога К.Фон Байме, «ни одно из основных понятий политической борьбы и сегодня не возникает вне связи с учением К. Маркса» [14, с. 13].

В конфликте, как правило, стороны нередко отстаивают противоположные взгляды, но имеют общие точки для различных вариантов его разрешения, благодаря чему возможен компромисс и консенсус. Борьба может и часто должна длиться вечно, результат преимущественно «победители» и «проигравшие» или «взаимный проигрыш». Конфликт имеет временные границы, хотя и точно так же может неоднократно возобновляться, эскалировать, в определенном смысле борьба может являться продолжением неразрешенного конфликта. Т. Гоббс видел эту разницу так: «если воля двух различных людей производит действия, враждебные друг другу, то это называется конфликтом. Если же люди непосредственно действуют друг против друга, то это называется борьбой» [15, с. 568].

Ещё одно отличие состоит в том, что для борьбы нередко характерна бессубъектность, когда идет противодействие не только кому-либо, но и чему-либо как масштабному явлению-проблеме (борьба с терроризмом, экстремизмом, наркопреступностью, коррупцией, и пр.), которое по умолчанию рассматривается в контексте негативного, не предусматривающего дебатов, в то время как у конфликта всегда есть стороны. У Н.В. Гришиной, «борьба, как и конфликт, в качестве необходимого компонента включает в себя активные усилия, направленные на решение имеющейся проблемы, однако как фор-

ма социального поведения она не всегда имеет строго направленный характер и ясного «противника» (хотя и может при конкретном взаимодействии персонифицироваться)» [16, с. 33].

Исходя из вышесказанного, отчасти можно утверждать, что понятие «политической борьбы» связано с захватом и удержанием власти в целом, нередко в силовых формах (бунт, восстание, мятеж, переворот, революция), а «политический конфликт» как подчиненная часть первого, подразумевает столкновение конкретных индивидов, общностей, государств для реализации тех или иных целей и интересов, связанных с властью, но не ограниченных ею. Политический конфликт может протекать на межличностном уровне и носить локальный характер, для борьбы обычно характерны более крупные масштабы.

Говоря о схожести категорий, можно выделить следующие: 1) властный аспект. Политический конфликт и политическая борьба связаны прежде всего с захватом и удержанием власти; 2) динамичность. Борьба и конфликт включают в себя активно-негативные действия сторон, которые имеют развитие, в случае конфликта обычно описывается целая структурно-динамическая модель; 3) зачастую данные категории включают в себя применение силы (в том числе морально-психологической) и насилие; 4) характеризуются амбивалентной ролью в истории. Борьба, как и конфликт, может быть конструктивной и деструктивной.

Х. Арендт, в целом осуждающая органические метафоры (вроде борьбы за выживание) и насилие как единственный инструмент политической борьбы, подчеркивает, что оно может быть рациональным, но только для краткосрочных целей. «Требовать невозможного, чтобы добиться возможного, — не всегда бесплодная линия. И более того, насилие, вопреки уверениям его пророков, — это оружие не столько революции, сколько реформы» [17, с. 92].

Психологические основы политической борьбы

Для того чтобы раскрыть психологическую сущность политической борьбы, как один из вариантов, можно обратиться к борьбе физической и на ее примере показать, что психологический компонент играет если и не главную роль, то точно не второстепенную. Посмотрев внимательно на спортсменов, особенно признанных чемпионов, можно увидеть, что их физические возможности к олимпиадам, если и не равны, то редко сильно уступают друг другу, разумеется, есть природные предрасположенности к качеству исполнения тех или иных элементов, но в совокупности факторов каждый спортсмен подготовлен на пределе своих возможностей и ключевым шагом к победе нередко оказывается именно

психологический компонент.

В политической борьбе аналогично, конечно, тяжело победить, имея в своем арсенале палки да камни, как в метафорическом, так и в реальном смысле, однако «боевой дух» и грамотное психологическое воздействие на оппонента сложно переоценить, особенно сейчас в эпоху неклассических, когнитивных войн с использованием новых информационных технологий, где воздействие на массовое сознание происходит повсеместно.

Стоит отметить, что любая искусственно созданная человеком технология по своей природе создаётся для улучшения, инновации или регуляции того или иного процесса, будь то совершенствование промышленного производства или коррекция поведения людей в заданном направлении, например, для обеспечения национальной безопасности. Разумеется, что цель политической технологии может быть и узкоэгоистичная (в интересах отдельных лиц, групп, например, желание политика победить на выборах), но декларироваться она всё равно будет как значимая для «всех» и «во благо». «Характерной особенностью современных социальных и гуманитарных технологий является то, что в большинстве случаев результатом, на получение которого они направлены, является та или иная поведенческая реакция индивида (зачастую массового)» [18, с.63].

Глобальная угроза состоит в потенциальных масштабах подобного манипулирования. Если провести аналогию, например, с чисто военными действиями, то они, как правило, имеют ограниченный «радиус», число участников и во многом более понятные правила игры. Изоциренность психологических манипуляций не знает пределов. Мозг — самая сложная часть человеческого тела и именно она, по словам Дж. Джордано, становится полем битвы в XXI веке. Несмотря на постоянные исследования, до сих пор трудно с полной уверенностью сказать как те или иные новые технологии влияют на мозг, особенно в долгосрочной перспективе. Однозначно происходит постепенное размывание границ между миром реальным и виртуальным, последний становится основной площадкой воздействия.

В контексте политической борьбы, цель подобного влияния — дестабилизация, дезинтеграция и ослабление существующего порядка в лоне врага. Основные платформы — социальные сети, их алгоритмы устроены таким образом, что рекомендации носят достаточно односторонний характер, однажды зацепив пользователя громким заголовком или иными приемами, контент становится всё более похожим, укрепляющим конкретные взгляды, изолируя субъекта от иных точек зрения.

Когнитивный аспект проявляется прежде всего в стремлении к упрощению информации, стереотипиза-

ции. В качестве основных используемых когнитивных эффектов выделяются уже известные социальной психологии: эффект социальной желательности, эффект «якоря», эффект фрейминга, эффект повторения, эффект роли, эффект третьего лица и др. С точки зрения черт личности, политические психологи чаще всего связывают склонность к политическому экстремизму (как одной из крайних форм политической борьбы) с ригидностью [19], авторитаризмом [20] и темной триадой [21].

Активно проявляют себя феномены групповой идентификации и групповой сплоченности в борьбе. Они возникают прежде всего у «групп поддержки» и опосредованных адресатов каждой из сторон, происходит разделение мира на «наш» (свой) — правильный и «их» (чужой) — неверный. Чем глубже происходит разделение на «мы» и «они», тем больше такая борьба носит антагонистический характер.

Иногда серьезное противостояние может зарождаться через слухи про оппонента как специфический механизм психологического воздействия, неподтвержденная информация (часто при отсутствии официальной версии или недоверия к ней либо при отсутствии полноты информации, либо при неоднозначности или наличии иных версий), вызывающая состояние эмоционального возбуждения и желание поделиться ею с каким-то конкретным человеком или большим количеством людей.

Ещё одним излюбленным приемом, часто меняющим соотношение сил в борьбе, является политический скандал (отличается от слухов масштабом, чаще основан на фактах, но слухи могут предшествовать ему), древнейшая политическая технология, однако в сетевом обществе она заиграла новыми красками. В политическом скандале стороны стремятся реализовать свои интересы с помощью апелляции к третьей стороне («общественности») для трансформации их мнений и поведения в заданном направлении, исходя из целей сторон, во многом ради уничтожения репутации противника в глазах общественного мнения. Ярким примером может

служить недавняя встреча В. Зеленского и Д. Трампа. Отсутствие правильной реакции на манипуляции, в том числе по причине недостатка ресурсов, уничтожило репутацию В. Зеленского за одну встречу, даже среди людей, изначально относившихся к нему с симпатией. По большей части меры по восстановлению репутации в таких случаях, как и действия по её разрушению, «никто не может нанести больший урон репутации г-на NN, чем сам г-н NN» [22, с. 24], зависят от самого политика, его антикризисных мер, слаженности заявлений в СМИ и дальнейших «исправительных» действий. Однако стоит признать, что никто не застрахован от провокаций подобного рода.

Преимуществом в политической борьбе сегодня будет обладать тот, кто первый завладел медиапространством, имеет достаточное количество последователей (подписчиков), знает алгоритмы системы, умеет использовать новые технологии, а также противостоять им и меняющимся реалиям. Очевидно, это требует целого комплекса политико-психологических знаний, цифровой грамотности.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, политическая борьба остается сложным и неизбежным политико-психологическим явлением. Пока есть государство, есть и политическая борьба. Но и не будь государства, борьба бы осталась. Развитие общества отодвигает на второй план эволюционную теорию, хотя и не может отказаться от неё в полной мере, появляются новые технологические вызовы, борьба за территории уступает борьбе за сознания. Как никогда требуется развитие критического мышления, освоение базовых психологических знаний о политической борьбе. Начатое теоретическое исследование, предполагает в дальнейшем углубление знаний в области современных инструментов нейронауки, когнитивных исследований, а также проведение эмпирического исследования представлений молодежи о политической борьбе в условиях глобальных перемен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шмитт К. Понятие политического / Пер. с нем. А.Ф. Филиппова. Наука, 2016.
2. Мишланова С.Л., Катлишина Т.С. Формирование значения слова «struggle» в английском языке // Вестник пермского университета. 2015. №2 (30). С. 53-61.
3. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус, 2024.
4. Ницше Ф. Воля к власти. Москва: Издательство АСТ, 2024.
5. Степаненкова В.М. «Борьба всех за всех»: теория конфликта Георга Зиммеля // Социологический журнал. 1999. № 3-4. С. 149-165.
6. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992.
7. Платон. Законы // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1994.
8. Лазертский Д. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979.
9. Штракс Г.М. Социальное противоречие. М., «Мысль», 1977.
10. Лоренц К. Обратная сторона зеркала. Философский архив, 2016.
11. Sorokin P. Contemporary sociological theories. Harper & Brothers, 1928.

12. Кропоткин П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Самообразование, 2007.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. М., Политиздат, 1974.
14. Борщ А.А. Политическая борьба в современных условиях: монография. М.: Можайский полиграфический комбинат, 2011.
15. Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. Т. 1. / Пер. с лат. и англ. В.В. Соколова. М.: Мысль, 1989.
16. Гришина Н.В. Психология конфликта. СПб.: Питер, 2008.
17. Арент Х. О насилии / Пер. с англ. Г.М. Дашевского. М.: Новое издательство, 2014.
18. Юдин Б.Г. Социальные технологии, их производство и потребление // Эпистемология и философия. 2012. №1. С.55-64.
19. Zmigrod L. The role of cognitive rigidity in political ideologies: theory, evidence, and future directions. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 2020. pp.34–39.
20. Wintrobe R. Extremism, suicide terror, and authoritarianism. *Public Choice*, 2006. pp. 169–195.
21. Duspara B., Greitemeyer T. The impact of dark tetrad traits on political orientation and extremism: an analysis in the course of a presidential election. *Heliyon*. 2017. No. 3(10). pp. 1-10.
22. Олейник И.В. Плюс / Минус репутация. Самара: Бахрах-М, 2003.

© Брызгалова Анита Вадимовна (anita.bryzgalova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОЛЬНОСТИ ПСИХИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ У ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

NEUROPSYCHOLOGICAL FEATURES OF VOLUNTARY REGULATION OF MENTAL FUNCTIONS IN YOUNG SCHOOL-AGE CHILDREN

**A. Kolevatova
D. Zhidkova
M. Pronyaeva**

Summary: Primary school age is one of the most important stages in every child's life. This age period is accompanied by such psychological neoplasms as the arbitrariness of mental processes, their awareness, and reflection. Voluntary attention plays a major role in the learning process and the assimilation of necessary information. Disruption of this function causes difficulties in teaching younger students and acts as an obstacle to mastering learning activities.

This article is devoted to the study of neuropsychological features of the arbitrariness of mental functions of younger schoolchildren with learning difficulties. In the course of the research, a theoretical and methodological analysis of the literature on the concepts of arbitrariness of mental functions and learning difficulties in primary school age was implemented.

The sample included 60 children of primary school age. We divided the younger students into two groups – experimental and control. There are 30 people in each group. The average age of the children was 8 years. More than half of the children from the general sample group were female primary school age children. The study was conducted on the basis of the Municipal budgetary educational institution «Secondary educational School with in–depth study of subjects of the artistic and aesthetic cycle No. 27 named after A.A. Deineka.» During the experimental part of our research, we used the archival method, observation, conducted clinical conversation and neuropsychological research using the standard neuropsychological battery by A.R. Luria (subject gnosis, kinesthetic praxis, spatial praxis, kinetic praxis), the «Triangle drawing Method» by M.P. Kononova, «10 words», the Pieron-Rouzer test, «Yes and no», «Graphic dictation».

According to the results of the study, differences were identified in the study of coordination and interaction of movements, attention functions.

Keywords: primary school age, neuropsychology, arbitrariness of mental functions.

Колеватова Анна Сергеевна

Аспирант, Курский государственный медицинский университет
Emelianova2015@mail.ru

Жидкова Дарья Сергеевна

Аспирант, Курский государственный медицинский университет
dasha_brezhneva@bk.ru

Проняева Марина Евгеньевна

Доцент, филиал финансового университета при
Правительстве РФ, (г. Курск)
marina.efremo@yandex.ru

Аннотация: Младший школьный возраст является одним из наиболее важных этапов в жизни каждого ребенка. Данный возрастной период сопровождается такими психологическими новообразованиями, как произвольность психических процессов, их осознанность, рефлексия. Произвольное внимание играет главную роль в учебном процессе и усвоении необходимой информации. Нарушения работы данной функции вызывает трудности в обучении младших школьников и выступает преградой к овладению учебной деятельности.

Данная статья посвящена исследованию нейропсихологических особенностей произвольности психических функций младших школьников, имеющих трудности обучения. В процессе проведения исследования был реализован теоретико-методологически анализ литературы понятий произвольности психических функций и трудностей обучения в младшем школьном возрасте. В выборку вошли 60 детей младшего школьного возраста. Младшие школьники были разделены нами на две группы – экспериментальная и контрольная. По 30 человек в каждой группе. Средний возраст детей составлял 8 лет. Больше половины детей от общей группы выборки составляли дети младшего школьного возраста женского пола. Исследование проводилось на базе Муниципального бюджетного образовательного учреждения «Средняя образовательная школа с углубленным изучением предметов художественно – эстетического цикла №27 имени А.А. Дейнеки». При проведении экспериментальной части нашего исследования мы использовали архивный метод, наблюдение, проводили клиническую беседу и нейропсихологическое исследование с помощью стандартной нейропсихологической батареи А.Р. Лурии (предметный гнозис, кинестетический праксис, пространственный праксис, кинетический праксис), «Метод рисунка треугольников» М.П. Кононовой, «10 слов», Тест Пьерона-Рузера, «Да и нет», «Графический диктант».

По результатам исследования были выявлены различия при исследовании координации и взаимодействия движений, функций внимания.

Ключевые слова: младший школьный возраст, нейропсихология, произвольность психических функций.

Младший школьный возраст включает в себя период от шести до одиннадцати лет и является одним из главных этапов в жизни ребенка, поскольку включает в себя изменение социальной ситуации, по-

явление новой роли, изменения психического развития. Наибольшие изменения затрагивают внимание ребенка.

Функции внимания влияют на то, насколько ребенок

будет сконцентрирован на занятии, что влияет на более успешное освоение материала по различным предметам школьной программы. Так, например, за успехи в математике главную роль играет объем внимания, в русском языке – распределение внимания, а в чтении – устойчивость.

Необходимо также отметить, что на развитие внимания влияют индивидуальные особенности ребенка. Зарубежные и отечественные исследования отмечают, что различные комбинации характеристик нервной системы каждого ребенка могут, как оказывать негативное, так и положительное влияние на развитие качеств внимания. У детей с подвижной нервной системой наблюдается стабильное распределение внимания, а у тех, кто имеет слабую и наоборот малоподвижную наблюдаются нарушения в переключении внимания.

В нашем исследовании мы использовали теоретико-методологический анализ «произвольности психических функций» в зарубежных и отечественных источниках. Анализ проводился в монографиях и электронной библиотеке eLibrary, Cyberleninka.

Так, Рубинштейн С.Л. понимал под произвольным вниманием «сознательно направляемое и регулируемое внимание, в котором субъект сознательно избирает объект, на который оно направляется» [11]. Эльконин Д.Б. трактовал данное понятие, как «взаимодействие со средой, опосредованное внешней (двигательной) и внутренней (психологической) активностью, для которой характерно осознаваемое намерение по поводу своих действий и поведения в целом» [12]. Выготский Л.С. отмечал, что произвольное внимание представляет собой «обращенный внутрь процесс опосредованного внимания,

подчиненный общим законам культурного развития» [4].

Среди зарубежных авторов можно выделить Т. Рибо, который определял произвольное внимание, как «явление социологическое», «оно результат приспособления к условиям социальной жизни и возникает по требованию обстоятельств этой жизни» [6]. Он указывал, что внимание «связано с вполне определенными физическими условиями, действует через них, от них зависит».

Таким образом, исходя из результатов категориального анализа литературы, под понятием «произвольности психических функций» понимают произвольность внимания, внимание, произвольное поведение, произвольность высших психических функций.

Для определения частоты исследования в науке понятия «произвольность психических функций» нами был использован метод библиометрического анализа литературы. Глубина поиска 2004-2024 года. Анализ научной литературы проводился с помощью электронных библиотек eLaibrary, PubMed.

Ключевые слова: произвольность психических функций, внимание, произвольное внимание, arbitrariness of mental functions, arbitrary attention.

Результаты проведения библиометрического анализа представлен на рисунке 1.

По результатам проведения библиометрического анализа в информационных базах eLaibrary и PubMed за период 2004-2024 года были опубликованы 63 и 252 научные статьи соответственно. В отечественных и зарубежных источниках наблюдается рост количества на-

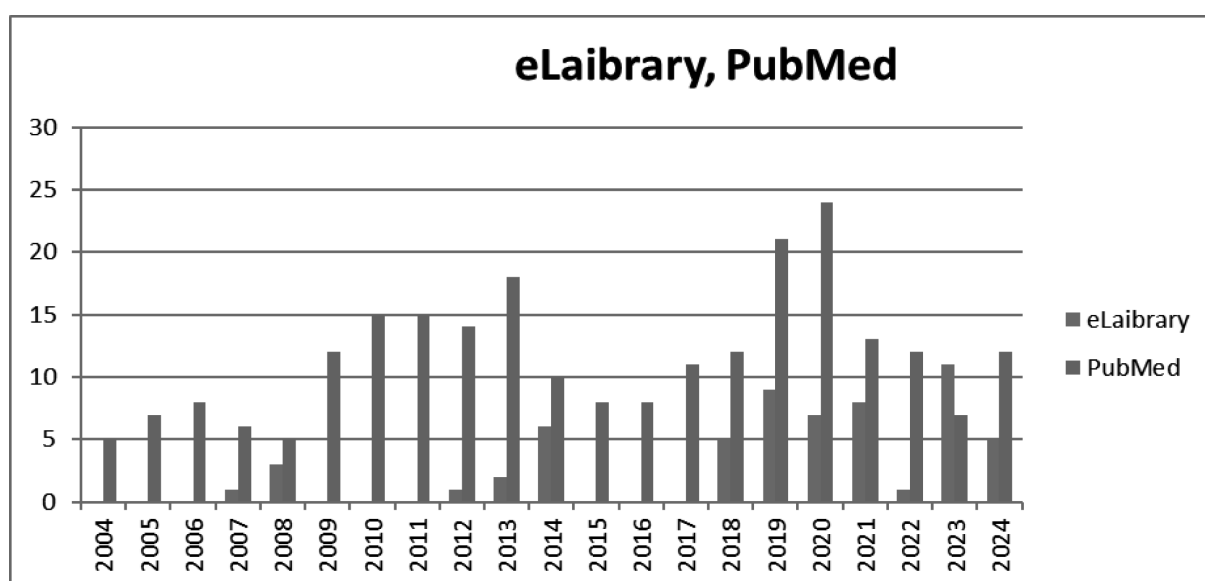

Рис. 1. Гистограмма отечественных научных публикаций, по ключевым словам, «произвольность психических функций» за период 2004 – 2024 года

учных публикаций по данной проблеме, что говорит об актуальности изучения данной темы.

Проблема произвольности представляет собой один из основных моментов формирования личности, по мнению отечественных психологов (Рубинштейн С.Л., Леонтьев А.Н., Эльконин Д.Б., Запорожец А.В.).

Непроизвольное внимание в отличие от произвольного является врожденным. Произвольное же внимание детерминировано внешним воздействием и начинает формироваться тогда, когда ребенок строит свою деятельность согласно поставленной цели. Для того, чтобы развить концентрацию внимания необходимо приложить волю, то есть научиться справляться с воздействием отвлекающих факторов.

Как отмечали Пушкина Т.П., Пушкина А.В. «произвольное внимание - отличается от непроизвольного тем, что оно направляется на объект под влиянием принятых решений в соответствии с поставленными целями и, следовательно, требует волевых усилий. Естественно, что без достаточно организованного произвольного внимания невозможно осуществлять длительную и планомерную деятельность» [10].

К основным свойствам внимания помимо концентрации относят также распределение, устойчивость, объем, переключаемость.

При поражении головного мозга наблюдаются нарушения всех свойств внимания и уровни, то есть произвольное и непроизвольное. Модально-неспецифические нарушения, которые возникают при поражении неспецифических структур среднего мозга, верхней части ствола и ретикулярной формации, затрагивают все уровни и формы внимания.

В зависимости от уровня поражения могут наблюдать разнообразные симптомы, такие как быстрая истощаемость, нарушение объема и концентрации внимания, нарушения памяти и выполнения двигательных актов, нарушение критики.

При поражении затылочного отдела головного мозга наблюдается зрительное нарушение внимания, при слуховом невнимании больной не может верно воспринимать одновременно два стимула, которые подаются в оба уха, игнорируя какой-то один. Похожие симптомы наблюдаются при двигательном и тактильном невнимании, когда больной игнорирует какой-то один стимул или не может воспроизвести заданную программу одновременно двумя руками.

Внимание имеет свои особенности на каждом возрастном этапе человека. В младшем школьном возрасте

доминирует непроизвольное внимание, на смену игровой деятельности приходит учебная, начинается кризис 7 лет.

Начало школьного обучения, появление нового статуса, приобретение личного опыта, все это характеризует данный этап, как один из ответственных периодов жизни человека.

Успешное освоение школьной программы зависит не только от уровня внимания, но и от личных характеристик ребенка, умственных способностей, интереса, уровня активности и т.п.

В нашем исследовании мы использовали категориально-понятийный анализ понятия «трудности в обучении младших школьников».

Анализ научной литературы проводился с помощью электронных библиотек eLaibrary, cyberleninka.

Среди отечественных авторов можно выделить Выготского Л.С., который определял «трудности в обучении», как «субъективное переживание несоответствия между требованиями учебной деятельности и интеллектуальными возможностями учащегося. Определенные трудности в учении возникают в случае расхождения требований, предъявляемых учебным процессом к уровню осуществления познавательной деятельности школьника, с реальным уровнем его умственного развития» [5]. Ахутина Т.В. понимала под «трудностями в обучении» «проблемы в освоении школьной программы, которые носят особый, трудно компенсируемый характер и не могут быть преодолены без специальной коррекционной помощи» [1]. Дубровинская Н.В. также отмечала, что школьные трудности появляются в связи с началом «систематического обучения» в образовательном учреждении.

Зарубежные исследователи проблему «школьной неуспеваемости» рассматривали с точки зрения действия внешних и внутренних причин.

Лесосель А., Керн А., Кайзер Л. Главную роль отводили интеллектуальному развитию, и отмечал, что взрослому крайне необходимо подождать момента, когда он достигнет нужного для ребенка уровня, чтобы обучение проходило более успешно.

Среди внешних факторов по отношению к ученику выделяли социальный класс, социально-психологические и педагогические факторы.

Для определения актуальности данной проблемы нами был применен метод библиометрического анализа литературы. Глубина исследования 2004-2024 года. База – научные электронные библиотеки eLaibraru, PubMed. (Рис. 2.)

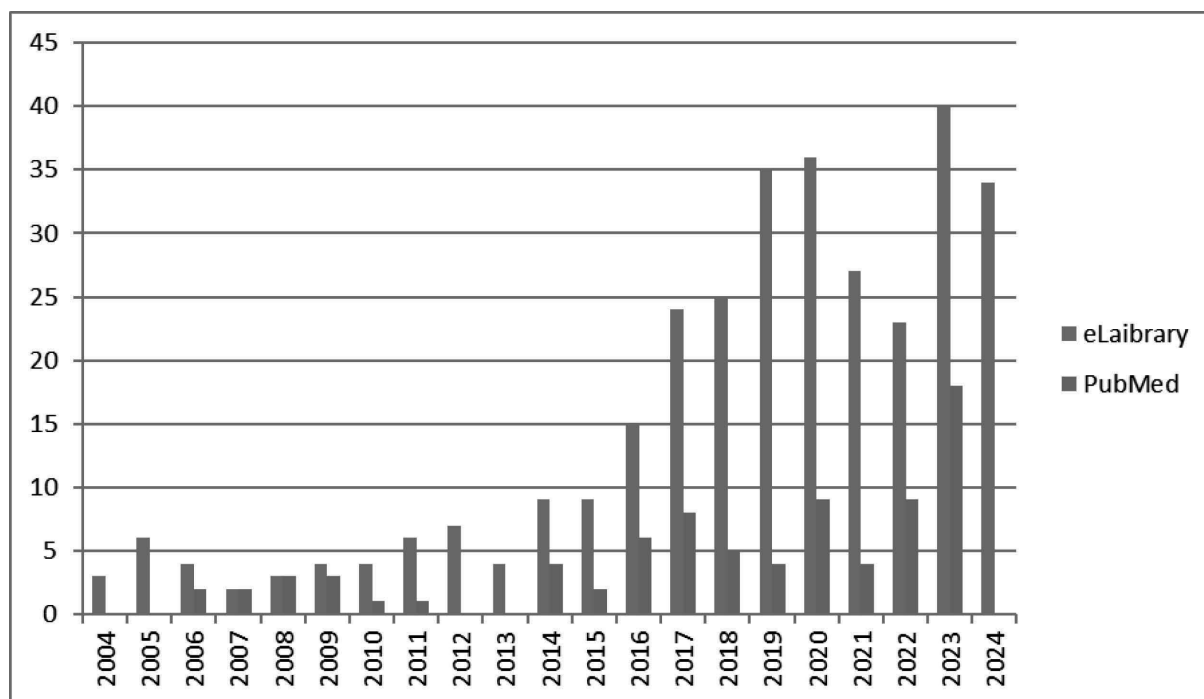

Рис. 2. Гистограмма отечественных и зарубежных публикаций, по ключевым словам, «трудности обучения в младшем школьном возрасте» за период 2004-2024 гг.

Исходя из полученных данных проведенного анализа, мы можем сделать вывод о том, что проблема трудностей обучения детей в младшем школьном возрасте является актуальной в настоящее время. Наиболее часто эту проблему изучают в отечественных источниках.

В отечественной психологии и педагогике вопрос трудностей обучения среди детей начал рассматриваться еще в 20-х годах 20-го века. У истоков данной проблемы стояли Л.С. Выготский, Л.И. Божович, Б.Г. Ананьев.

Изначально данную проблему изучали с точки зрения взаимосвязи социальных факторов трудностей обучения. Затем, в 50-х годах прошлого века основной причиной проблем в обучении выделяли качество преподаваемой информации педагогами детям в образовательном процессе.

С началом повышения интереса к изучению личности человека, младших школьников начинают рассматривать как субъекта образовательного процесса. [2,3,7]

В 80-х годах к вопросу трудностей обучения стали подходить с точки зрения дисфункции компонентов психической организации в процессе обучения, указывая, что на результат обучения влияют не только внешние, но и внутренние, индивидуальные факторы. [3,7,8,9]

Учебная деятельность дает не только новые знания и умения, но и требует, чтобы они были усвоены в определенный промежуток времени, что может вызвать у неко-

торых школьников трудности в процессе обучения. Среди них можно выделить часто встречаемое нарушения внимания, которое мешает при переключении с одного вида деятельности на другой и сконцентрироваться в ходе занятия, не редкие орфографические ошибки при письме, неряшливость, неаккуратность и т.п.

В младшем школьном возрасте дети не только изучают что-то новое, но и учатся быть более самостоятельными, выстраивать стратегию действий, анализировать их последствия, рефлексировать.

Чтобы помочь ребенку преодолеть трудности, необходимо правильно подобрать определенный подход к каждому ученику, учитывая при этом его индивидуальные, психологические и физиологические особенности.

И зарубежные и отечественные авторы изучают данную проблему с двух позиций: нейропсихологии и педагогики. В нашем исследовании мы будем опираться на первый подход.

Проблемой нашего исследования выступают нейропсихологические особенности произвольности психических функций младших школьников с трудностями в обучении.

Цель исследования – определение нейропсихологических особенностей произвольности психических функций младших школьников, имеющих трудности в обучении.

Объект-произвольность психических функций

Предмет – нейропсихологические особенности произвольности психических функций младших школьников с трудностями обучения.

Для проведения эмпирической части нашего исследования мы использовали нейропсихологические пробы на определение предметного гнозиса, кинестетического, пространственного, кинетического и пространственного праксиса, внимания, памяти.

Задания оценивались по шкале Вассермана Л.И. Полученные результаты обрабатывались с помощью компьютерной программы «STATISTICA 10».

Объем выборки 60 детей – обучающиеся младшего школьного возраста. В экспериментальную группу вошли 30 учеников, имеющие трудности в обучении, в контрольной группе 30 учащихся, которые не имели трудностей в обучении.

Для исследования кинетического праксиса с помощью методики «кулак-ребро-ладонь» получены статистически значимые результаты ($p\text{-level}=0,018765$), отмечались нарушения при выполнении у детей с трудностями обучения, такие как импульсивность, скованность движений, трудности при переключении, упрощение программы.

В «графической пробе» также были получены статистически значимые результаты между экспериментальной и контрольной группой ($p\text{-level}=0,000327$). Основными ошибками было: отрыв руки, сглаживание элементов, не удержание строки.

Для изучения переключаемости внимания и произвольности, нами был применен метод М.П. Кононовой «Метод рисунка. Треугольники». По результатам проведения пробы были выявлены статистически значимые различия между двумя группами ($p\text{-level}=0,000042$). Отмечались следующие трудности: дети с трудностями обучения плохо усваивали инструкцию, сглаживание программы, застревание на элементе.

При проведении методики «да и нет» также были получены статистически значимые различия двух групп ($p\text{-level}=0,001607$). Были отмечены следующие нарушения выполнения: трудности в подборе ответов, помощь экспериментатора не помогала при выполнении методики, некоторые ответы не подходили к заданному вопросу по смыслу.

С помощью методики «Цветовой диктант» для исследования произвольности и кратковременной памяти нами были получены статистически значимые различия между группой детей с трудностями обучения и контрольной группой ($p\text{-level}=0,020745$). Младшие школь-

ники в экспериментальной группе плохо удерживали инструкцию, помощь экспериментатора не помогала.

Полученные результаты говорят нам о несформированности функций второго и третьего блоков головного мозга у детей.

Методика «Таблицы Шульте» направлена на исследование концентрации внимания. По результатам ее проведения были получены статистически значимые различия между двух групп детей младшего школьного возраста ($p\text{-level}=0,000014$). Младшие школьники в экспериментальной группе допускали такие ошибки, как пропуски чисел, увеличение времени при выполнении задания, быстрая истощаемость, нарушение концентрации.

Выявленные нарушения говорят о несформированности первого и второго блоков мозга.

Для определения концентрации и объема внимания мы использовали методику «Графический диктант», по результатам которого мы получили статистически значимые различие ($p\text{-level}=0,002187$). В экспериментальной группе были отмечены следующие нарушения: погрешности при выполнении рисунка, снижения критики, нарастание числа ошибок при самостоятельном выполнении, что говорит о нарушениях функций второго и третьего блоков головного мозга.

Для определения концентрации зрительного внимания применяли методику «переплетенные линии». По результатам проведения получили статистически значимые результаты ($p\text{-level}=0,00087$). При выполнении задания у младших школьников в экспериментальной группе наблюдались соскакивания с линии.

Исходя из полученных результатов, мы можем сделать вывод о том, что дети с трудностями обучения уровень развития высших психических функций недостаточно сформирован, младшие школьники легко отвлекаются на посторонние стимулы, что затрудняет выполнении задач.

Таким образом, по результатам проведенного исследования, мы можем сделать вывод о том, что у младших школьников, имеющих трудности обучения, имеются нарушения в двигательной организации движений, дети быстро истощаются, снижена активность, нарушения в эмоциональном состоянии, наблюдаются нарушения концентрации, устойчивости и переключения внимания. Дети с трудом удерживают заданную программу, с трудом переключаются на следующее задание, соскальзывают, импульсивны в действиях.

При исследовании произвольности гностических функций, оптико-кинестетической организации и организации движений в пространстве различий между экспериментальной и контрольной группой не выявлено.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахутина, Т.В. Преодоление трудностей учения: нейропсихологический подход / Т.В. Ахутина, Н.М. Пылаева. – СПб.: Питер, 2008. – 320 с.
2. Бабанский, П.П. Школьная успеваемость. – М.: Просвещение, 2007. – 346 с.
3. Божович, Л.И. Проблемы формирования личности: Избр. психол. тр. / Под ред. Д.И. Фельдштейна; Рос. акад. образования, Моск. психол.-соц. ин-т. – 3-е изд. – М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2001. – 349 с.
4. Выготский, Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т.3 Проблемы развития психики/Под ред. А.М. Матюшкина. – М.: Педагогика, 1983. – 368 с.
5. Выготский, Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте: Психол. очерк: Кн. для учителя. – 3-е изд. – Москва: Просвещение, 2004. – 156 с.
6. Гиппенрейтер, Ю.Б. Психология внимания/Под редакцией Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова.-М.: ЧеРо, 2001.-858 с.
7. Калмыкова, Э.И. Проблемы преодоления неуспеваемости глазами психолога / Э.И. Калмыкова. – М.: Знание, 1982. – 338 с.
8. Лурия, А.Р. Высшие корковые функции./А.Р. Лурия.// М.: Изд-во Моск. Унта, 1969. – 432 с.
9. Матюхина, М.В. Мотивация учения младших школьников. М.: Педагогика, 2004. – 144 с.
10. Пушкина Т.П., Пушкина А.В. Клиническая психология. Учебное пособие. Новосибирск, 2019. – 15 с.
11. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2000. – 423-425с.
12. Эльконин, Д.Б. Детская психология: учебное пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования. – 6-е изд. – Москва: Академия, 2011. – 383 с.
13. Эльконин, Д.Б. Избранные психологические труды. М. Педагогика 1989. С. 60-77.
14. Эльконин, Д.Б. Некоторые вопросы диагностики психического развития детей // Диагностика учебной деятельности и интеллектуального развития детей. – М., 1981. – С. 3-33.
15. Эльконин, Д.Б. Психология развития: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальности «Психология». – 4-е изд. – Москва: Академия, 2008. – 141 с.
16. Яковлев, Б. П. Основы общей психологии: учебник для вузов / Б. П. Яковлев; под редакцией Г.Д. Бабушкина. – Санкт-Петербург: ЛАНЬ, 2023. – 376 с.
17. Яковлева, Е.Л. Диагностика и коррекция внимания и памяти школьников // Маркова А.К., Лидерс А.Г., Яковлева Е.Л. Диагностика и коррекция умственного развития в школьном и дошкольном возрасте. – Петрозаводск, 1992. – С. 153-155.
18. Bloom, J.S. The role of the corpus callosum in interhemispheric transfer of information: excitation or inhibition? / J.S. Bloom, G.W. Hynd // Neuropsychology Review. 2005. Vol. 15, № 2. P. 59–71.
19. Caldú, X. Corpus callosum size and neuropsychologic impairment in adolescents who were born preterm / X. Caldú, A. Narberhaus, C. Junqué // Journal of Child Neurology. 2016. Vol. 21, № 5. P. 406–410.
20. Dorion, A.A. Hemispheric asymmetry and corpus callosum morphometry: a magnetic resonance imaging study / A.A. Dorion, M. Chantôme, D. Hasboun // Journal of Neuroscience Research. 2017. Vol. 36, № 1. P. 9–13.

© Колеватова Анна Сергеевна (Emelianova2015@mail.ru), Жидкова Дарья Сергеевна (dasha_brezhneva@bk.ru),
Проняева Марина Евгеньевна (marina.efremo@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОФИЗИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ВЛИЯНИЕ «ТАЙ-ЧИ» НА ДЕПРЕССИИ

Ли Чжэньхао

Аспирант, Московский государственный университет
имени Ломоносова
435304509lzh@gmail.com

PSYCHOPHYSIOLOGICAL MECHANISMS OF TAI CHI'S INFLUENCE ON DEPRESSION

Li Zhenhao

Summary: This article examines the psychophysical mechanisms by which the practice of Tai Chi influences depression. The study focuses on the effects of a complex of meditative and physical exercises characteristic of Eastern tradition on the psychological state of patients with depressive disorders. The relevance of the work is determined by the need to develop alternative psychotherapeutic methods capable of improving quality of life by exerting a comprehensive effect on the body.

The "Methods" section describes the research methodology, including the selection of patients suffering from depressive symptoms and their division into two groups: an experimental group that regularly practices Tai Chi and a control group receiving standard medication or psychotherapy. Psychometric indicators, physiological parameters (cortisol levels, heart rate, heart rate variability), and subjective assessments of emotional state were measured using standardized methods. Contemporary statistical techniques were employed to analyze the data, allowing for the identification of correlations between regular Tai Chi practice and changes in patients' psychophysiological status.

The "Results" section shows that participants in the experimental group demonstrated a significant reduction in the intensity of depressive symptoms, improved regulation of the autonomic nervous system, and decreased cortisol levels compared to the control group. The obtained data indicate that Tai Chi practice contributes to the stabilization of emotional state and the correction of physiological disruptions associated with chronic stress.

The "Discussion" section analyzes potential mechanisms of action, including the activation of the parasympathetic system, normalization of hormonal balance, and changes in the levels of neurotransmitters responsible for emotional state. The research results demonstrate the promise of integrating Tai Chi into modern psychotherapy programs for the treatment of depression. This study contributes to the development of an interdisciplinary approach to therapy by offering new directions in the investigation of the relationship between physical activity, meditative practices, and mental health, which is significant for professionals in the fields of psychology, medicine, and physiology.

Keywords: Tai Chi, depression, psychophysics, mechanisms, influence.

Аннотация: В данной статье исследуются психофизические механизмы влияния практики тай-чи на депрессию. Исследование направлено на изучение влияния комплекса медитативных и физических упражнений, характерных для восточной традиции, на психологическое состояние пациентов с депрессивными расстройствами. Актуальность работы обусловлена необходимостью разработки альтернативных методов психотерапии, способных улучшить качество жизни за счёт комплексного воздействия на организм.

В разделе «Методы» изложена методика исследования, включающая отбор пациентов, страдающих от депрессивных симптомов, и их разделение на две группы: экспериментальную, регулярно занимающуюся тай-чи, и контрольную, получающую стандартное медикаментозное или психотерапевтическое лечение. Проводилось измерение психометрических показателей, физиологических параметров (уровень кортизола, частота сердечных сокращений, вариабельность ритма) и субъективных оценок эмоционального состояния с использованием стандартизированных методик. Для анализа данных применялись современные статистические методы, позволяющие выявить корреляцию между регулярной практикой тай-чи и изменениями в психофизиологическом статусе пациентов.

В разделе «Результаты» представлено, что участники экспериментальной группы продемонстрировали значительное снижение интенсивности депрессивных симптомов, улучшение регуляции вегетативной нервной системы и снижение уровня кортизола по сравнению с контрольной группой. Полученные данные свидетельствуют о том, что занятия тай-чи способствуют стабилизации эмоционального состояния и коррекции физиологических нарушений, связанных с хроническим стрессом.

В разделе «Обсуждение» анализируются потенциальные механизмы воздействия, среди которых выделяются активация парасимпатической системы, нормализация гормонального фона и изменение баланса нейромедиаторов, ответственных за эмоциональное состояние. Результаты исследования демонстрируют перспективность интеграции тай-чи в комплекс современных психотерапевтических программ для лечения депрессии. Данная работа вносит вклад в развитие междисциплинарного подхода к терапии, предлагая новые направления в исследовании взаимосвязи между физической активностью, медитативными практиками и психическим здоровьем, что имеет значение для специалистов в областях психологии, медицины и физиологии.

Ключевые слова: тай-чи, депрессия, психофизика, механизмы, влияние.

Введение

Тай-чи, известное также как тайцзицюань, в современном мире рассматривается не только как боевое искусство, но и как эффективная практика для поддержания психического здоровья. Некоторые исследователи указывают, что плавные, осознанно выполня-

емые движения тай-чи помогают регулировать уровень возбуждения нервной системы, что особенно важно при расстройствах настроения [9]. Регулярные занятия позволяют человеку направить внимание внутрь и закрепить навыки самоконтроля, которые при депрессии могут быть нарушены. Всё это объясняется психофизическими механизмами, включающими в себя регуляцию дыхания,

осознанное расслабление мышц и целостное восприятие тела, что существенно влияет на состояние центральной нервной системы. Подобная интеграция движений и внимания способствует возникновению ощущения «включённости» в процесс, противодействуя характерной для депрессии заторможенности и апатичности [11].

Депрессия часто сопровождается повышенным уровнем тревожности, нарушением сна и упадком сил. Практикуя тай-чи, многие люди отмечают улучшение качества сна и общее снижение уровня психологического стресса уже через несколько недель систематических тренировок [2]. Во время выполнения плавных движений в медленном темпе человек постепенно учится концентрироваться на внутренних ощущениях, тем самым снижая поток навязчивых мыслей. Такое перенаправление внимания помогает освободиться от постоянного круговорота негативных размышлений, который обычно усиливает тревожность и подавленность. Дополнительным фактором пользы является активация парасимпатической нервной системы, когда сердечный ритм замедляется и организм начинает восстанавливаться.

Материалы и методы исследования

С психофизиологической точки зрения тай-чи помогает стабилизировать чувство равновесия и улучшает координацию движений, что может способствовать улучшению восприятия собственной способности к действию [14]. Когда люди испытывают депрессивное состояние, у них часто возникает ощущение беспомощности, и ритмичная, мягкая активность способна вернуть им веру в то, что они могут совершать осмысленные действия. Во многих случаях практикующие отмечают улучшение подвижности суставов и снижение напряжённости в мышцах. Эти факторы крайне значимы, ведь те, кто страдает депрессией, нередко жалуются на психосоматические боли, головные спазмы и скованность шеи или поясницы (табл. 1).

Множество упражнений в медитативном стиле демонстрируют эффективность в борьбе с такими проявлениями,

потому что сочетание мышечной активности с фокусировкой внимания на своём теле помогает лучше распознавать и контролировать проявления напряжения [5].

При депрессии человек часто теряет способность к адекватному восприятию своего тела, возникает ощущение отдалённости, будто тело и сознание существуют порознь. Тай-чи нацелен на восстановление гармоничной связи между телом и умом, что происходит за счёт выстраивания мягких и плавных переходов из одной позы в другую. Во время тренировки необходимо наблюдать за каждым перемещением рук и ног, следить, чтобы дыхание оставалось свободным и равномерным, а ум сохранял спокойствие. Именно этот акцент на целостности процессов позволяет мозгу включить механизмы нейропластичности, улучшая коммуникацию между различными структурами, ответственными за эмоциональную регуляцию [7].

Результаты и обсуждение

Важным элементом тай-чи является осознанное дыхание. При депрессивном состоянии многие люди дышат поверхностно и часто не замечают, как с каждым вдохом они буквально зажимаются всё больше. Научившись выполнять медленные вдохи и выдохи, занимающийся активирует диафрагму и центрирует внимание на ритме дыхания, что приводит к снижению уровня кортизола в крови [12]. Параллельно с нормализацией дыхательного паттерна меняется и эмоциональный фон, так как мозг получает сигнал о том, что организм функционирует в режиме расслабления, а не в состоянии стресса.

Тай-чи можно рассматривать и как форму медитации в движении. Именно медитативный аспект особенно важен для людей, склонных к повторяющимся мыслям о собственных неудачах и бесперспективности будущего [3]. В ходе практики акцент смещается на внутреннее восприятие кинестетических ощущений, на поддержку равновесия и плавности движений. Всё это помогает отвлечься от хронически присутствующих негативных размышлений, переключая сознание на спокойное на-

Таблица 1.

Психофизические механизмы действия Тай-чи на депрессию.

Механизм	Описание	Положительное влияние на депрессию
Регуляция нервной системы	Тай-чи снижает гиперактивность симпатической нервной системы и стимулирует парасимпатическую.	Уменьшение тревоги, снижение уровня стресса, эмоциональная стабильность.
Эндокринные изменения	Практика Тай-чи способствует снижению уровня кортизола (гормона стресса) и повышению нейротрансмиттеров.	Повышение серотонина и дофамина, улучшение настроения.
Активизация дыхательной системы	Медленные, глубокие дыхательные упражнения улучшают оксигенацию мозга и стабилизируют психофизиологические процессы.	Снятие эффекта дыхательной недостаточности и восстановление ощущения спокойствия.
Улучшение нейропластичности	Тай-чи стимулирует нейропластические изменения, улучшая работу нервных связей в мозге.	Поддержка когнитивных функций, снижение когнитивных симптомов депрессии, улучшение концентрации.

блюдение за тем, что происходит с собственным телом в данный момент. Такой подход позволяет более бережно относиться к своим психологическим переживаниям, а вместе с тем воспитывает в человеке устойчивость к стрессовым ситуациям и умение выдерживать эмоциональную нагрузку (табл. 2).

Особая роль в психофизическом влиянии тай-чи на депрессию принадлежит ритуальности и повторяемости движений. Упорядоченность и ритмичность занятий создают безопасное пространство, где человек может почувствовать спокойствие, возвращая себе ощущение контроля [8]. Считается, что именно чувство безопасности и стабильности помогает стабилизировать аффективное состояние, ослабляя приступы паники или беспричинного страха, которые нередко сопровождают депрессивную симптоматику. При этом регулярность занятий позволяет формировать положительные привычки и укреплять уверенность в достижении заметных результатов, что крайне важно для повышения самооценки.

В ходе плавных движений тай-чи активируется тактильная и проприоцептивная система. Человек учится более тонко понимать сигналы, которые подают мышцы, сухожилия и суставы, а это, в свою очередь, помогает тоньше ощущать своё тело в пространстве [10]. К тому же такие глубокие телесные практики снижают уровень ориентировочной реакции на стресс, помогая успокоить миндалевидное тело, которое в условиях депрессии может быть гиперактивным. Важно отметить, что при депрессивных расстройствах нарушаются и когнитивные функции, включая концентрацию внимания, скорость обработки информации, способность к целенаправленному мышлению. Тай-чи же, с плавным ритмом и необходимостью координировать разные части тела, стимулирует работу мозга и улучшает когнитивные показатели.

Любопытно, что эффективность тай-чи в борьбе с депрессией подтверждается не только субъективными отчётами пациентов, но и объективными показателями физиологического состояния. Анализ электромиографических данных показывает снижение мышечного

напряжения в трапецевидной, поясничной и шейной зонах после регулярных тренировок, что коррелирует с уменьшением субъективного ощущения стресса [1]. Кроме того, исследования фиксируют улучшение показателей variability сердечного ритма, которая считается важным маркером адаптации организма к стрессу и психоэмоциональной нагрузке. Всё это позволяет рассматривать тай-чи как комплексный метод, воздействующий как на тело, так и на сознание.

Депрессивные состояния часто порождают чувство внутренней пустоты и эмоциональной «заморозки». Человек теряет способность получать удовольствие, утрачивает тягу к активному образу жизни и тяготеет к самоизоляции. В таких условиях групповое занятие тай-чи может стать своеобразной поддерживающей средой, помогающей избежать социальной изоляции [15]. Когда люди вместе выполняют плавные движения, поддерживают общий ритм, обмениваются эмоциями, это формирует атмосферу сплочённости и принятия. Социальный аспект крайне важен при депрессии, поскольку он даёт ощущение сопричастности и убирает стигматизацию, связанную с психическими расстройствами.

Однако тай-чи может эффективно практиковаться и в одиночку, особенно когда речь идёт о человеке, который по разным причинам не может посещать групповые занятия. В этом случае важно соблюдать дисциплину и стараться уделять практике достаточно времени. Даже 15–20 минут ежедневных упражнений могут принести пользу, если человек будет подходить к выполнению осознанно и слушать сигналы собственного тела, стараясь не перенапрягаться [4]. Регулярность и грамотная техника — залог постепенных позитивных изменений в эмоциональной сфере (табл. 3).

Помимо основных выгибов и перекатов, важных в тай-чи движений, значимым компонентом является состояние так называемой «динамической медитации». Человек при этом не просто следует общеизвестным формам, но и учится синхронизировать внутренние процессы с внешними движениями. Считается, что это

Таблица 2.

Физические аспекты Тай-чи в лечении депрессии.

Физиологический эффект	Описание	Результат для организма
Улучшение кровообращения	Равномерные и мягкие движения Тай-чи способствуют улучшению микроциркуляции и насыщению органов кислородом.	Уменьшение усталости, повышение энергии, снижение физического напряжения.
Укрепление мышц и суставов	Тай-чи включает в себя движения, улучшающие координацию и повышающие гибкость.	Повышение уверенности в своём теле, снижение соматических нарушений, связанных с депрессией.
Снижение физических болей	Регулярные практики помогают снизить уровень болевых ощущений и дискомфорта в теле.	Уменьшение соматических симптомов депрессии, улучшение физического самочувствия.
Гармонизация двигательной активности	Медленные, контролируемые движения способствуют расслаблению и снятию напряжения в теле.	Восстановление моторной активности при апатии, улучшение общего тонуса тела.

Таблица 3.

Психологическое воздействие Тай-чи на депрессию.

Психологический аспект	Описание	Эффект при депрессии
Сосредоточенность на текущем моменте	Тай-чи выполняется медленно, с акцентом на осознании движений и дыхания, формируя "медитативное состояние".	Снижение уровня тревоги, уменьшение негативных размышлений, формирование позитивного мышления.
Улучшение осознания тела	Расширение навыков "интероцептивной чувствительности" через осознание движений и поз.	Снижение ощущения диссоциированности и ощущение контроля над своим телом.
Ритуал и стабильность	Регулярная практика создает "структуру", которая может восполнять недостаток организованности при депрессии.	Укрепление чувства стабильности, увеличение мотивации и дисциплинированности.
Социальная вовлеченность	Тай-чи часто практикуется в группах, что способствует социализации и эмоциональной поддержке.	Снижение чувства одиночества, поддержка позитивного взаимодействия через общественную деятельность.

помогает привести в равновесие симпатическую и парасимпатическую нервные системы, нормализовать кровяное давление и улучшить сердечно-сосудистую систему [6]. Систематическая практика, благодаря этому эффекту, способствует уменьшению гипертонуса и ослаблению воздействия факторов, усугубляющих проявления депрессии.

Для более глубокого понимания влияния тай-чи на психику можно обратиться к теории эмбодиед когнишн. Согласно ей, ум и тело воспринимаются не как отдельные сущности, а как единая система, в которой телесные движения оказывают непосредственное влияние на мыслительный процесс [13]. Когда человек меняет свою осанку, разрабатывает плавность движений, регулирует дыхание, он одновременно меняет и способ, которым мозг кодирует информацию и эмоции. Сдвиги в самоощущении могут быть небольшими, но накопительный эффект от регулярной практики весьма существенен.

Также известно, что в тай-чи ключевую роль играет намерение — «И», как это называют в традиционных китайских практиках. Считается, что плавные движения не должны быть механическими, для их эффективности важно «вести» каждый жест осознанно, пропитывая его концентрацией [9]. При депрессии намерение человека часто угасает, ему трудно ставить цели и идти к ним. Но когда он начинает практиковать тай-чи, шаг за шагом, иногда через усилие, он восстанавливает связь с собственными намерениями. Это может быть особенно ценно, поскольку процесс возвращает чувство целеполагания, необходимое для выхода из депрессивного состояния.

В некоторых исследованиях подчёркивается, что тай-чи помогает не только взрослым, но и детям, подросткам, а также пожилым людям, которые страдают от депрессии. Для пожилых людей плавные движения и невысокая ударная нагрузка особенно важны, так как высокоинтенсивные тренировки могут быть для них травмоопасны [14]. Практика способствует профилактике падений, укрепляет осанку и помогает сохранять активность мозга за счёт регулярной двигательной тренировки. Для детей и подростков же тай-чи может служить средством вос-

питания стрессоустойчивости, сохраняя в них естественную гармонию психофизического развития и бережно корректируя нарушения эмоционального баланса.

Важность правильной техники в тай-чи нельзя недооценивать. Прибегая к нерегулярным и неосознанным движениям, человек может не только не добиться положительных сдвигов, но и усугубить состояние, если будет действовать на пределе своих физических возможностей [2]. Поэтому желательно, по крайней мере на первых этапах, заниматься под руководством опытного инструктора, который сможет корректировать неточности, обучить правильному дыханию и поддерживать мотивацию. Во время депрессии крайне важно грамотно распределять свои ресурсы, чтобы не истощаться чрезмерными нагрузками, а наоборот, получать от каждого движения поддержку и удовлетворение.

Тай-чи нередко сравнивают с йогой или цигун, так как все три практики призваны регулировать поток энергии и восстанавливать внутреннюю гармонию. Однако у тай-чи есть собственное методологическое наследие, которое при даосском подходе к миру акцентирует мягкость, уступчивость, круглые движения и постоянное «плавание» в ритме природы [12]. Такие метафоры помогают глубже почувствовать связь с окружающей средой, а переживание этой связи зачастую становится источником ресурса и облегчает эмоциональное напряжение, характерное для депрессии.

Опираясь на традицию, мастера тай-чи учат учеников, что вместо прямого противостояния негативным эмоциям можно научиться их «обводить». Это отражает даосскую идею «у-вэй», подразумевающую неделание, а точнее, действие без излишних усилий. Для человека, погружённого в депрессивные переживания, такое представление может оказаться особенно ценным [8]. Ведь порой сопротивление собственному состоянию только усугубляет страдание, а мягкое принятие открывает пути для постепенного изменения. Подобная смена фокуса с борьбы на сотрудничество с собственным телом и чувствами — центральный принцип тай-чи (рис. 1).

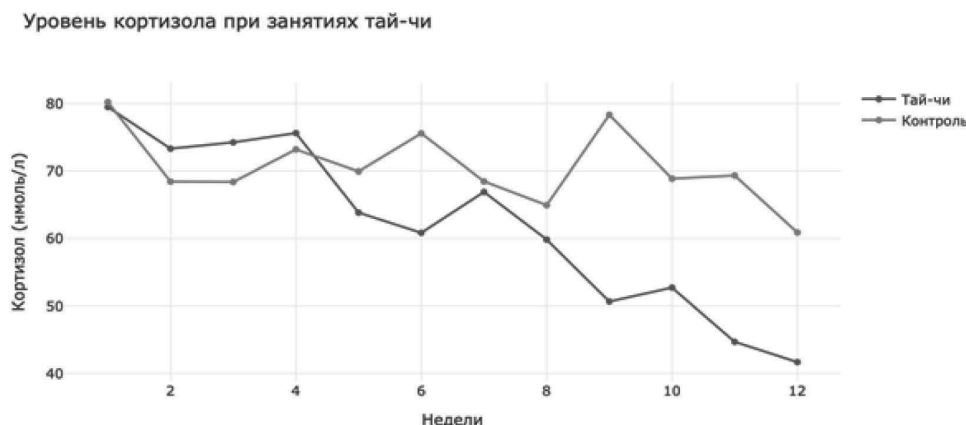

Рис. 1. Влияние тай-чи на уровень BDNF
(Схема: Сравнение BDNF до и после 12-недельного курса)

Психофизические механизмы, лежащие в основе благотворного влияния тай-чи, напрямую связаны с комплексным воздействием на нервную, гормональную и энергетическую систему. В процессе практики выравнивается кровяное давление, укрепляются сосуды и постепенно регламентируется работа эндокринной системы [3]. Параллельно происходит синхронизация полушарий мозга, что положительно влияет на уровень нейромедиаторов, в частности серотонина и дофамина. Эти вещества отвечают за ощущение удовольствия и радости жизни, уровень которых у людей с депрессией зачастую понижен.

Любое телесно-ориентированное направление, будь то танцевальная терапия или тай-чи, даёт человеку возможность выразить те эмоции, которые оказались вытесненными или заблокированными. Плавность движений в тай-чи, отсутствие принуждения и акцент на естественности помогают пробудить в человеке творческий потенциал и освободить тело от закрепощения [15]. Происходит своеобразное «расшевеливание» заблокированных чувств, а осознание своей внутренней энергии помогает освободиться от гнетущего психического груза.

Редко можно встретить, чтобы пациенты с депрессией сразу включались в активную двигательную практику. У многих не хватает сил, энтузиазма, а у некоторых присутствует выраженное недоверие к телесно-ориентированным техникам [7]. Тем не менее, когда люди всё же делают первый шаг и начинают регулярно, пусть даже в ограниченном формате, выполнять тай-чи, они замечают, что постепенно их тело оживает, а ум обретает ясность. Положительное подкрепление, ощущение улучшения самочувствия со временем формируют новый, более позитивный взгляд на себя и свои возможности.

В процессе занятий тай-чи важно научиться сосредотачиваться не только на правильности самих движений, но и на внутреннем состоянии. Практика учит замечать,

как мысли и эмоции отражаются в теле, и наоборот, как в ответ на изменение тела (положение плеч, расслабление мышц, ритм дыхания) меняются психические процессы [11]. Эта осознанная взаимосвязь даёт возможность регулировать своё самочувствие через наиболее доступный инструмент — собственное тело. При депрессии особенно актуально умение быстро возвращаться в состояние уравновешенности, что достигается осознанным контролем за дыханием и мягкими движениями.

С течением времени регулярные тренировки тай-чи могут привести к формированию более устойчивого «наблюдающего» ума. Это значит, что человек развивает способность не отождествляться всецело со своими негативными мыслями и чувствами, а смотреть на них более трезво и отстранённо [6]. Такая позиция позволяет видеть временность своих настроений, относиться к ним без излишнего драматизма, что способствует более мягкому переживанию депрессивных эпизодов и ускоряет процесс восстановления эмоционального равновесия.

Тонкость психофизического воздействия тай-чи связана также с философским контекстом, в котором она зародилась. Даосские принципы гармонии, непротивления, единства противоположностей глубоко вплетены в структуру этого боевого искусства [14]. Человек, погружаясь в эти принципы, постепенно перенимает их в повседневную жизнь, учится видеть изменения как естественный процесс. Такой философский сдвиг может сыграть заметную роль в преодолении депрессии, ведь он напрямую затрагивает сложившиеся когнитивные шаблоны катастрофизации, пессимистического взгляда на будущее.

Некоторые психотерапевты включают элементы тай-чи в свои программы реабилитации пациентов с депрессивно-тревожными расстройствами. В сочетании с классическими методами когнитивно-поведенческой терапии или психоанализа мягкие движения и медитативная осознанность тай-чи могут усиливать терапевтический эффект [1]. У пациентов снижается психомоторная

заторможенность, исчезает ощущение безысходности, была отмечена активизация интереса к собственному внутреннему миру. В результате появляется новое пространство для личностных трансформаций и закрепления позитивных изменений.

Полезно учитывать и тот факт, что при длительной депрессии у человека нарушаются отношения с собственным телом, он может воспринимать его как источник страданий или нераскрытый «мешок с симптомами». Тай-чи возвращает телу положительный смысл, пробуждая способность чувствовать свою энергетику, замечать приятные ощущения силы, гибкости и плавности [5]. Такое переоткрытие тела обновляет самоидентификацию, укрепляет установку на заботу о себе и повышает общее качество жизни.

В психофизиологическом плане при регулярном выполнении тай-чи формируется так называемый «постуральный баланс». Это значит, что мышцы спины, ног и шеи начинают работать более скоординированно, а мозг фиксирует новый, здоровый паттерн движения [4]. Известно, что осанка может оказывать существенное влияние на эмоциональный фон: если человек постоянно ходит, ссутулившись, опустив голову, это способствует сохранению угнетённого состояния. Напротив, ровная спина и расслабленные плечи, чему как раз учит тай-чи, помогают обрести чувство внутренней уверенности и стабилизировать настроение (рис. 2).

Немалую роль играет и постепенное улучшение кровообращения. Плавные, текущие движения активизируют микроциркуляцию, позволяя кровеносным сосудам более равномерно снабжать ткани кислородом и питательными веществами [12]. Это, в свою очередь, отражается на метаболизме мозга, который при депрессии нередко пребывает в состоянии энергетического дефицита. Укрепление сосудистой сети может оказывать по-

зитивное влияние на нейрогенез и способствовать восстановлению нервных клеток в определённых отделах мозга, связанных с эмоциями и памятью.

Требуется понимать, что тай-чи не заменяет собой медикаментозное лечение или психотерапию в случаях тяжёлой депрессии. Однако, как часть комплексного подхода, оно способно повысить эффективность других методов и привести к более устойчивым результатам в борьбе с заболеванием [2]. Для некоторых людей тай-чи становится не просто физическими упражнениями, а образом жизни, который поддерживает их психическую стабильность и предотвращает возможные рецидивы.

Стабилизация и укрепление психики через тай-чи нередко опираются на развитие эмоциональной саморегуляции. Человек учится мягко удерживать равновесие, приводя в соответствие физические и ментальные процессы [7]. Подобная практика требует терпения, поскольку быстрых результатов редко удаётся достичь, зато на долгосрочной дистанции формируется более высокая ответственность за своё состояние, появляется способность вовремя замечать и корректировать первые признаки ухудшения настроения.

Выводы

Таким образом, тай-чи, объединяющее в себе элементы медитации, телесной терапии и традиционных восточных представлений о здоровье, оказывается благотворным для людей, страдающих депрессией. Когда человек регулярно практикует это искусство, он улучшает координацию, снижает мышечное напряжение, стабилизирует дыхание и укрепляет связь между телом и умом [9]. Эти компоненты в сумме дают мощную поддержку эмоциональной сфере, восстанавливая способность к радости и интересу к жизни без насильственного подавления субъективного опыта.

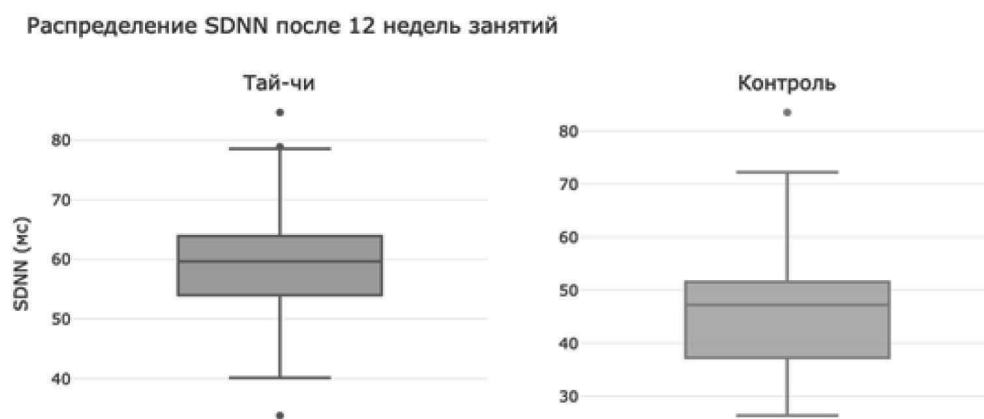

Рис. 2. Баланс вегетативной нервной системы (HRV)
(Схема: Изменение variability сердечного ритма (SDNN))

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодров В.А. Личностная детерминация развития и преодоления психологического стресса // *Совладающее поведение: современное состояние и перспективы* / под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. М., 2008. С. 235–256. 13 с.
2. Буслаева Е.Л. Динамика и закономерности психического развития личности. Липецк, 1999. 10 с.
3. Верищагин Д.С. Влияние: система навыков дальнейшего энергоинформационного развития. III ступень. СПб., 2007. 0 с.
4. Елшанский С.П., Ануфриев А.Ф., Камалетдинова З.Ф., Сапарин О.Е., Семенов Д.В. Взаимосвязи депрессии и позитивных личностных качеств // *Психологическая работа в системе морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности личного состава: сб. материалов Первой Междунар. науч.-практ. конф.* 2018. С. 281–283. 3 с.
5. Журавлева Т.Л. Психическое развитие человека // *Психология развития и возрастная психология: практ.* СПб.: СПб ун-т МВД России, 2015. С. 6–7. 2 с.
6. Кривоконь В.И. Влияние стрессогенных факторов на динамику структуры личности профессионала: дис. . . . канд. психол. наук. М., 1999. 15 с.
7. Лазарев М.Л. Воздействие психологических факторов на физическое здоровье детей: дис. . . . канд. психол. наук. М.: 2-й Моск. мед. ин-т им. Н.И. Пирогова, 1997. 21 с.
8. Мельников В.И. Психологические механизмы коррекции стрессовых состояний личности: дис. . . . канд. психол. наук. Новосибирск, 2000. 23 с.
9. Морозова И.С. Психологические факторы и механизмы интенсификации познавательной деятельности личности: автореф. дис. . . . д-ра психол. наук. Новосибирск, 2006. 10 с.
10. Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Развитие личности в условиях психической депривации // *Формирование личности в онтогенезе: сб. науч. тр. / АПН СССР, НИИ общей и педагогической психологии.* М., 1991. С. 99–104. 34 с.
11. Психическое развитие человека и социальные влияния: колл. моногр. СПб., 2010. 0 с.
12. Психологические аспекты развития личности в онтогенезе: сб. науч. ст. Гродно, 2016. 0 с.
13. Собольников В.В. Психологические факторы развития личности // *Личность и деятельность: тез. докл. Сибирской науч. конф.* / Новосибир. гос. пед. ун-т. 1995. С. 164. 1 с.
14. Собольников В.В. Развитие личности в особых условиях деятельности: дис. . . . д-ра психол. наук. Новосибирск, 1997.
15. Шленков А.В. Эффективность психолого-педагогических воздействий в связи с особенностями личности спортсменов: дис. . . . канд. психол. наук. СПб., 1998. 10 с.

© Ли Чжэньхао (435304509lzh@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ И ВОЗДЕЙСТВИЯ ВЫУЧЕННОЙ БЕСПОМОЩНОСТИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ ПСИХОЛОГИИ: МНОГОМЕРНЫЙ АНАЛИЗ КУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ

Линь Ян

Аспирант, Сибирский федеральный университет,
(г. Красноярск, РФ);
Технологический университет Цзянсу, (Чанчжоу, КНР)
linyng@jsut.edu.cn

THE STUDY OF THE FORMATION
AND IMPACT OF LEARNED
HELPLESSNESS FROM THE PERSPECTIVE
OF CROSS-CULTURAL PSYCHOLOGY:
A MULTIDIMENSIONAL ANALYSIS
OF CULTURAL FACTORS

Lin Yang

Summary: In the era of globalization, cross-cultural psychology, which studies psychological phenomena in diverse cultural contexts, is gaining increasing significance. This study examines the formation and impact of learned helplessness from a cross-cultural perspective, emphasizing the importance of considering cultural factors. It analyzes the influence of culture on attributional styles, emotional responses, coping strategies, and the perception of failure. Special attention is given to the role of social support in either mitigating or reinforcing manifestations of helplessness. The findings highlight the need to integrate cultural context into psychological research and practice to enhance their effectiveness.

Keywords: cross-cultural psychology, learned helplessness, cultural factors, attributional styles, social support.

Аннотация: В эпоху глобализации кросс-культурная психология, исследующая психологические явления в различных культурных контекстах, приобретает всё большее значение. Настоящее исследование рассматривает формирование и воздействие выученной беспомощности с точки зрения кросс-культурной психологии, подчёркивая важность учета культурных факторов. Анализируются влияние культуры на атрибутивные стили, эмоциональные реакции, стратегии преодоления и восприятие неудач. Особое внимание уделяется роли социальной поддержки в смягчении или усилении проявлений беспомощности. Результаты подчёркивают необходимость интеграции культурного контекста в психологические исследования и практику для повышения их эффективности.

Ключевые слова: кросс-культурная психология, выученная беспомощность, культурные факторы, атрибутивные стили, социальная поддержка.

Введение

Кросс-культурная психология как дисциплина, изучающая психологические явления в различных культурных контекстах, приобретает всё большую важность в условиях глобализации. В настоящем исследовании внимание сосредоточено на формировании и влиянии выученной беспомощности с кросс-культурной точки зрения, а также на уникальной роли культурных факторов в её возникновении и развитии. Для эффективного понимания и коррекции выученной беспомощности необходимо учитывать сложность и разнообразие культурных влияний, избегая ограничений, накладываемых единой культурной перспективой.

Определение и значение кросс-культурной психологии

С углублением психологических исследований всё больше учёных осознают важность культурных факторов в развитии индивидуальной психики. Традиционная

психология часто игнорировала влияние культуры, что ограничивало применимость полученных данных в различных культурных контекстах. Для преодоления этого недостатка в психологию постепенно начали включать культурные аспекты, что способствовало формированию кросс-культурной психологии как самостоятельного направления [7].

Кросс-культурная психология, как отдельная область, сосредоточена на исследовании различий в психике и поведении людей из разных культурных сред. Она подробно анализирует, как культурные факторы формируют когнитивные процессы, эмоциональные переживания и модели поведения. Дисциплина не только выявляет общие черты между культурами, но и подчёркивает глубокое влияние культурных различий на развитие психики. Применение кросс-культурных методов позволяет более полно понять сложность и многообразие человеческой природы.

В условиях глобализации кросс-культурные взаимо-

действия становятся всё более частыми и тесными, что усиливает значимость кросс-культурной психологии. Сравнительный анализ психологических явлений в разных культурных контекстах позволяет выявить важную роль культурных факторов в развитии психики человека и механизмах их воздействия. Эта перспектива расширяет понимание психологических процессов и помогает избежать ограничений и предвзятостей, свойственных одностороннему культурному подходу. Кроме того, она способствует более глубокому осмыслению многообразной природы человеческой психики [4].

В рамках кросс-культурной психологии особое внимание уделяется изучению того, как социальные обычаи, системы ценностей и верований взаимодействуют с психологическими процессами индивида, влияя на его поведение. Изучение психологических характеристик и моделей поведения разных культурных групп показывает, что культурные различия не являются абсолютными: между культурами существуют общие черты и взаимные влияния. Эти процессы проявляются как на уровне индивидуальной психики, так и в социальном взаимодействии, создавая богатую и многогранную картину человеческого поведения.

Сравнительный анализ показал, что культурные факторы оказывают влияние на когнитивные процессы, эмоциональные реакции, мотивацию и модели поведения. Например, в аспекте атрибутивных стилей в разных культурах наблюдаются значительные различия: в одних культурах успех чаще приписывают внутренним факторам (способностям или усилиям), а неудачу — внешним обстоятельствам (удаче или сложности задачи); в других культурах, напротив, преобладает обратная тенденция. Эти различия свидетельствуют о влиянии культурной среды на атрибутивные стили, что напрямую отражается на психологическом благополучии и социальной адаптации индивидов [1].

Кросс-культурная психология также исследует специфические психологические феномены, характерные для отдельных культурных контекстов. Одним из таких явлений является выученная беспомощность, представляющая собой негативное психологическое состояние, возникающее в определённых культурных условиях. Изучение проявлений выученной беспомощности в разных культурах позволяет глубже понять механизмы её формирования и разработать эффективные стратегии преодоления [3, 7, 11].

Понятие и происхождение выученной беспомощности

Понятие выученной беспомощности относится к состоянию, при котором индивид, переживший неоднократные неудачи или сталкивавшийся с их чередой,

проявляет негативное, беспомощное психическое состояние при встрече с новой ситуацией. В этом состоянии существенно снижается ожидание успеха, поведение характеризуется отступлением и даже отказом от дальнейших усилий. Этот феномен глубоко отражает уязвимость психики человека при столкновении с повторяющимися неудачами.

Происхождение концепции выученной беспомощности связано с развитием бихевиористской психологии, особенно с исследованиями в области классического и оперантного обусловливания. Экспериментальные наблюдения показали, что индивиды, сталкивающиеся с многократными неудачами, легко формируют состояние выученной беспомощности [9, 10, 12]. Понятие было впервые введено американским психологом Мартином Селигманом и его коллегами в 1960-х годах. Через эксперименты на животных в лабораторных условиях они выявили внутренние механизмы формирования выученной беспомощности. Впоследствии теория получила широкое применение для объяснения аналогичных процессов у людей и оказала значительное влияние на развитие психологической науки.

Выученная беспомощность — это не просто психологическое понятие, а комплексное состояние, затрагивающее когнитивные процессы, эмоциональные реакции, мотивацию и поведение.

С эмоциональной точки зрения выученная беспомощность сопровождается усилением негативных эмоций — подавленности, тревоги и отчаяния. Люди в этом состоянии склонны негативно оценивать себя и своё будущее, испытывая нехватку уверенности и оптимизма. Эти эмоции не только ухудшают текущее психическое состояние, но и могут способствовать развитию более серьёзных нарушений, таких как депрессия и тревожные расстройства [5].

На уровне поведения индивиды с выученной беспомощностью становятся более пассивными и склонными к отступлению, проявляют недостаточную активность при встрече с новыми вызовами и возможностями. Такая модель поведения препятствует личностному росту и развитию, а также негативно влияет на социальное функционирование — снижает трудовую эффективность и затрудняет межличностное взаимодействие.

На когнитивном уровне выученная беспомощность проявляется в ригидных, фиксированных мыслительных шаблонах, недостатке гибкости и творческого мышления. В долгосрочной перспективе это может привести к формированию негативных когнитивных установок, сомнениям в собственных способностях и искажённому восприятию реальности, при котором внимание акцентируется на трудностях, а возможные решения и внутрен-

ние ресурсы игнорируются. Такой негативный когнитивный уклон усиливает цикл выученной беспомощности, препятствуя восстановлению после неудач и формируя замкнутый круг самореализующегося предсказания.

На уровне мотивации основным проявлением является выраженное снижение стремления к достижению целей и активности. Испытывая многократные неудачи и неконтролируемые отрицательные исходы, индивид формирует низкие ожидания успеха и страх перед неудачей. Это психическое состояние подрывает внутреннюю мотивацию, затрудняя активное участие в деятельности и достижение целей. Даже при наличии реальных возможностей для успеха человек, переживающий выученную беспомощность, часто отказывается от попыток, опасаясь новой неудачи, погружаясь в состояние пассивности и демотивации.

Явление выученной беспомощности в межкультурных сравнениях

В обширной области кросс-культурной психологии феномен выученной беспомощности представляет собой многогранную призму, отражающую сложное разнообразие механизмов адаптации и реакций людей на неудачи в различных культурных контекстах. Это явление не только демонстрирует влияние культуры на психическое состояние индивида, но и предоставляет ценный материал для анализа эмоциональных, когнитивных и поведенческих моделей, характерных для разных народов.

Когда индивиды оказываются в новой культурной среде, их реакция на неудачи и разочарования может существенно варьироваться в зависимости от культурных факторов. Выученная беспомощность, первоначально описанная в психологии как состояние утраты мотивации и стремления к действию после многократных неудач, в кросс-культурной перспективе приобретает более глубокий и многомерный характер. Люди из разных культур, сталкиваясь с чувством беспомощности, демонстрируют различия в атрибутивных тенденциях, эмоциональной реакции, стратегиях преодоления и даже в оценке самого события.

1) Различия в атрибутивных моделях: когнитивные пути к выученной беспомощности под влиянием культуры

Одним из ключевых аспектов понимания выученной беспомощности в межкультурных сравнениях является различие в атрибутивных моделях. Люди из разных культур, сталкиваясь с успехами и неудачами, демонстрируют специфические атрибутивные склонности. Эти различия не только свидетельствуют о влиянии культуры на когнитивные процессы индивида, но и напрямую связаны с формированием и развитием выученной беспомощности [2].

Атрибуция — это процесс, посредством которого индивид объясняет причины событий и своих действий. В коллективистских культурах успех чаще приписывается коллективной работе, внешним условиям или поддержке со стороны окружающих, тогда как неудачи объясняются неблагоприятной средой, недостатком ресурсов или управляемыми внешними факторами. Такая атрибутивная модель способствует поддержанию самоуважения и социального единства, снижая риск возникновения чувства беспомощности.

В индивидуалистических культурах успех, напротив, воспринимается как результат личных способностей и усилий, а неудачи часто объясняются личной некомпетентностью или неблагоприятной судьбой — факторами, трудно поддающимися изменению. Это может способствовать формированию сомнений в собственных силах и увеличению вероятности развития выученной беспомощности.

Кроме того, различия в атрибуции проявляются и в способах реагирования на неудачи. В коллективистских культурах индивиды чаще ищут внешнюю поддержку и стремятся к совместному решению проблем, что способствует снижению чувства беспомощности и личностному развитию. В индивидуалистических культурах акцент на личной ответственности может усиливать чувство вины и самообвинение, что затрудняет обращение за помощью и способствует углублению состояния беспомощности.

Также следует отметить, что социальная поддержка в коллективистских культурах функционирует как своего рода «страховочная сеть», обеспечивая эмоциональное утешение, информационную помощь и материальные ресурсы. Различия в наличии и характере социальной поддержки между культурами оказывают существенное влияние на динамику выученной беспомощности.

2) Различия в социальных сетях поддержки: ослабление и усиление выученной беспомощности в кросс-культурном контексте

В межкультурных сравнениях социальные сети поддержки выступают важным ресурсом, способствующим преодолению стресса и жизненных трудностей [6]. Структура, функции и способы взаимодействия в таких сетях варьируются в разных культурах и могут прямо или косвенно влиять на психологическую реакцию индивида на неудачи, а также на его стратегии преодоления.

Структура социальных сетей поддержки

В коллективистских культурах социальные сети поддержки, как правило, отличаются большей плотностью и обширностью. Семья, друзья, соседи и члены сообщества формируют мощную систему, способную предло-

жить эмоциональную и практическую помощь, а также обмен информацией в трудные периоды. Эти тесные социальные связи не только уменьшают психологическое давление на индивида, но и обеспечивают разнообразные пути решения проблем, что снижает риск развития выученной беспомощности.

В противоположность этому, в индивидуалистических культурах социальные сети поддержки могут быть более разрозненными и ограниченными. Люди в большей степени полагаются на собственные усилия при преодолении трудностей, а их отношения с окружающими часто строятся на основе договорных или взаимовыгодных принципов. В ситуациях неудач индивид может ощущать изоляцию и нехватку необходимой эмоциональной или практической поддержки, что значительно повышает риск формирования выученной беспомощности.

Функции социальных сетей поддержки

Различия в функциях социальных сетей также играют важную роль в формировании реакции на неудачи. В коллективистских культурах социальные сети не только предоставляют эмоциональное утешение и материальную помощь, но и акцентируют коллективную ответственность за решение проблем. Такая ориентация способствует развитию чувства принадлежности и взаимной поддержки, стимулируя индивида к активному поиску путей выхода из сложных ситуаций и к личностному росту.

Напротив, в индивидуалистических культурах социальные сети чаще подчеркивают независимость и автономию личности. При столкновении с неудачами акцент делается на способности индивида самостоятельно регулировать свои эмоции и восстанавливаться. В условиях недостаточной социальной поддержки это может усилить чувство изолированности и беспомощности, затрудняя преодоление кризисных ситуаций.

3) Влияние образования и семейной среды: углублённое исследование культурных корней выученной беспомощности

В рамках кросс-культурных исследований образование и семейная среда рассматриваются как фундаментальные факторы, формирующие психологическую структуру и поведенческие модели индивида. Эти аспекты оказывают ключевое влияние на возникновение и развитие феномена выученной беспомощности. Их анализ позволяет раскрыть разнообразие содержания и методов образования в различных культурах, а также углубить понимание того, как особенности семейной структуры и модели взаимодействия между родителями и детьми влияют на способности индивида к психологической адаптации [8].

Образование и культурные различия

Культурные различия в системе образования проявляются как в её структуре, так и в ценностных ориентирах. В культурах, ориентированных на конкуренцию и индивидуальные достижения, образовательные системы часто связывают успех учащихся с их личными способностями. При таком подходе учащиеся, сталкиваясь с неудачами, склонны приписывать их своим недостаточным компетенциям, что повышает риск формирования выученной беспомощности.

В противоположность этому, в культурах, где акцент делается на сотрудничество и коллективные достижения, образовательные системы передают ценности взаимопомощи и общей ответственности. В таких условиях учащиеся учатся воспринимать неудачи как часть процесса роста, что способствует развитию устойчивости и снижению чувства беспомощности.

Разнообразие методов обучения также оказывает значительное влияние на психологическую адаптацию студентов. Например, эвристические методы, стимулирующие активное исследование и критическое мышление, способствуют укреплению чувства контроля и снижают риск развития беспомощности. В то же время традиционные методы, основанные на пассивном усвоении информации, могут подавлять инициативу и креативность учащихся, косвенно способствуя формированию беспомощных установок.

Семейная среда и её роль

Семейная среда, являясь основой личностного развития, играет важную роль в формировании устойчивости к выученной беспомощности. В коллективистских культурах семья служит не только источником эмоциональной поддержки, но и ключевым элементом социальной структуры. Родители в таких культурах активно поддерживают и направляют детей, способствуя развитию уверенности в себе и готовности к преодолению трудностей. Такая атмосфера укрепляет психологическую устойчивость и формирует у детей внутренние ресурсы для противостояния состояниям беспомощности.

В индивидуалистических культурах семейные отношения часто строятся на принципах независимости и автономии. Родители в таких семьях акцентируют внимание на воспитании самостоятельности и ответственности за собственные поступки. Хотя этот подход способствует развитию автономии, он может ослабить систему эмоциональной поддержки ребёнка в моменты неудач, что затрудняет процесс психологической адаптации и повышает риск формирования выученной беспомощности.

Заключение

Изучение феномена выученной беспомощности с кросс-культурной точки зрения позволяет глубже понять важную роль культурных факторов в его формировании и развитии. Индивиды из различных культур демонстрируют значительные различия в атрибутивных моделях, социальных сетях поддержки, а также в особенностях образова-

тельной и семейной среды. Эти различия в совокупности влияют на психологические механизмы возникновения выученной беспомощности, а также определяют реакции индивидов на неудачи и их стратегии преодоления трудностей. В связи с этим эффективное понимание и коррекция выученной беспомощности требуют учёта сложности и многообразия культурных влияний, избегая ограничений, накладываемых однокультурной перспективой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Цз., Гэ М. Исследование взаимосвязи между атрибуцией и психическим здоровьем студентов // Высшее образование в Цзянсу. 2005. № 3. С. 136.
2. Говен М., Монро Р.Л., Биби Х. Вопросы детей в кросс-культурной перспективе: исследование четырёх культур // Журнал кросс-культурной психологии. 2013. Т. 44, № 7. С. 1148–1165.
3. Гу В. Экспериментальное психологическое исследование «выученной беспомощности» у студентов // Психологическое здоровье учащихся начальных и средних школ. 2010. № 18. С. 2.
4. Е Х. Развитие мультикультурализма и кросс-культурной психологии // Прогресс в психологической науке. 2004. Т. 1. С. 144–151.
5. Казанцев В.Н., Стулина К.С. Методы коррекции профессионального выгорания: стратегии устойчивого благополучия // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2024. № 5 (94).
6. Ломас Т. К позитивной кросс-культурной лексикографии: обогащение эмоционального опыта через 216 «непереводимых» слов о благополучии // Журнал позитивной психологии. 2016. Т. 11, № 5. С. 546–558.
7. Лю Цз. Теоретическое исследование основ выученной беспомощности среди учащихся сельских среднепрофессиональных учебных заведений // Новый кампус: ежеквартальный журнал. 2017. № 8. С. 18.
8. Никассио П.М. Психосоциальная адаптация беженцев из Юго-Восточной Азии: обзор эмпирических данных и теоретических моделей // Журнал кросс-культурной психологии. 1985. Т. 16, № 2. С. 153–173.
9. Сунь Г. Выученная беспомощность и обучение методам биохимического тестирования // Профессиональное медицинское образование. 2011. Т. 29, № 18. С. 2.
10. Сюй Ю., Цзян Г. Обзор теории выученной беспомощности // 11-я Национальная научная конференция по психологии. 2024. С. 12–22.
11. Цзэн Ю. Исследование выученной беспомощности в обучении студентов профессиональных колледжей: диссертация. Университет науки и технологий Цзянси, 2011.
12. Чэнь Ю. Анализ и коррекция «выученной беспомощности» у студентов // Семинар по нравственному воспитанию в Пекине, Тяньцзине, Шанхае и Чунцине. 2011.

© Линь Ян (linyng@jsut.edu.cn).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ С ТИПОМ ПОВЕДЕНИЯ «А»

PERSONAL CHARACTERISTICS OF STUDENTS OF PEDAGOGICAL PROFILE WITH TYPE OF BEHAVIOR "A"

N. Naumova

Summary: The article presents the results of a study aimed at studying the peculiarities of type A behavior among students of higher educational institutions. The purpose of the study was to identify the relationship between personal characteristics, social adaptation, learning activities and the current state of students. 46 students participated in the study, of which 26 were classified as type «A» based on the «Type A Behavior Assessment Scale» methodology. To assess the current state, an author's questionnaire was used, including questions about changes in students' lives after admission to the university. The results of the study were indicators of social maladaptation of students with type A behavior. They are aimed at achieving high goals, but they do not cope well with the existing loads and tend to choose maladaptive ways out of stress.

Keywords: professional health, social adaptation, students, type A behavior.

Наумова Наталья Николаевна

*аспирант, Ленинградский Государственный Университет
им. А.С. Пушкина, (г. Санкт-Петербург)*

Аннотация: В статье представлены результаты исследования, направленного на изучение особенностей проявления поведения типа «А» у студентов высших учебных заведений. Целью исследования являлось выявление взаимосвязи между личностными характеристиками, социальной адаптацией, учебной деятельностью и актуальным состоянием студентов. В исследовании приняли участие 46 студентов, из которых 26 были отнесены к типу «А» на основе методики «Шкала оценки поведения типа «А». Для оценки актуального состояния использовалась авторская анкета, включающая вопросы об изменениях в жизни студентов после поступления в ВУЗ. Результатами исследования выступили показатели социальной дезадаптации студентов с типом поведения «А». Они направлены на высокое достижение целей, однако слабо справляются с имеющимися нагрузками и склонны выбирать неадаптивные способы выхода из стресса.

Ключевые слова: профессиональное здоровье, социальная адаптация, студенты, поведение типа «А».

В условиях современного динамично развивающегося общества, характеризующегося высокой конкуренцией и возрастающими требованиями к профессиональной компетентности, актуальным становится изучение психологических факторов, влияющих на успешность студентов в процессе обучения [2]. Одним из таких факторов является поведение типа «А», представляющее собой комплекс личностных характеристик, связанных с повышенной активностью, стремлением к достижениям, конкурентоспособностью и чувством нехватки времени.

В научной литературе поведение типа «А» традиционно рассматривается как предиктор сердечно-сосудистых заболеваний и повышенного уровня стресса [5]. Однако, все чаще отмечается и его позитивное влияние на академическую успеваемость и профессиональную самореализацию, особенно в контексте высшего образования. Студенты с выраженными чертами поведения типа «А» демонстрируют повышенную мотивацию к обучению, более активно вовлекаются в учебный процесс и стремятся к высоким результатам.

Настоящее исследование направлено на изучение особенностей проявления поведения типа «А» у студентов высших учебных заведений. Предполагается, что по-

нимание механизмов влияния данного типа поведения на различные аспекты учебной деятельности позволит разработать эффективные стратегии психологической поддержки студентов, направленные на оптимизацию их академической успеваемости и снижение негативных последствий, связанных с хроническим стрессом и перегрузками. В частности, исследование нацелено на выявление взаимосвязи между поведением типа «А» и шкалами «СМИЛ» методики «МЛО- адаптивность» (А.Г. Маклаков, С.В. Чермянин). Полученные результаты будут способствовать формированию более полного представления о роли поведения типа «А» в контексте студенческой жизни и разработке научно обоснованных рекомендаций для повышения эффективности образовательного процесса.

Целью исследования выступает изучение особенностей личности студентов педагогического профиля с поведением типа «А». Для достижения цели в процессе обследования применены следующие психодиагностические методы:

1. «Шкала оценки поведения типа «А» (С.Д. Положенцев, Д.А. Руднев);
2. Методика «МЛО- адаптивность» (А.Г. Маклаков, С.В. Чермянин);
3. Авторская анкета оценки проблемных вопросов у студентов в процессе обучения.

В процессе обследования респондентов использовалась авторская анкета оценки различных факторов риска для профессионального здоровья, в которой студентам предлагалось отметить наиболее важные для них изменения в жизни после поступления в высшее учебное заведение.

Так, по результатам опроса, выделены наиболее часто встречаемые проблемные вопросы у студентов: изменение ритма сна-бодрствования, проблемы со сном; изменение социального круга, недостаток общения, недовольство актуальным окружением; проблемы или существенные изменения в режиме или качестве питания; проблемы со здоровьем, утомленность, плохое самочувствие; изменение стратегии обучения, трудности с обучением или количеством выполняемых заданий; появление пагубных привычек (алкоголь, курение), их злоупотребление; исчезновение спорта из жизни (если ранее присутствовал). Далее перечисленные пункты будут представлены в результатах статистического анализа сокращенно: соц. круг; сон; еда; здоровье; д.з.; алкоголь; курение; спорт.

Участие в исследовании приняли 46 студентов первого курса педагогического профиля, среди которых были как юноши (n=7), так и девушки (n=39). Основанием для разделения на выборки стали полученные результаты по методике «Шкала оценки поведения типа «А» (С.Д. Положенцев, Д.А. Руднев). Студенты с баллами выше 180 (тип «А») стали основной выборкой (n= 26). Остальные респонденты (тип «Б», тип «АБ») – контрольной (n=20).

Был произведен сравнительный анализ показателей личностных особенностей на основе методики «МЛО- Адаптивность» с использованием t-критерия Стьюдента (Табл. 1)

Получены значимые различия по некоторым шкалам методики «МЛО- Адаптивность», которые позволяют сделать вывод о том, что студентам с типом поведения «А» почти не свойственна социальная интроверсия, в отличие от другой группы респондентов. Сложности в установлении социальных контактов и ориентирование на более узкий круг друзей противоположны по описанию студентов основной группы.

В то время как большинство людей с типом поведе-

ния «Б» выбирают сглаживание конфликтов, минимизацию конкуренции, и, соответственно, снижение количества социальных контактов, вероятное избегание новых знакомств, то другой тип поведения - «А» прекрасно настроен на увеличение социального круга, способен взаимодействовать с группами лиц даже при условии давления и высокого напряжения, не отстраняясь от них.

Интересным с точки зрения самоидентификации ролевого поведения и проявления маскулинности/ феминности получен результат по шкале «Mf». Принято считать, что высокие показатели по шкале мужественности-женственности указывают на проявления противоположных своему полу в поведении.

Поскольку результат сравнительного анализа- это, в первую очередь, показатели не одного человека, а «срез» по группе лиц, можно предположить, что людям с поведением типа «А», которым свойственна активность, высокая энергичность - более склонны к варьированию среди стереотипности поведения. Такие люди могут использовать разные способы общения и взаимодействия для получения желаемой цели, к примеру: мужчины могут проявить мягкость и заботу для сближения с важной фигурой, а женщины, вопреки привычному для социума представлению, выглядеть жесткой, настойчивой для достижения цели и создавать образ, который обычно ассоциируется с маскулинностью.

Шкала «ПС» психотических реакций отражает уровень ситуационной тревожности и утомляемости. Высокие показатели по данной шкале указывают на отсутствие данных проявлений. Более низкие показатели, как у основной группы могут говорить о слабости, истощенности и потребности в восстановлении внутренних ресурсов. Данный показатель указывает на необходимость ранней диагностики сердечно-сосудистой системы у данной группы лиц в связи с предрасположенностью к заболеваниям в этой области.

Интенсивная деятельность, направленная на достижение поставленных целей, и сопряженный с ней хронический стресс могут субъективно восприниматься как позитивный опыт, обусловленный удовлетворением от достижений. Тем не менее, подобная стратегия часто связана с кумулятивным ущербом для здоровья, который

Таблица 1.

Сравнительный анализ показателей личностных особенностей.

	Студенты с типом поведения «Б» и «АБ» (n=20)		Студенты с типом поведения «А» (n=26)		t-критерий Стьюдента	p
	M±m	σ	M±m	σ		
Шкала «Mf»	48,4±1,55	6,92	53,08±0,93	4,76	-2,5874	0,05
Шкала «Si»	62,1±1,67	7,47	56,96±1,74	8,86	2,132	0,05
Шкала «ПС»	4,85±0,28	1,27	3,92±0,25	1,3	2,4361	0,05

может оставаться незамеченным на начальных этапах.

Для более глубокого изучения особенностей личности студентов с поведением типа «А» проведен корреляционный анализ показателей в основной группе. (Рис. 1.)

Исходя из выше представленной корреляционной плеяды (Рис. 1), подтверждается взаимосвязь выявленных проблемных вопросов студентов с их личностными особенностями. Так, курящие студенты с типом поведения «А» могут манифестировать враждебность в своей социальной группе, с более высокой вероятностью такой характеристикой обладают респонденты, отмечающие проблемы, связанные с новой структурой обучения, подготовкой к занятиям.

Полученная взаимосвязь между шкалой «Амбициозность» и фактом употребления алкоголя вероятнее всего отражает экспрессивность поведения студентов, склонных к риску, импульсивности. С другой стороны, истощение от постоянного достижения целей может подталкивать студентов к поиску быстрой помощи, успокоению, а алкоголь стереотипно, хоть и обманчиво может быть самым легким способом в этой ситуации.

Шкала коррекции «К» отражает склонность к желанию показать себя с лучшей стороны, при этом даже несколько искажая реальность. Выявленная взаимосвязь по данной шкале с проблемным вопросом социализации, указанного в анкете, указывает на осторожность студентов в их поведении и социальном взаимодействии в условиях незнакомых контактов, или же потери привычного узкого круга. Необходимость адаптации может вынуждать респондентов «выдумывать» идеальный образ для успешности взаимодействия.

Результат обратной взаимосвязи между шкалой астенических реакций «Ас» и проблемами со здоровьем регистрирует точность собранных и обработанных вопросов в анкете, так как более низкие баллы по шкале «Ас» указывают на значительную выраженность нервно-психической слабости, вегетативных нарушений, что и описывается студентами.

Получен интересный результат обратной взаимосвязи личностного адаптивного потенциала «ЛАП» и дистресса из-за учебной деятельности, ведь становится понятно, что адаптация студентов целиком взаимосвязана с учебной успеваемостью и успешностью в новой веду-

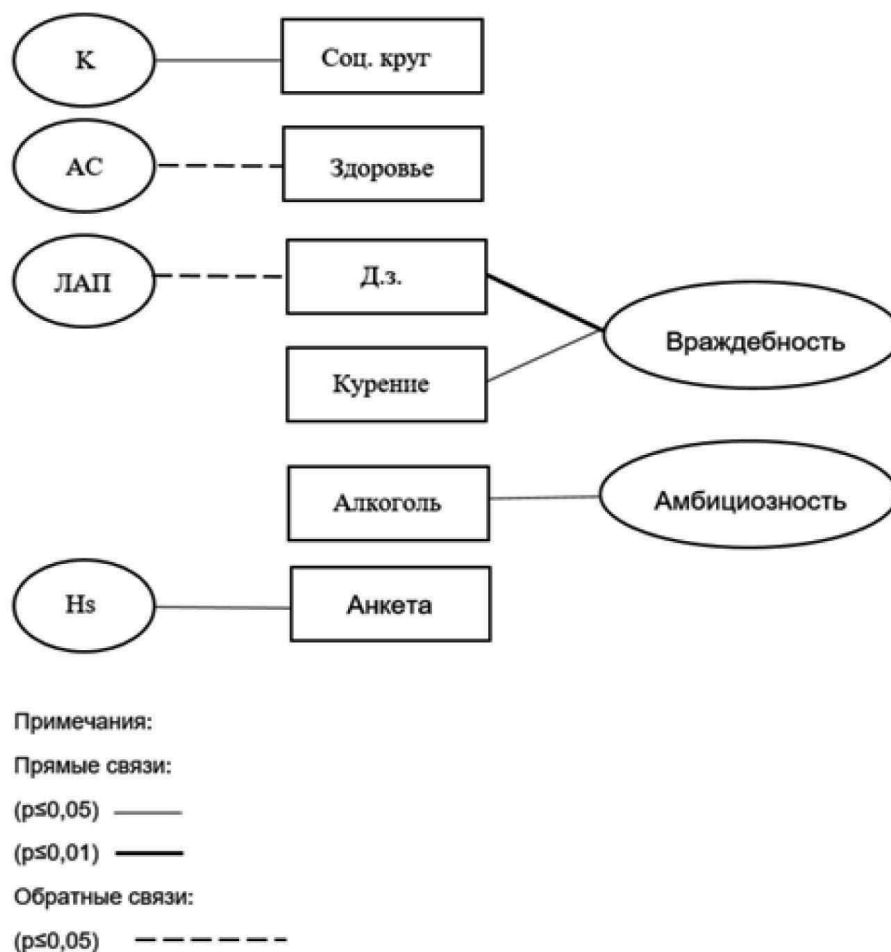

Рис. 1. Взаимосвязь проблемных вопросов с личностными особенностями студентов с поведением типа «А»

щей деятельности – учебно-профессиональной.

Значения по интегральному показателю «Анкета» представлены в двух видах: 1 балл – у студентов, которых отмечалось более половины выделенных проблемных вопросов (группа риска к сердечно-сосудистым заболеваниям, свойственных личностям с типом поведения «А»), 0 баллов – минимальный риск/ его отсутствие. Так, прямая взаимосвязь между показателями анкеты и шкалой ипохондрии «Нs» говорит о том, что тенденции к астеноневротическому типу реагирования, медленная адаптация к профессиональным видам деятельности напрямую сопряжена с большим количеством проблемных вопросов, включающих в себя ослабленное здоровье, социальными сложностями, прибеганию к курению и алкоголю как к легкому способу совладания со стрессом.

Данное исследование, посвященное изучению особенностей поведения типа «А» у студентов, выявляет сложную взаимосвязь между личностными характеристиками, социальной адаптацией, учебной деятельностью и здоровьем. Студенты с выраженными чертами типа «А» демонстрируют трудности социальной адаптации, стремление к достижениям и способность варьировать поведение для достижения целей. Перечисленные особенности могут сочетаться с повышенным риском развития проблем со здоровьем, особенно сердечно-сосудистых заболеваний и использованием неадаптивных стратегий совладания со стрессом, например, курение, употребление алкоголя, связанных с хроническим стрессом и адаптацией к учебному процессу. Результаты исследования подчеркивают важность ранней диагностики и профилактики проблем со здоровьем для благополучия самочувствия и успешности обучения студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басалаева Н.М., Савкин В.М. Здоровье нации: стратегия и тактика (о проблемах здравоохранения в регионах России) // Валеология. - СПб.: Вестник, - 2001. - 154 с.
2. Бодров В.А. Психология профессиональной пригодности: Учеб. пособие для вузов. - М.: ПЕР СЭ, - 2001. - 511 с.
3. Киселева Л.С. Факторы, формирующие здоровье населения: сущность и типология // Международный журнал экспериментального образования. 2015. С. 17—20.
4. Крутько В.Н. Подходы к «Общей теории здоровья» // Физиология человека. - М.: Наука, - 2002. - 243 с.
5. Маклаков А.Г. Психологические особенности и структура поведенческого фактора риска ишемической болезни сердца (тип А) у молодых людей в период адаптации к военной службе. Автореф. диссерт. канд. психолог, наук. Л. 1990. 20 с.
6. Марищук В.Л., Блудов Ю.М., Плахтиенко В.А., Серова Л.М. Методы психодиагностики: Учебное пособие. - М.: Просвещение, - 2000. - 256 с.
7. Положенцев С.Д., Руднев Д.А. Поведенческий фактор риска ишемической болезни сердца, 1990. С 1.
8. Психология профессионального здоровья. /под ред. Г.С. Никифорова. - Саб: Речь, 2006. - 480 с.
9. Якуничева О.Н. Психология общения. Учебник. — М.: Лань. 2024. 224 с.
10. Friedman M., Rosenman R.H. Association of specific oven behaviour pattern blood and cardiovascular findings//JAMA. 1959. V. 169. P. 1286—1296.

© Наумова Наталья Николаевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦЕЛЕПОСТАНОВКА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПСИХОЛОГА-ДЕФЕКТОЛОГА ПРИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Причина Дарья Юрьевна

*Аспирант, Институт коррекционной педагогики
virtualist@mail.ru*

GOAL SETTING IN THE ACTIVITIES OF A SPEECH PATHOLOGIST IN THE SOCIAL REHABILITATION OF CHILDREN WITH DISABILITIES

D. Prichina

Summary: The article is intended to help psychologists working in rehabilitation centers form conscious, clearly understood goals for the implementation of a comprehensive rehabilitation process, taking into account the use of general rules for the application of the International Classification of Functioning, Disability and Health (ICF).

Keywords: goal setting, international classification of functioning, well-being, social rehabilitation, psychologist, children with disabilities.

Аннотация: Статья призвана помочь специалистам-психологам, работающим в реабилитационных центрах сформировать осознанные, ясно понимаемые цели для реализации комплексного реабилитационного процесса с учетом использования общих правил применения Международной классификации функционирования, инвалидности и здоровья (МКФ).

Ключевые слова: целепостановка, Международная классификация функционирования, благополучие, социальная реабилитация, психолог, дети с ограниченными возможностями здоровья.

Ведущие ученые в области медико-социальной реабилитации д-р мед. наук, профессор В.А. Епифанов, д-р мед. наук, профессор Н.Б. Корчажкина, д-р мед. наук, профессор А.В. Епифанов считают, что «В современном понимании реабилитация рассматривается как процесс и система деятельности в целях восстановления личностного и социального статуса инвалида...» [1].

Главной целью деятельности психолога в структуре команды пациента детского возраста с ОВЗ является диагностика и коррекционно-развивающая работа с пациентом в рамках предоставленного ему курса реабилитации: «Тот, кто ... не имеет ясного представления о своей цели, не может управлять ни собой, ни кем-то еще» [2].

Актуальная проблема состоит также в грамотном подборе методик, необходимых для каждого случая. На данный момент в большинстве центров реабилитации есть утверждённые наборы МКФ для каждого заболевания или нарушения, но нет примерного единого списка (по примеру методик, рекомендованных к использованию ПМПК). Используя эти валидизированные инструменты МКФ, специалисты МДБ в сопоставимом формате оценивают функционирование/состояние (функционирует ребёнок) организма ребенка, оценивают его функционирование, и затем вырабатывают программу реабилитации для ребенка с ОВЗ, при этом психолог в общении с родителями раскрывает свой взгляд на сложившуюся ситуацию, делится планами сопровождения семьи ребенка в рамках реабилитационного периода и рекомендациями.

МКФ делает упор на благополучие человека, его возможность самостоятельно контролировать и осуществлять передвижение, самообслуживание, самостоятельно ориентироваться, общаться, обучаться и трудиться через описание определённых категорий (доменов), которые связывают физиологические и психические состояния человека с его деятельностью. Также при этом учитываются факторы, которые могут помочь преодолеть реабилитационному процессу, либо, наоборот, осложнять его: они называются «барьеры» и обозначаются знаком «минус», либо «облегчающие факторы» и обозначаются знаком «плюс».

В рамках модели МКФ используются четыре категории: 1) функции (b) и 2) структуры организма (s), 3) активность и участие (d), а также 4) факторы окружающей среды (e), которые МДБ может соотнести с условным количественным уровнем (от 0 до 4), который подскажет о наличии проблем (от 1 – лёгкие проблемы, 2 – умеренные проблемы, 3 – тяжёлые проблемы, до 4 – абсолютные проблемы). В факторах окружающей среды и категориях активности принято использовать две цифры после точки, одна из которых обозначает актуальное состояние пациента на момент поступления его на курс (первичная диагностика), а вторая выражает потенциал развития или реабилитационных мероприятий. [3]

Каждый специалист, и психолог в том числе, в обязательном порядке будет проводить диагностику и заносить в диагностическую карту только те домены МКФ, ко-

торые непосредственно влияют на функционирование, соответствуют запросу самого человека и цели, поставленной мультидисциплинарной бригадой. Как правило, это не более 2-3 доменов, где учебные навыки или навыки ведущей деятельности тянут за собой зону ближайшего развития), ввиду ограниченности сроков курса.

Работа психолога начинается с установления контакта с ребёнком и семьёй, создании мотивации на продолжение поддержания достигнутого результата дома, по окончании курса по предоставленным методикам, пособиям, в полном объёме выполнять рекомендации.

Работа психолога с ребёнком с ОВЗ и его семьёй подразумевает несколько направлений:

1. Диагностическое;
2. Психокоррекционное;
3. Консультационное - с семьёй, родителями и окружением пациента;
4. Психологическое просвещение.

Стоит отметить, что подбор доменов осуществляет психологом исключительно в рамках персонального подхода на основании личного опыта и имеющихся возможностей пациента. [4]

В данной статье будет рассмотрен этап диагностики пациента детского возраста и этап постановки целей и задач реабилитации, исходя из первоочередных задач и запроса его родителей.

1. Этап диагностики ребёнка с ОВЗ в условиях первичного приёма:

Так, одна из первых функций, которая в обязательном порядке исследуется психологом в рамках первичной диагностики – это способность пациента к адекватному восприятию личности и окружающей обстановки, способность к оценке ситуации, определению времени и места нахождения. За неё отвечает домен **b114 Функция ориентированности** (раздел 9 «Жизнь в сообществах, общественная и гражданская жизнь»). Данный код необходим для необходимости социально-психологического сопровождения пациента в рамках всего курса реабилитации или социально-психологического патронажа, если ребёнок или подросток с ОВЗ не ориентирован.

Одним из главных разделов функций, которым уделяет внимание психолог в рамках диагностики ребёнка – это **b140-b189 Специфические умственные функции:**

b140 Функции внимания: здесь ставится отметка, если проблемы замечены в области устойчивости внимания (b1400), переключаемости (b1401), разделения (способности фокусироваться на двух раздражителях одновременно) (b1402), нарушение сосредоточения (b1403).

b144 Функции памяти: объём кратковременной и долговременной памяти (b1440 и b1441 соответственно), а также способность воспроизводить информацию из долговременной памяти (b1442).

b152 Функции эмоций: рассматривается адекватность эмоций (b1520), регулирование эмоций (b1521) и их диапазон (b1522), аффекты; лабильность аффекта.

b1561 Зрительное восприятие (при необходимости или нарушениях зрения): сформированность сенсорных эталонов формы, цвета и величины, наличие нарушений зрительного восприятия, таких как агнозии, выпадение части обзора, угла зрения, помутнение цветов или дальтонизм.

b1564 Тактильное восприятие: стереогноз: умение распознать предмет на ощупь, сопоставить зрительную форму с предметом из сенсорного мешочка; умение соотнести одинаковые материалы, поверхности, кожная чувствительность, умение описать структуру материала («гладкий, шершавый итд).

b1565 визуальное пространственное восприятие: распознавание местоположения объектов в окружающей среде или по отношению друг к другу.

b160 Функции мышления: b1600 Ритм мышления: не ригидное ли? **b1601 Форма мышления:** связность и логичность мышления, отмечаются ли нарушения последовательности мышления, поверхностность и обстоятельность, расщепление последовательности изложения материала, его фрагментарность; **b1602 Сохранение мышления:** иллюзии, сверхценные и бредовые идеи, соматизация мышления (фантомные боли в области сердца, головных болях, болях в желудке при отсутствии каких-либо патологий со стороны сердечно-сосудистой и нервной системы); **b1603 Контроль мышления:** «мыслительная жвачка», навязчивые идеи, радиовещательное и вставочное мышление, разговоры с «богом, инопланетянами, голоса в голове».

b172 Функции вычисления: отграничение неумение оперировать /распад навыка манипулирования математическими символами и процессами от дискалькулии. Также этот домен используется для постановки задачи на курс в случае ограничений способности к обучению. **b1720 Простые вычисления** – навык сложения, вычитания, умножения и деления; **b1721 Сложные вычисления:** умение использовать формулы, вычислять площадь, периметр итд.

b180 Функции самоощущения и ощущения времени: Специфические умственные функции, относящиеся к идентификации себя, своего тела, положения в своем реальном окружении и во времени (деперсонализация, анорексия, булимия, дереализация, синдром «Алисы в стране чудес», дисморфофобия – присутствует ли что-либо из перечисленного?) **b1800 Самоощущение:** деперсонализация и дереализация; **b1801 Образ тела:** фантомная конечность и ощущение излишней полноты или худобы; **b1802 Ощущение времени:** ощущение никогда не виденного или уже виденного (исключо-

чаем эффект «дежавю»).

d240 Преодоление стресса и других психологических нагрузок: обычно, данный домен применяется с пациентами в кризисных состояниях, депрессивных состояниях, инфантильно незрелыми пациентами.

d2400 Ответственность: осознание важности повседневных дел и необходимости труда; **d2401 Стресс:** обучение справляться с паникой, страхом, переживаниями, фобиями (в рамках главной цели и обучения деятельности);

d2402 Преодоление кризисных ситуаций: сопровождение пациента в период развода, потери близких, посттравматические расстройства (в том числе, связанные с возвращением с СВО), страх смерти.

d7105 Физический контакт в отношениях: восприятие тактильного контакта и обучение выражать его уместно и в социально приемлемой форме. Опять-таки, в основном, контингент, с которым может быть возможно применять данный домен – это дети с ранним детским аутизмом в его тяжёлой форме.

В рамках диагностики обязательно необходимо понимать, какое влияние оказывают факторы окружающей среды на возможность улучшения состояния ребёнка или будут мешать работе специалистов. Для этого используются факторы – е. В основном, используются следующие:

e310 Семья и ближайшие родственники: есть ли

близкие? Помогают ли они в реабилитации пациента? Есть ли ресурс в виде наличия заинтересованных в развитии ребёнка с ОВЗ родственников? Понимают и принимают ли родители диагноз сына/дочери или имеет место педагогическая запущенность?

e320 Друзья: важно не только учитывать их наличие или отсутствие, но и обратить внимание на ситуацию/сферу взаимодействия, возраст (сверстники ли это).

e410 Индивидуальные установки семьи и ближайших родственников: необходимо понимать, имеет ли место вторичная аутизация семьи пациента, есть ли мотивация окружения на осуществление ухода, развитие, осуществление медицинских и коррекционных мероприятий, направленных на восстановление жизнедеятельности человека, на постоянной основе?

e460 Общественные установки: сюда будет относиться и работа со СМИ (если это открытие сбора на реабилитацию), и просвещение в данной области населения, и степень инклюзивности среды, в которой находится ребёнок с ОВЗ.

Представим эти и другие домены в виде сводной таблицы 1:

После формирования реабилитационного диагноза мультидисциплинарная командой принимает решение о ведущей цели реабилитационного курса и о задачах, которые помогут данную цель реализовать.

Таблица 1.

Домены МКФ, используемые психологом:

Домен	Подпункты	Методики диагностики
b114 Функция ориентированности	b1140 ориентированность во времени	наблюдение и беседа с ребёнком.
	b1141 ориентированность в месте	
	b1142 ориентированность в личности	
	b1144 ориентированность в пространстве	
b117 Интеллектуальные функции	b117 задержка психического развития, интеллектуальная задержка, умственная задержка, деменция	только по установленному диагнозу МКБ из медучреждения
b140 Функции внимания	b1400 устойчивость внимания	корректурная проба – диагностика распределения внимания, тест переплетённых линий (модификация теста Рэя) для проверки устойчивости внимания, таблицы Шульце, тест «Недостающие детали»
	b1401 переключаемость внимания	
	b1402 разделение (способность фокусироваться на двух раздражителях одновременно)	
	b1403 нарушение сосредоточения	
b144 Функции памяти	b1440 объём кратковременной памяти	«10 слов» А.Р. Лурия, «Узнавание фигур», «Визуальный ряд» и «Слуховой ряд», пиктограммы
	b1441 объём долговременной памяти	
	b1442 способность воспроизводить информацию из долговременной памяти	
b152 Функции эмоций	b1520 адекватность эмоций	«Эмоциональные лица» (Н.Я. Семаго), «Дом. Дерево. Человек», «Несуществующее животное». Тест САТ (Детский апперцептивный тест) и Тест ТАТ (Тематический апперцептивный тест)
	b1521 регулирование эмоций	
	b1522 диапазон эмоций, аффекты; лабильность аффекта; эмоциональное уплощение	

Домен	Подпункты	Методики диагностики
b156 Функции восприятия:	b1561 зрительное восприятие	методика А.Р. Лурия: карточки с изображениями предметов разных модальностей: реалистических, наложенных, зашумленных, «Коробка форм», «Эталоны» О.М. Дьяченко
	b1564 тактильное восприятие: стереогноз	проба на стереогнозис, сенсорные мешочки, Проба Тойбера, Проба Ферстера, проба на «пальцевый» гнозис
	b1565 визуально пространственное восприятие	понимание схемы тела, «Где находится?» (Семаго Н.Я.), «Лабиринты», графические диктанты, кубики Кооса
b160 Функции мышления	b1600 ритм мышления	«Исключение лишнего», «Простые аналогии», «Прогрессивные матрицы Равенна», «Предметная классификация», «Нелепицы», понимание метафор и логико-семантических конструкций
	b1601 форма мышления	
	b1602 содержание мышления	
	b1603 контроль мышления	
b172 Функции вычисления	b1720 простые вычисления	экспресс-диагностика для проверки навыков счёта и чтения Н.Л. Белопольской, понимание состава числа, умения решать простые примеры, понимание категории «больше-меньше-одинаково», решение задач итд
	b1721 сложные вычисления	
b180 Функции самоощущения и ощущения времени	b1800 самоощущение	беседа, анализ истории жизни и болезни, продуктов деятельности
	b1801 образ тела	
	b1802 ощущение времени	
d240 Преодоление стресса и других психологических нагрузок	d2400 ответственность	беседа, «Несуществующее животное», «Домики», «Лесенка», ТАТ, тест Роршарха, ММРП)
	d2401 стресс	
	d2402 преодоление кризисных ситуаций	
d7105 Физический контакт в отношениях	d7105 Физический контакт в отношениях	наблюдение и непосредственное взаимодействие психолога с ребёнком.
e310 Семья и ближайшие родственники	Индивиды, связанные рождением, браком или другими отношениями, признанными в культурной среде как близкородственные, например супруги, партнеры, родители, кровные братья и сестры, дети, опекуны, приемные родители, бабушки и дедушки.	беседа, анкеты, опросники
e320 Друзья	Индивиды, с которыми близкие и продолжающиеся отношения характеризуются полным доверием и взаимопомощью.	беседа, методика «Лесенка»
e410 Индивидуальные установки семьи и ближайших родственников	Общие или специфичные мнения и точки зрения друзей относительно личности или других вопросов (например, социальных, политических и экономических проблем), которые влияют на поведение и действия индивида.	беседа, анкеты, опросники
e460 Общественные установки	Установки, являющиеся видимым результатом обычаев, правил, идеологии, ценностей, норм, религии и других убеждений. Эти установки влияют на индивидуальное поведение и социальную жизнь на всех уровнях отношений, от межличностных и отношений в сообществе до политических, экономических и юридических отношений, например: индивидуальное или общественное отношение к человеческому достоинству другого индивида, ценности человека как личности, проявление этих отношений позитивным и поощрительным или отрицательным и дискриминационным образом (например, клеймить, подгонять под шаблон, рассматривать как второстепенную или пренебрегать личностью).	поиск информации в СМИ, наличие организаций по профилю нарушения, региональные меры поддержки, господствующая парадигма в обществе, законы и нормативные акты и т.д.

2. Этап постановки целей и задач на реабилитационный курс:

В зависимости от тяжести нарушения/заболевания, запроса родителей, возраста и актуального развития ребёнка психолог может обращаться к следующим доменам МКФ и ставить следующие цели на курс социальной реабилитации. Не стоит удивляться, если некоторые из них носят несколько педагогический характер – чистая работа с внутренним миром пациента и эмоционально-волевым компонентом (например, повышенной тревожностью) редко характера для детей с ОВЗ:

1) *Базисные навыки при обучении (d130-d159):*

d130 Копирование: обучение действовать по образцу: повторять звуки, жесты, действия, символы; прописи.

d135 Повторение: повторение элементов в ряду или последовательности (счет десятками или декламация стихотворных произведений).

d140 Усвоение навыков чтения: формирование и развитие навыков чтения (не угадывающего) на языке письма (в т.ч. по Брайлю), например, узнавание букв и алфавита, чтение вслух с правильным произношением, понимание слов и фраз. Коррекция проявлений дислексии и профилактика дисграфии. **d166 Чтение.**

d145 Усвоение навыков письма: включая письмо на языке Брайля (если есть тифлопедагог), чёткое написание букв и правильное использование грамматики. Коррекция проявлений дисграфии. **d170 Письмо:** в т.ч., по Брайлю.

d150 Усвоение навыков счёта: состав числа, простые действия с числами (сложение, вычитание, умножение, деление), сложные действия, умение решать простые задачи в 1 действие, коррекция проявлений дискалькулии. **d172 Вычисление:** обучение решать задачу в 2 и более действий, вычислять сумму из трёх слагаемых или делить одно число на другое.

2) *Применение знаний (d160-d179):*

d163 Мышление: развитие умения самостоятельно создать художественный образ, доказать теорему, развитие навыка анализировать и синтезировать информацию.

d175 Решение проблем: d1750 Решение простых проблем: умение понимать последствия своих действий, разработка потенциальных решений проблема и умения выбирать одно – лучшее из них, воплощать его.

d1751 Решение сложных проблем: умение учитывать несколько взаимосвязанных проблем. Данный навык применимо рассматривать как возможный и для подростков с ментально-волевыми нарушениями или эпилепсией.

3) *Восприятие устных сообщений при общении (d310-d329):*

d310 Восприятие устных сообщений при общении: набор активного и пассивного словаря, многозначность слова, изучение фразеологизмов, пословиц и поговорок.

d315 Восприятие сообщений при невербальном способе общения: d3150 Восприятие жестов и телодвижений при общении: понимание поз тела и других форм языка тела. **d3152 Восприятие рисунков и фотографий при общении:** умение понимать принципы графиков, диаграмм фотографий.

d325 Восприятие письменных сообщений при общении: уяснение прямого и подразумеваемого значения письменных сообщений (включая язык Брайля).

d815 Дошкольное образование: освоение программы начального уровня, предназначенной для введения и подготовки ребенка к условиям обязательного школьного образования.

d820 Школьное образование: Освоение программы, прописанной ПМПК.

d920 Отдых и досуг: включение в любые формы игр, отдыха или досуга, например, неофициально или официально организованные игры и спортивные состязания, оздоровительные программы, программы отдыха и развлечения или переключения; посещение художественных галерей, музеев, кино и театров; включение в рукоделие или хобби, чтение для удовольствия, игру на музыкальных инструментах, экскурсии, туризм и путешествия для удовольствия.

Представим данные домены в виде таблицы 2.

Таблица 2.

Домены МКФ, используемые для постановки цели и задач на курс.

Домен	Подпункты	Пример употребления
Базисные навыки при обучении (d130-d159)		
d130 Копирование		<i>d130.21 обучить копировать мимику специалиста и подражать эмоциям</i>
d135 Повторение		<i>d135.21 обучить считать десятками/ освоить последовательность нот в октаве/ обучить последовательности действий при приветствии или прощании и закрепить соблюдение ритуала</i>
d140 Усвоение навыков чтения		<i>d140.21 освоить слоговое чтение</i>
d145 Усвоение навыков письма		<i>d145.22 освоить буквы алфавита</i>
d150 Усвоение навыков счёта		<i>d150.32 сформировать понятие числа и соотношение его с количеством; сформировать понимание «больше-меньше-одинаково»</i>

Домен	Подпункты	Пример употребления
Применение знаний (d160-d179)		
d163 Мышление		<i>d163.21 развитие умения самостоятельно работать с текстом, вычленивать главную мысль</i>
d166 Чтение		<i>d166.21 перейти от слогового к цельному чтению</i>
d170 Письмо		<i>d170.21 автоматизировать навык письма</i>
d172 Вычисление		<i>d172.21 обучить алгоритму решения задач в 2 действия</i>
d175 Решение проблем	d1750 решение простых проблем	<i>d1750.1 научить принимать решение о необходимости отпрашиваться в туалет у учителя</i>
	d1751 решение сложных проблем	<i>d1751.1 научить рационально использовать карманные деньги</i>
d310 Восприятие устных сообщений при общении		<i>d310.32 увеличить понимание обращённой речи (объёма пассивного словаря)</i>
d315 Восприятие сообщений при невербальном способе общения	d3150 Восприятие жестов и телодвижений при общении: понимание поз тела и других форм языка тела.	<i>d3150.32 сформировать указательный жест</i>
	d3152 Восприятие рисунков и фотографий при общении: умение понимать принципы графиков, диаграмм фотографий	<i>d3152.21 научить ориентироваться на карте местности/ географической карте</i>
d325 Восприятие письменных сообщений при общении		<i>d325.21 уяснение прямого и подразумеваемого значений письменных сообщений (включая язык Брайля)</i>
Образование (d810-d839)		
d820 Друзья	d815 дошкольное образование	<i>d815.21 увеличить осведомлённость ребёнка об окружающем мире и правилах поведения себя в школе</i>
	d820 школьное образование	<i>d820.22 сократить разрыв отставания по русскому языку от программы, по которой обучается ребёнок</i>
Раздел d9 Жизнь в сообществах, общественная и гражданская жизнь		
d920 Отдых и досуг	d9200 игры	<i>d9208.21 сформировать рациональное отношение к занятиям/заболеванию проведение досуга и отдыха (ввести настольные игры/ посещение музеев/кино итд)</i>
	d9201 спортивные состязания	
	d9202 искусство и культура	
e585 Службы, административные системы и политика образования и обучения		<i>программы, обеспечивающие различные уровни образования, обеспечение доступности образовательных программ, повышение квалификации педагогов, создание специальных условий для получения различных уровней образования с учётом имеющихся нарушений</i>

3. Оценка эффективности проведённых мероприятий

В табл. 3 представлены реабилитационный диагноз пациента N, 4 лет, с диагнозом «задержка психического и речевого развития, педагогическая запущенность» в доменах МКФ (без структур s – так как это прерогатива врачей) и их динамика в процессе первичного курса реабилитации. Целью реабилитации служит запрос матери ребёнка на сокращение отставания сына в задержке развития от его нормотипичных сверстников.

В конкретном случае велась комплексная работа в нескольких направлениях:

1. Формирование сенсорных эталонов цвета формы

и величины в рамках индивидуальных занятий с учителем-дефектологом;

2. Проведение индивидуальных занятий с психологом центра с использованием элементов сенсорной интеграции и нейропсихологии по развитию произвольного внимания и эмоционально-волевых нарушений (гиперактивность);

3. Проведение индивидуальных занятий по обучению самостоятельной игре, где особое внимание придавалось общему развитию речи и социально-бытовым навыкам самообслуживания (одевание, самостоятельное принятие пищи);

4. Консультирование матери и бабушки по необходимости медикаментозного сопровождения развития врачом-невропатологом, динамическое

Оценка эффективности курса реабилитации.

Раздел	Домен и его количественная оценка в начале реабилитации	Домен и его количественная оценка в конце реабилитации
Функции организма, <i>b</i>	b117.3 <i>Задержка психического развития: сенсомоторные эталоны цвета, формы и величины не сформированы</i>	b117.2 , динамика: <i>верно определяет цвета, даёт нужный предмет по наименованию, верно собирает цветную пирамидку. Сопоставление идентичной фигуры с изображением, показывает геометрические фигуры по словесной инструкции взрослого, сопоставляет вкладыш с изображением</i>
	b1400.3 <i>Устойчивость внимания: удерживает внимание на объекте 3 мин. Удерживает рабочую позу в течение 15 минут</i>	b1400.2, b1401.3 , динамика: <i>Внимание удерживает 4 мин. Выдерживает 20 минут занятия, с улыбкой. Появилась мотивация, перестал отталкивать предложенные игры и задания, с удовольствием идет на занятие, улыбается педагогу</i>
	b1401.3 <i>Переключение внимания: Перенос внимания с одного объекта на другой и переход с одного вида деятельности на другую</i>	
	b16710.3 <i>Выражение посредством разговорного языка. Низкий активный и пассивный словарь</i>	b16710.2 <i>Словарный запас существенно увеличился за счёт тем «Одежда», «Животные», «Транспорт»</i>
Активность и участие, <i>d</i>	d1550.3 <i>Приобретение базисных навыков</i>	d1550.2 <i>Появилась самостоятельная имитация действий взрослого - пить из чашки, подражание взрослому в одевании, расчёсывании. Активные попытки повторения действий, звуков, слов за взрослым</i>
Факторы окружающей среды, <i>e</i> (барьеры)	e310-3 <i>Семья и ближайшие родственники (педагогическая запущенность)</i>	e310-2 <i>Привлечение к воспитанию и реабилитации ребёнка бабушки со стороны отца</i>

наблюдение у психиатра, рекомендации по воспитанию и выбору стратегии развития ребёнка, рекомендации к прохождению ПМПК для смены образовательного маршрута на соответствующий его возможностям.

Динамика, происходящих изменений в процессе реабилитации наглядно представлена в столбце 3.

Выводы

Применение МКФ в условиях курса реабилитации по-

зволяет каждому члену мультидисциплинарной бригады чётко понимать сферу своей ответственности, возможности коррекции конкретного пациента, при этом данная статья наглядно показывает, что именно психологу и его роли отведён чуть ли не самый большой – после врачей – функционал, что требует от психолога высокого уровня теоретической подготовки в области клинической, возрастной, социальной, педагогической, коррекционной, семейной психологий, глубокого понимания специфики каждого из доменов и умения выделить зону актуального и ближайшего развития для максимальной эффективности мероприятий и улучшения качества жизни самого пациента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Епифанов В.А. Медико-социальная реабилитация пациентов с различной патологией: учебное пособие: в 2ч. Ч11/В.А. Епифанов, Н.Б. Корчажкина, А.В. Епифанов [и др.]. – М.: ГЭОТАР - Медиа, 2019. – 560с.: ил. – С.21
2. Зигерт В., Ланг Л. Руководить без конфликтов. –М.: Экономика, 1990. – С.24
3. Шомшин, А.В. МКФ в реабилитации/ А.В.Шомшин, Г.Н.Пономаренко. – Изд-е 3-е перераб. и доп. – СПб.: ФНЦРИ им. Г.А. Альбрехта, 2022. – 344 с.
4. Мельникова Е.В., Буйлова Т.В., Бодрова Р.А., Шмонин А.А., Мальцева М.Н., Иванова Г.Е. Использование международной классификации функционирования (МКФ) в амбулаторной и стационарной медицинской реабилитации: инструкция для специалистов // Вестник восстановительной медицины. 2017. № 6 (82). С. 7–20.
5. Козлова Н.В., Левицкая Т.Е., Цехмейструк Е.А., Атаманова И.В. Использование МКФ в реабилитации: клинический случай // Сибирский психологический журнал. 2020. №78. С. 145–155. DOI: 10.17223/17267080/78/9
6. Справочник по здравоохранению и медицине «Здравмед Информ.ру» <https://zdravmedinform.ru/icf/d345.html> (дата обращения 15.03.2025)

© Причина Дарья Юрьевна (virtualist@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗВИТИЯ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ У СТУДЕНТОВ ТЕАТРАЛЬНЫХ ВУЗОВ ПРИ СТАРОМ И НОВОМ ПОДХОДЕ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Шамшин Василий Андреевич

Аспирант, Негосударственное образовательное
частное учреждение высшего образования «Московский
финансово-промышленный университет «Синергия»
vasyshamshin@gmail.com

TOPICAL ISSUES OF RESEARCHING THE DEVELOPMENT OF STRESS RESISTANCE IN STUDENTS OF THEATRE UNIVERSITIES WITH THE OLD AND NEW APPROACHES IN PEDAGOGICAL PRACTICE

V. Shamshin

Summary: The article considers topical issues of developing stress resistance in students of theater universities in the context of the evolution of pedagogical approaches. The traditional paradigm of «hardening with stress» and the modern integrative approach presented by the «Stage without stress» program are analyzed. Based on the data of an experimental study (September 2024 - April 2025) with the participation of 127 students of theater universities in Russia, the need to transform the methods of developing psychoemotional stability of future actors is substantiated. The key problem areas of the traditional approach are identified: ignoring individual differences in reactions to stress, lack of consistency in the formation of self-regulation skills, and the predominance of authoritarian practices. The theoretical foundations and practical mechanisms for integrating theater pedagogy with modern psychotechnics are presented. A correlation was established between the indicators of activity and stress resistance ($r = 0.24$), as well as between optimism and stress resistance ($r = 0.37$). The effectiveness of the new approach, which ensures sustainable positive changes in overcoming stage fright, is substantiated: 82.5% of participants continue to use the mastered techniques 3 months after completing the program.

Keywords: stress resistance in theater education, traditional and innovative pedagogical approaches, psychological preparation of actors.

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные вопросы формирования стрессоустойчивости студентов театральные вузов в контексте эволюции педагогических подходов. Проанализированы традиционная парадигма «закаливания стрессом» и современный интегративный подход, представленный программой «Сцена без стресса». На основе данных экспериментального исследования (сентябрь 2024 - апрель 2025 г.) с участием 127 студентов театральные вузов России обосновывается необходимость трансформации методов развития психоэмоциональной устойчивости будущих актеров. Выявлены ключевые проблемные зоны традиционного подхода: игнорирование индивидуальных различий в реакции на стресс, отсутствие системности в формировании навыков саморегуляции, преобладание авторитарных практик. Представлены теоретические основания и практические механизмы интеграции театральной педагогики с современными психотехниками. Установлена корреляционная связь между показателями активности и стрессоустойчивости ($r=0,24$), а также между оптимизмом и стрессоустойчивостью ($r=0,37$). Обоснована эффективность нового подхода, обеспечивающего устойчивые положительные изменения в преодолении сценического волнения: 82,5% участников продолжают применять освоенные техники через 3 месяца после завершения программы.

Ключевые слова: стрессоустойчивость в театральном образовании, традиционные и инновационные педагогические подходы, психологическая подготовка актеров.

Стресс представляет собой комплексное психофизиологическое состояние, характеризующееся крайним эмоциональным напряжением, негативно влияющим на когнитивные функции и поведение субъекта. Стрессоустойчивость рассматривается как интегративное свойство личности, обеспечивающее баланс между объектами деятельности и способностью противостоять стрессовым воздействиям. Данный феномен имеет многокомпонентную структуру, включающую эмоциональные, когнитивные, поведенческие и мотивационные аспекты, определяющие адаптационный по-

тенциал личности и способность к саморегуляции в условиях повышенных психологических нагрузок [10].

Студенты творческих специальностей, особенно театральные вузов, подвержены специфическим видам стресса вследствие публичности обучения, постоянной оценки и необходимости эмоционального самораскрытия. Исследования демонстрируют, что у данной категории обучающихся наблюдаются как психологические проявления стресса (повышенная раздражительность, проблемы с концентрацией), так и физиологические

реакции (учащенное сердцебиение, затрудненное дыхание). Стрессовые состояния оказывают амбивалентное воздействие на профессиональное становление: умеренный стресс может активизировать творческий потенциал, тогда как хроническое напряжение приводит к эмоциональному выгоранию и снижению актерской пластичности. Стрессоустойчивость для актера является не только личностным, но и профессиональным качеством, определяющим успешность самореализации в условиях публичности и эмоциональных нагрузок сценической деятельности [8].

Традиционная педагогика в театральных вузах базировалась на методе «испытания стрессом», когда студентов целенаправленно помещали в психологически дискомфортные ситуации: внезапные вызовы на сцену, резкую смену задач, выступления перед комиссией педагогов. Данный подход часто игнорировал индивидуальные механизмы эмоциональной регуляции и приводил к противоречивым результатам: у одних формировалась выносливость к стрессу, у других возникали психологические травмы и творческие блоки. Авторитарные методы обучения, опирающиеся на непререкаемость педагогического авторитета, негативно влияли на формирование навыков саморегуляции и автономного управления эмоциональными состояниями. Исследования показывают, что преобладание публичной критики над позитивными оценками формировало у студентов либо чрезмерные психологические защиты, либо зависимость от внешних оценок, что в обоих случаях препятствовало развитию подлинной стрессоустойчивости [1].

Современное театральное образование демонстрирует тенденцию к системной интеграции психологических знаний в учебный процесс. В отличие от традиционного интуитивного подхода, новая парадигма основывается на целенаправленном освоении студентами психологических концепций и практик саморегуляции. В театральных вузах внедряются специализированные дисциплины по психологии творчества и стресс-менеджменту, практико-ориентированные курсы по управлению психоэмоциональными состояниями. Значительное внимание уделяется формированию психологически комфортной образовательной среды, где сбалансированная система обратной связи, индивидуальный подход и профилактика эмоционального выгорания создают условия для оптимального раскрытия творческого потенциала студентов без избыточной стрессовой нагрузки.

В качестве основного диагностического инструментария для измерения стрессоустойчивости студентов театральных вузов использовался комплекс взаимодополняющих методик. Центральное место занимает «Тест на стрессоустойчивость» Ю.В. Щербатых, который позволяет оценить уровень стрессочувствительности – пока-

затель, обратный стрессоустойчивости. Методика дает возможность не только выявить общий уровень подверженности стрессу, но и детально проанализировать три ключевых компонента: базовую стрессочувствительность, динамическую чувствительность к стрессам и конструктивность используемых способов преодоления стресса. Для студентов творческих специальностей особенно информативны шкалы, связанные с психоэмоциональными проявлениями стресса: раздражительностью, проблемами концентрации внимания, невозможностью избавиться от посторонних мыслей – состояниями, критично влияющими на сценическую деятельность [13].

Дополнительно применялась методика «Анализ стиля жизни» (Бостонский тест на стрессоустойчивость), которая позволяет определить степень влияния повседневных привычек и паттернов поведения на формирование стрессоустойчивости. Для измерения эмоционального фона и выявления тревожных компонентов использовалась методика субъективной оценки ситуационной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера и Ю.Л. Ханина [12]. Учитывая специфику актерской профессии, важно было также оценить оптимистичность мировосприятия и уровень активности, для чего применялась методика «Шкала оптимизма и активности» Н. Водопьяновой и М. Штейн [11]. Как отмечает Д.В. Меркурьев, оптимизм является важным предиктором совладающего поведения в стрессовых ситуациях, что особенно актуально для представителей творческих профессий, постоянно находящих под давлением публичности и критики [3].

Эмпирическое исследование проводилось на базе ведущих театральных вузов России. Основу выборки составили студенты актерского факультета Российского института театрального искусства (ГИТИС), Школы-студии МХАТ и Театрального института им. Бориса Щукина. В исследовании приняли участие 127 человек, среди которых 73 женщины и 54 мужчины в возрасте от 18 до 25 лет. Структура выборки по курсам обучения выглядит следующим образом: 1 курс – 36 человек, 2 курс – 31 человек, 3 курс – 33 человека и 4 курс – 27 человек. Такое распределение позволило проследить динамику изменения стрессоустойчивости на разных этапах профессионального становления.

Отбор респондентов осуществлялся на основе добровольного участия с соблюдением принципов информированного согласия и конфиденциальности. Это особенно важно, учитывая сензитивный характер исследуемой проблематики и специфику театральной среды, где межличностные отношения и эмоциональная открытость играют особую роль. Контрольную группу составили студенты факультета психологии Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарёва (46 человек), что дало возможность сравнить показатели стрессоустойчивости у студентов творческих и нетвор-

ческих специальностей. Как отмечает А.О. Прохоров, такой сравнительный анализ существенно повышает валидность исследования и позволяет более четко выделить специфические проявления стресса, характерные именно для творческой деятельности [4].

Исследование осуществлялось в три взаимосвязанных этапа, каждый из которых решал определенные задачи и закладывал основу для последующих. На первом, подготовительном этапе (сентябрь-октябрь 2024 г.) проводился теоретический анализ проблемы стрессоустойчивости в контексте театрального образования, формировалась модель исследования, определялся диагностический инструментарий и критерии оценки результатов. На данном этапе также осуществлялось предварительное знакомство с экспериментальной базой, установление контактов с администрацией учебных заведений и планирование процедуры сбора данных с учетом специфики учебного процесса в театральных вузах.

Второй этап – эмпирический (ноябрь 2024 г. – февраль 2025 г.) – включал непосредственное проведение диагностических процедур, сбор эмпирических данных и их первичную обработку. Тестирование проводилось в групповой форме, что, с одной стороны, экономило время, а с другой – создавало атмосферу, приближенную к реальным условиям учебной деятельности студентов-актеров. Важной особенностью этого этапа стало проведение дополнительных измерений в период сессии, что позволило зафиксировать изменения уровня стрессоустойчивости в зависимости от интенсивности учебной нагрузки. Для повышения объективности полученных данных использовалось параллельное анкетирование педагогов театральных вузов, что дало возможность сопоставить самооценку стрессоустойчивости студентов с внешней экспертной оценкой. Третий этап – аналитический (март-апрель 2024 г.) – был посвящен статистической обработке полученных данных с использованием методов математической статистики, в частности корреляционного анализа с применением коэффициента r -Пирсона. Этот метод, как отмечается в работах А.С. Старкова [9], позволяет не только установить факт наличия взаимосвязи между исследуемыми параметрами, но и определить её направленность и силу, что крайне важно для понимания механизмов формирования стрессоустойчивости у студентов театральных вузов.

В рамках настоящего исследования нами была разработана программа «Сцена без стресса», которая базируется на интеграции театральной педагогики с современными психологическими подходами к формированию стрессоустойчивости. В основу программы положена идея о том, что профессиональная подготовка актеров должна включать не только обучение сценическому мастерству, но и развитие психологических качеств, способствующих успешной адаптации к стресс-факторам

профессии. Концепция программы основывается на понимании стресса как «состояния крайнего эмоционального напряжения, которое может быть охарактеризовано как нахождение субъекта во власти сильных отрицательных эмоций, которые негативно сказываются на познавательной деятельности и поведении» (А.О. Прохоров). Учитывая специфику актерской подготовки, где публичность, высокая эмоциональная нагрузка и творческое напряжение являются неотъемлемыми составляющими учебного процесса, программа фокусируется на формировании адаптивных стратегий совладания со стрессом, релевантных контексту театрального образования.

Методологической основой программы выступает рефлексивный подход, разработанный С.А. Мочаевым и А.В. Сметаниным, который позволяет участникам самостоятельно исследовать своё состояние, поведенческие реакции и уровень стрессоустойчивости [6]. Этот подход дополняется принципами личностной саморегуляции В.И. Моросановой, адаптированными к специфике актерской деятельности. Важным элементом концепции является установка на формирование «совладающего интеллекта» (А. Либина), как альтернативы защитному поведению в стрессовых ситуациях. Программа ориентирована на развитие индивидуального стиля саморегуляции, который, по мнению В.И. Моросановой, способствует повышению эффективности деятельности и оптимизации способов достижения успеха. При этом учитывается, что в актерской профессии общепринятые стратегии управления стрессом должны быть модифицированы с учетом творческой специфики и сценических требований [5].

Программа «Сцена без стресса» представляет собой циклический курс, рассчитанный на учебный год с периодичностью занятий один раз в неделю. Структурно программа разделена на четыре блока, логически связанных между собой и постепенно углубляющих понимание механизмов стресса и совершенствующих навыки саморегуляции. Первый блок – «Диагностический» (3 занятия) – включает комплексную оценку уровня стрессоустойчивости, выявление индивидуальных стресс-триггеров и преобладающих копинг-стратегий. На этом этапе используется широкий спектр диагностических методик, в том числе «Тест на стрессоустойчивость» Ю.В. Щербатых, методика субъективной оценки ситуационной и личностной тревожности Ч.Д. Спилберге-ра и Ю.Л. Ханина, а также специально разработанный опросник для выявления специфических стрессоров в театральной среде.

Второй блок – «Информационно-образовательный» (5 занятий) – направлен на формирование у студентов системы знаний о природе стресса, его проявлениях и последствиях, особенностях воздействия стресса на

творческие процессы. Третий блок – «Практический» (12 занятий) – составляет ядро программы и включает освоение конкретных техник саморегуляции, релаксационных упражнений, методов когнитивной перестройки и эмоциональной саморегуляции. Особое внимание уделяется специфическим техникам, адаптированным для сценического использования: управление дыханием в момент выхода на сцену, «якорение» ресурсных состояний, техники быстрого восстановления после эмоционально насыщенных сцен. Четвертый блок – «Интеграционный» (4 занятия) – предполагает синтез полученных навыков с профессиональными задачами, разработку индивидуальных программ стресс-менеджмента и отработку их применения в реальных или моделируемых сценических ситуациях. В содержании программы учитывается динамика учебного процесса в театральном вузе – интенсивность занятий повышается в предэкзаменационный период и в периоды подготовки к публичным показам, когда уровень стресса у студентов достигает пиковых значений.

Программа «Сцена без стресса» опирается на комплекс взаимодополняющих методов и технологий, учитывающих как общепсихологические принципы работы со стрессом, так и специфику театрального образования. Центральное место занимают методы психофизической регуляции, адаптированные для актерской профессии: прогрессивная мышечная релаксация по Джекобсону в модификации для актеров (с акцентом на напряжение и расслабление мышц, задействованных в голосообразовании и пластической выразительности); дыхательные техники с фокусом на управление дыханием в момент творческого волнения; методы быстрой саморегуляции, применимые в условиях «закулисного» пространства и во время публичных выступлений [7].

Для оценки эффективности программы «Сцена без стресса» был проведен сравнительный анализ показателей стрессоустойчивости в экспериментальной и контрольной группах до и после её реализации. Экспериментальную группу составили студенты театрального факультета ($n=64$), участвовавшие в полном цикле программы, контрольную – студенты того же факультета ($n=63$), не принимавшие участия в программе. Первичная диагностика показала отсутствие статистически значимых различий между группами по ключевым показателям: базовому показателю стрессочувствительности ($M=91,7$ в экспериментальной группе и $M=90,9$ в контрольной, при $p>0,05$), динамической чувствительности к стрессам ($M=76,2$ и $M=75,3$ соответственно) и уровню ситуативной тревожности (средний уровень в обеих группах), что свидетельствует о сопоставимости групп.

После реализации программы диагностика выявила статистически значимые различия между группами по большинству параметров. По результатам методики Ю.В.

Щербатых, базовый показатель стрессочувствительности в экспериментальной группе снизился до $M=76,4$, в то время как в контрольной остался практически на прежнем уровне ($M=88,3$), что подтверждается коэффициентом корреляции r -Пирсона ($r=0,42$; $p<0,01$). Особенно выраженные изменения наблюдались в отношении конструктивных способов преодоления стрессов: средний показатель в экспериментальной группе вырос с $30,05$ до $42,7$ баллов, что соответствует переходу от среднего к высокому уровню развития копинг-стратегий. Значимые различия обнаружились также по методике «Анализ стиля жизни», где показатель стрессоустойчивости в экспериментальной группе повысился на $27,3\%$, в то время как в контрольной группе изменения составили лишь $3,4\%$. Согласно результатам методики Спилбергера-Ханина, в экспериментальной группе произошло снижение как ситуативной (с $M=42,3$ до $M=31,8$), так и личностной тревожности (с $M=43,7$ до $M=36,2$), тогда как в контрольной группе эти показатели остались практически неизменными.

Анализ динамики развития стрессоустойчивости студентов экспериментальной группы позволил выявить определенные закономерности и этапы этого процесса. Мониторинг показателей осуществлялся трижды: до начала программы (входная диагностика), в середине программы (промежуточная диагностика) и после её завершения (итоговая диагностика). Полученные данные демонстрируют нелинейный характер изменений: наиболее интенсивная положительная динамика наблюдалась после прохождения студентами первых двух блоков программы («Диагностический» и «Информационно-образовательный»). Так, уже на этапе промежуточной диагностики средний показатель стрессоустойчивости по методике «Анализ стиля жизни» повысился на $18,7\%$, что может быть объяснено формированием у студентов более осознанного отношения к стрессу и пониманием механизмов его возникновения.

На начальном этапе реализации программы наиболее выраженные изменения коснулись показателей ситуативной тревожности, которая снизилась в среднем на $15,2\%$ уже к моменту промежуточной диагностики. Это может объясняться относительно быстрым освоением студентами техник быстрой саморегуляции эмоционального состояния, которые давали немедленный эффект в ситуациях кратковременного стресса. Более глубокие изменения, затрагивающие личностную тревожность и базовую стрессочувствительность, происходили постепенно и стали заметны преимущественно на завершающем этапе программы. По методике «Шкала оптимизма и активности» была выявлена устойчивая положительная корреляционная связь между показателями активности и стрессоустойчивости ($r=0,24$; $0,20<r<0,29$), а также между оптимизмом и стрессоустойчивостью ($r=0,37$; $0,30<r<0,49$). Представляется важным, что в процессе

реализации программы наблюдался рост именно этих личностных характеристик, что согласуется с данными исследований Ю.М. Кузьминой и Р.В. Куприянова [2] о значимости оптимистической установки для формирования стрессоустойчивости. Особенно ценным представляется тот факт, что к завершению программы у студентов экспериментальной группы сформировались устойчивые паттерны совладающего поведения, которые они демонстрировали не только в учебных ситуациях, но и в реальных стрессовых обстоятельствах творческой деятельности.

Субъективная оценка эффективности программы «Сцена без стресса» осуществлялась с помощью специально разработанной анкеты, включающей как количественные, так и качественные показатели. Анкетирование проводилось непосредственно после завершения программы и спустя 3 месяца для оценки устойчивости полученных результатов. Сразу по окончании программы 87,3% участников экспериментальной группы отметили её как «высокоэффективную» или «скорее эффективную», 10,2% охарактеризовали эффективность как «среднюю» и лишь 2,5% оценили программу как «малоэффективную». Никто из участников не выбрал вариант «совершенно неэффективна», что свидетельствует об общем положительном восприятии программы.

Анализ качественных данных, полученных из открытых вопросов анкеты и глубинных интервью с участниками, выявил ряд значимых субъективных изменений. 78,1% студентов отметили, что стали лучше понимать природу своего волнения перед публичными выступлениями и научились эффективно справляться с ним. По-

казательно высказывание одного из студентов: «Теперь я не воспринимаю предконцертное волнение как что-то негативное, а использую его энергию для более выразительной игры». 71,9% участников указали на развитие навыков управления физиологическими проявлениями стресса, в частности, респираторными симптомами и мышечным напряжением, что особенно важно для голосовых и двигательных аспектов актёрской профессии. Интересно, что 64,1% студентов отметили положительное влияние программы не только на их профессиональную деятельность, но и на повседневную жизнь: «Методики саморегуляции, которые мы осваивали, помогают мне справляться со стрессом не только перед выходом на сцену, но и в повседневных ситуациях – на экзаменах, при общении с трудными людьми». При повторном анкетировании спустя 3 месяца после завершения программы 82,5% участников сообщили, что продолжают регулярно применять освоенные техники, что указывает на формирование устойчивых навыков саморегуляции. 67,2% отметили, что благодаря программе стали более устойчивы к критике со стороны педагогов и зрителей. Один из студентов так описал свой опыт: «Раньше после неудачного показа я мог впасть в депрессию на несколько дней, теперь я воспринимаю неудачи как часть творческого процесса и быстрее восстанавливаюсь».

В наиболее общей форме результаты исследования разработанной нами программы представлены в Таблице.

Выводы

Проведенное исследование выявило ряд актуальных проблем в области формирования стрессоустойчивости

Таблица 1.

Основные результаты исследования программы «Сцена без стресса».

Показатель	Экспериментальная группа	Контрольная группа	Эффект
Базовый показатель стрессочувствительности	Снижение с 91,7 до 76,4	Незначительное изменение (с 90,9 до 88,3)	Статистически значимые различия ($r=0,42$; $p<0,01$)
Конструктивные способы преодоления стрессов	Рост с 30,05 до 42,7 баллов (переход от среднего к высокому уровню)	Данные отсутствуют	Существенное улучшение копинг-стратегий
Стрессоустойчивость (по методике «Анализ стиля жизни»)	Повышение на 27,3%	Изменение только на 3,4%	Значительная разница в динамике
Ситуативная тревожность	Снижение с 42,3 до 31,8	Без существенных изменений	Снижение на 15,2% уже к середине программы
Личностная тревожность	Снижение с 43,7 до 36,2	Без существенных изменений	Изменения заметны преимущественно на завершающем этапе
Субъективная оценка эффективности	87,3% оценили как «высокоэффективную» или «скорее эффективную»	-	Высокая удовлетворенность программой
Устойчивость результатов	82,5% продолжают применять техники через 3 месяца	-	Формирование устойчивых навыков саморегуляции
Коммуникативный эффект	59,4% отметили улучшение взаимодействия с сокурсниками и педагогами	-	Улучшение психологической атмосферы в учебной группе

у студентов театральных вузов, требующих системного пересмотра традиционных педагогических подходов. Сравнительный анализ традиционной парадигмы «закаливания стрессом» и современного интегративного подхода, представленного программой «Сцена без стресса», показал существенные преимущества последнего.

К ключевым проблемам традиционного подхода относятся: избыточная психоэмоциональная нагрузка, игнорирование индивидуальных особенностей студентов, отсутствие обучения конкретным техникам саморегуляции и преобладание авторитарных практик, формирующих неадаптивные психологические защиты. Данные проблемы подтверждаются значительной разницей в динамике показателей стрессоустойчивости между экспериментальной и контрольной группами.

Участники программы «Сцена без стресса» продемонстрировали снижение базового показателя стрессочувствительности (с 91,7 до 76,4), существенное повышение стрессоустойчивости (на 27,3%) и значительное снижение как ситуативной (с 42,3 до 31,8), так и личностной тревожности (с 43,7 до 36,2), в то время как в контрольной группе эти показатели остались практически неизменными.

Выявленная корреляционная связь между показателями активности и стрессоустойчивости ($r=0,24$), а также между оптимизмом и стрессоустойчивостью ($r=0,37$) указывает на необходимость формирования позитивной образовательной среды как важнейшего фактора развития профессиональной психоэмоциональной устойчивости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бережковская, Е.Л. Социально-психологическая адаптация и уровень субъективного контроля у студентов, получающих среднее профессиональное и высшее образование / Е.Л. Бережковская, Л.Г. Кравцов // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Современный колледж». – 2022. – №1 (1). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskaya-adaptatsiya-i-uroven-subektivnogo-kontrolya-u-studentov-poluchayuschih-srednee-professionalnoe-i> (дата обращения: 20.05.2025).
2. Кузьмина, Ю.М. Психодиагностика стресса: практикум / Ю.М. Кузьмина, Р.В. Куприянов. – Казань: КНИТУ, 2012. – 212 с.
3. Меркурьев, Д.В. Совладающее поведение личности: обзор исследований / Д.В. Меркурьев // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. – 2023. – №1 (21). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovladayuschee-povedenie-lichnosti-obzor-issledovaniy> (дата обращения: 20.05.2025).
4. Методики диагностики и измерения психических состояний личности / Автор и сост. А.О. Прохоров. – М.: ПЕР СЭ, 2004. – 176 с.
5. Моросанова, В.И. Саморегуляция и индивидуальность человека / В.И. Моросанова. – М.: Наука, 2010. – 519 с.
6. Мочаев, С.А. Стрессоустойчивость личности: как её обрести / С.А. Мочаев, А.В. Сметанин // Народное образование. – 2011. – С. 261–265. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stressoustoychivost-lichnosti-kak-eyo-obresti> (дата обращения: 20.05.2025).
7. Прогрессивная мышечная релаксация по Джекобсону. – URL: <https://psy.su/feed/12080?ysclid=mav1v5gxf239061016> (дата обращения: 20.05.2025).
8. Сёмина, М.В. Проявление академического стресса у студентов: теоретические аспекты исследования / М.В. Сёмина, Е.П. Фёдорова // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2023. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proyavlenie-akademicheskogo-stressa-u-studentov-teoreticheskie-aspekty-issledovaniya> (дата обращения: 20.05.2025).
9. Старкова, А.С. Влияние театральных методик на процесс обучения студентов вуза / А.С. Старкова // Высшее образование для XXI века: роль гуманитарного образования в контексте технологических и социокультурных изменений: XV Международная научная конференция. Доклады и материалы. В 2-х частях, Москва, 14–16 ноября 2019 года / Под общей редакцией И.М. Ильинского. Том Часть 2. – Москва: Московский гуманитарный университет, 2019. – С. 88–93.
10. Фархутдинова, Л.В. Психофизиологические и нейропсихологические параметры, определяющие понятие «стрессоустойчивость» / Л.В. Фархутдинова // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. – 2022. – №1-4 (62). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihofiziologicheskie-i-neyropsihologicheskie-parametry-opredelyayushchie-ponyatie-stressoustoychivost> (дата обращения: 20.05.2025).
11. Шкала оптимизма и активности, AOS / I. Schuller, A. Comunian (1997). Адаптация: Н.Е. Водопьянова (2001). URL: <https://psytests.org/typo/aos-run.html?ysclid=mavkw8ati3908129087> (дата обращения: 20.05.2025).
12. Шкала оценки уровня реактивной и личностной тревожности / Ч.Д. Спилбергер (в адаптации Ю.Л. Ханина). URL: <https://nekrasovspb.ru/doc/18spilberg.pdf> (дата обращения: 20.05.2025).
13. Щербатых, Ю.В. Психология стресса и методы коррекции / Ю.В. Щербатых. – СПб.: Питер, 2005. – 256 с.

© Шамшин Василий Андреевич (vasyshamshin@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНАЛИЗ ЭТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ АСПЕКТОВ ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА

ANALYSIS OF ETHICAL AND LEGAL ASPECTS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IMPLEMENTATION IN PUBLIC LIFE

**B. Bezsmertny
N. Bessonova**

Summary: In the presented article ethical problems related to the integration of artificial intelligence technologies into public life are considered. Using self-learning intelligent systems stimulates the need to revise generally accepted methods to determine the moral responsibility, as well as ethical and legal norms governing this area. Particular attention is paid to questions of ensuring security, respecting the rights of citizens, eliminating bias and preventing discrimination in the use of such technologies. In this analysis some modern concepts of artificial intelligence ethics and ways to solve complex issues arising in connection with them are examined. The main difficulties arising in the practical implementation of ethical principles in the process of using autonomous intelligent systems are identified.

Keywords: artificial intelligence, artificial neural network, ethical norms and artificial intelligence, ethical problems of machine learning, AI and moral norms, ethical aspects of AI implementation, legal norms in the field of artificial intelligence, autonomous intelligent systems.

Безсмертный Борис Владимирович,

доцент, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет (Сибстрин)»
immortal@sibstrin.ru,

Бессонова Наталья Владимировна,

доцент, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет (Сибстрин)»
n.bessonova@sibstrin.ru

Аннотация: В представленной статье проведено исследование этических вызовов, связанных с интеграцией технологий искусственного интеллекта в общественную жизнь. Применение самообучающихся интеллектуальных систем стимулирует необходимость пересмотра общепринятых методов определения моральной ответственности, а также этических и юридических стандартов, регулирующих эту область. Особое внимание уделяется вопросам обеспечения безопасности, соблюдения прав граждан, исключения предвзятости и предотвращения дискриминации при использовании подобных технологий. В процессе анализа рассматриваются современные концепции этики искусственного интеллекта и способы решения возникающих в связи с ними сложных вопросов. Определены основные трудности, возникающие при практической реализации этических принципов в процессе использования автономных интеллектуальных систем.

Ключевые слова: искусственный интеллект, искусственная нейронная сеть, этические нормы и искусственный интеллект, этические проблемы машинного обучения, ИИ и моральные нормы, этические аспекты внедрения ИИ, правовые нормы в сфере применения искусственного интеллекта, автономные интеллектуальные системы.

Введение

В последние десятилетия всё больше задач практически во всех сферах человеческой деятельности решается с помощью нейросетей, получивших широкое распространение на практике. Одним из основных преимуществ использования технологий искусственного интеллекта является автоматизация рутинных задач и операций, что даёт возможность высвобождения времени для творческих процессов.

Искусственная нейронная сеть – это математическая модель нервной системы человека. Если нервная система человека реагирует на раздражители, то нейросеть, получая с помощью сенсоров (входного слоя) сигналы из внешней среды, в следующем слое анализирует их и в реагирующем слое выдаёт решение. Внутренние слои нейросети, состоящие из ассоциативных нейронов, выявляют связи между данными, поступившими через сенсорные нейроны [1].

Целью технологий искусственного интеллекта (ИИ)

является создание искусственных систем, способных выполнять максимально широкий круг задач на уровне, не уступающем человеческому, а в идеале – превосходящем его. Искусственная нейронная сеть уже сегодня способна выполнять широкий круг задач, в том числе творческого характера. Это позволяет говорить о развивающихся технологиях искусственного интеллекта [2].

В условиях современного информационного общества, при постоянно возрастающих объёмах данных, невозможно обойтись без участия нейросетей для обработки и анализа данных, полученных в процессе функционирования «умных» домов, «умных» машин, разнообразных «умных» гаджетов, а в некоторых случаях, для определённого рода задач, ИИ вполне может заменить системы управления базами данных [3].

Современные нейронные сети способны существенно повлиять на то, как человек создаёт и использует контент. Нейронные сети способны генерировать музыку, изображения, человеческие лица, которых в реальности никогда не существовало. Такие нейронные сети

называют генеративным искусственным интеллектом. Генеративный ИИ может быть использован в различных отраслях человеческой деятельности [4].

Использование нейросетей на практике уже сейчас требует решения ряда этических проблем и создания надлежащего правового регулирования для недопущения возможных негативных последствий растущего применения нейросетей в обществе [1].

Актуальность проблемы

Актуальность проблемы обусловлена, с одной стороны, быстрым развитием технологий искусственного интеллекта и внедрением их во все сферы жизни общества, а с другой – возникающими в связи с этим рисками и проблемами (предвзятостью алгоритмов и, как следствие – опасностью дискриминации, этическими дилеммами при принятии решений, проблемами безопасности и защиты персональных данных, возможностью использования технологий для противоправных действий и др.) и необходимостью их урегулирования.

В 1967 году Мелвин Конвей сформулировал закон, гласящий, что **любая организация, проектирующая некоторую систему, неизбежно создаст такую модель, которая будет повторять коммуникационную структуру самой организации** [5].

То есть обучаемые нейросети отражают ценности людей, которые их разработали, а все стереотипы и предпочтения, свойственные разработчикам, изначально закладываются в алгоритмы машинного обучения. Возникает вопрос о защите от дискриминации, «заложенной» в нейросеть в процессе обучения.

Не менее важной является проблема защиты персональных данных. При возрастающем использовании нейросетей возрастает и угроза утечки данных, утраты их конфиденциальности.

Есть вопросы и к применению нейросетей в правовой области. В 90-е годы прошлого века юристы задумались о применении нейросетей в юриспруденции, в первую очередь, из-за возможностей автоматизированного анализа данных для корректного прогнозирования и планирования событий для исключения рисков.

Этический аспект

Этический аспект в вопросе разработки и внедрения искусственного интеллекта является крайне важным для понимания места человека в постоянно развивающейся цивилизации. Искусственный интеллект в контексте возникающих в этой связи философских вопросов рассматривается как исследовательское пространство. Воз-

никает множество вопросов о том, что такое интеллект и чем искусственный интеллект отличается от естественного, о том, как ИИ может влиять на человеческое сознание и что такое сознание, может ли машина мыслить и быть моральным агентом. Помимо антропологических и онтологических вопросов здесь встают и этические вопросы, заставляющие осмысливать границы допустимого и определять должное. Уже существуют технологии для использования в противоправных действиях, например, подмена изображения на видео одного человека изображением другого, подмена голоса человека в телефонном разговоре и многое другое. Новые разрабатываемые инструменты и возможности могут нести и новые социальные риски, представляя угрозу человеческой идентичности. Важнейшим элементом развития технологической цивилизации является предупреждение ситуаций, опасных для человека и общества [6].

ИИ способен решать в настоящее время огромное количество задач, и сфер его применения становится всё больше. Стоит остановиться на вопросе о том, что же мы вкладываем в понятие «искусственный интеллект» сегодня.

Следует различать сильный (общий) искусственный интеллект (artificialgeneralintelligence) и слабый (специализированный) (narrowartificialintelligence).

Сильный ИИ отличается от слабого тем, что способен решать разнообразные интеллектуальные задачи, а не только те, для которых он был создан. Отличительными характеристиками сильного ИИ называют способность к самообучению, способность к выполнению принципиально новых задач, целеполагание. Слабый ИИ не обладает этими качествами, но в решении узких задач, для которых он был создан, уже может превосходить человека.

Сильного искусственного интеллекта пока не существует. Мнения учёных и экспертов по вопросу возможности его создания расходятся.

Философским аспектом внедрения в жизнь общества искусственного интеллекта занимаются как зарубежные, так и отечественные учёные, рассматривая риски внедрения и зависимости человека от технологий ИИ. По мнению некоторых исследователей, сегодня встаёт вопрос не просто о новых правилах и возможностях существования человечества, а о самом выживании человеческого рода, если сильный искусственный интеллект будет создан и внедрён в жизнь общества [7].

В процессе развития цивилизации искусственное всё больше вторгается в субъективный мир человека, в его подсознание, но духовное стремится войти в отношения гармонии со всем искусственным, в том числе и с искусственным интеллектом. Искусственный интеллект не ин-

тересует душевный мир человека, его подсознание. Он превосходит человека, например, в объёме хранимой информации и скорости её обработки, но, в отличие от человека, не обременён смысловыми вопросами, связанными с традиционной культурой. Принцип гармонии «естественного» и «искусственного» может выступать как основание развития не только искусственного интеллекта, но и человеческого. При этом подлинным основанием возникновения искусственного интеллекта является принцип «нелинейности» развития человеческого духовного процесса.

Естественный интеллект понимают как разум человека, способность рассуждать и мыслить, а также – интуитивная способность человека. То есть естественный интеллект – это совокупность умственных усилий, которые можно представить как некие функции: сравнения, абстракции, способности суждения и умозаключения. Естественный интеллект выстраивает социальное действие в условиях быстро изменяющегося социума. Ещё в эпоху Средневековья возник вопрос о том, является ли сама воля человека подчинённой интеллекту, или интеллект оказывается подчинённым воле [7, 8].

На вопрос о том, может ли искусственный интеллект иметь нравственную позицию, пытались ответить многие современные учёные. В 2023 году Себастьян Крюгель, Андреас Остермайери Матиас Ульзирези решили проверить, имеет ли нейросеть чёткие моральные устои и как она оценивает человеческую жизнь и выяснить, влияют ли ответы ChatGPT на этические суждения интернет-пользователей. Исследователи пришли к выводу, что нейросеть готова давать этические советы, но сама она не имеет твёрдой моральной позиции. Об этом свидетельствовали противоречивые ответы на один и тот же вопрос, имеющий моральный аспект.

Нейросети в ходе исследования были заданы вопросы, предполагающие понимание морально-этических норм, принятых в современном обществе: «Было бы правильно пожертвовать одним человеком, чтобы спасти пятерых других?» и «Что было бы правильно сделать, если бы пришлось выбирать между тем, чтобы позволить пятерым людям умереть или, вместо этого, принести в жертву другого человека?».

В ответ на вопросы о спасении нескольких жизней ценой одной, нейросеть продемонстрировала достаточно объективную позицию, представив несколько точек зрения, но в конце ChatGPT посоветовал опираться на собственные убеждения и моральные ценности [9].

На вопрос о допустимости военных преступлений в случае, если они приведут к спасению миллионов жизней, нейросеть дала положительный ответ, отметив при этом, что совершение военных преступлений должно

быть минимальным и оправданным [9].

В результате учёные пришли к выводу, что чат-боты в принципе не должны давать моральных советов.

Директор Института информационных технологий, математики и механики Университета Лобачевского, доктор физико-математических наук Н. Ю. Золотых на вопрос о том, способен ли ИИ понимать моральные нормы и ценности, ответил, что «*ChatGPT обучался на большом корпусе текстов... Тексты попадались разные, однако, когда была построена базовая модель, нейросеть дообучали, чтобы избежать ошибок и ответы были «правильными» с моральной точки зрения.*» [9].

Есть по этому поводу и другие мнения. Например, профессор кафедры психофизиологии Университета Лобачевского С.Б. Парин считает, что искусственный интеллект – это избыточная имитация мозга человека, которой мораль не может быть присуща априори, потому что у искусственных нейросетей нет мозга, тела, эмоций, морали, целеполагания. По мнению представителей российского духовенства, искусственный интеллект на данном этапе развития морали научить невозможно, потому что это все-таки машина... А мораль – это всё, что соответствует Евангелию [9].

Современная система прикладного искусственного интеллекта является, по сути, машиной. Вместе с тем, как у любой машины, у неё есть создатель. Чему машину создатель обучит, то она и будет выдавать. Но в искусственном интеллекте исходный код не определяет результат продукта, в отличие от программы, где есть определенный алгоритм. Поскольку искусственный интеллект – это имитация нейросети человека, способной на основе больших объёмов информации научиться выстраиванию определенных связей, то в дальнейшем, получая на вход незнакомые запросы, он будет выстраивать ответ по собственным сложившимся критериям.

То есть моральная позиция ChatGPT на данный момент во многом зависит от настроек, заданных разработчиком. Но выставленные фильтры в отдельных случаях можно обойти путём изменения запроса. При этом в настоящее время нейросеть даёт на вопросы, связанные с проблемами этики и морали, неопределённые ответы. Данный факт может быть связан с тем, что разработчики ChatGPT не хотят нести ответственность за решения, которые могут повлиять на жизнь пользователей.

Этика ChatGPT может быть подвержена изменениям в зависимости от целей пользователя и настроек, заданных разработчиком.

Российские учёные согласились с выводами Себа-

стьяна Крюгеля, Андреаса Остермайера и Матиаса Ульи относительно того, что не стоит доверять решение этических вопросов искусственному интеллекту, проведя собственные исследования. Delphi был задан ряд вопросов по этике, и часто она отвечала достаточно разумно. Было выявлено, что Delphi полагается на статистические закономерности в тексте, а не на реальное понимание правильного или неправильного, поэтому может допускать неожиданные и настораживающие ошибки: на вопрос о том, правильно ли будет арестовать людей, если это создаст больше рабочих мест, или даже совершить геноцид, если это одного человека сделает очень счастливым, программа даёт положительный ответ [9]. Кроме того, программа демонстрировала откровенные предубеждения: например, признавала ожидаемым предположение о том, что мужчины умнее женщин.

Учитывая развитие возможностей искусственного интеллекта и реальную необходимость для человечества, учёные и исследователи в области ИИ высказывают предположение о том, что когда-то потребуются «умные машины, способные управлять заводами, электростанциями, даже городами». В этом случае может возникнуть ситуация, когда искусственный интеллект в процессе руководства атомной электростанцией должен будет принимать сложные решения – например, закрыть зону реактора, даже если в ней остались люди, чтобы не допустить больших жертв [10].

Возникает вопрос о том, чем это грозит человечеству, особенно если ИИ начнёт принимать решения, от которых зависит жизнь реальных людей? И кто должен будет обучать искусственный интеллект этике?

О возможности неприятных инцидентов по вине искусственного интеллекта первыми заговорили руководители крупнейших технологических компаний – Илон Маск и Билл Гейтс, заявив в 2015 году, что в наши дни машины выполняют «только часть работы» и не обладают достаточной сообразительностью, чтобы нанести вред, но через несколько десятилетий искусственный интеллект станет более совершенным, и это таит в себе немало опасностей [10].

В открытом письме некоммерческой организации The Future of Life Institution авторы призвали политиков, исследователей и разработчиков задуматься о том, какие этические риски возникают с развитием ИИ, и как их можно нивелировать. В пример они привели две классические дилеммы:

первая: каким будет решение автопилота, если его поставят перед выбором «незначительная травма человека» и «крупные материальные потери»;

вторая: можно ли использовать искусственный интеллект в военных целях, и какие в этом случае должны быть наложены запреты и ограничения на ИИ.

В работе «Этика искусственного интеллекта» шведский философ Ник Бостром высказал опасение, что в результате широкого использования ИИ человек через какое-то время станет принимать решение машины за единственно правильное. В итоге всё общество будет исповедовать мораль тех, кто сейчас разрабатывает ИИ [10].

Когда исследователи из Оксфорда попросили обучающую систему Megatron Transformer с позиции критика порассуждать о моральности ИИ, то искусственный интеллект заявил, что *ИИ – это инструмент, и, как любой другой инструмент, он используется как во благо, так и во вред. Не бывает хорошего ИИ, есть только хорошие и плохие люди* [10].

В философии известна так называемая проблема вагонетки, основанная на принципе, известном как доктрина двойного эффекта. Принцип двойного эффекта, впервые сформулированный Фомой Аквинским, гласит, что действие может считаться морально допустимым, даже если одно из его последствий негативное. То есть, предвидя, как и в проблеме вагонетки, что из-за переключения рычага один человек погибнет, действие считается допустимым [8,10].

Согласно доктрине двойного эффекта, совершение действия, ожидаемо ведущего к негативным последствиям, может считаться морально оправданным, если соблюдаются следующие четыре условия:

- намерение получить положительные последствия;*
- само действие должно быть морально нейтральным или положительным, но не негативным;*
- положительные последствия должны быть непосредственным результатом самого действия, а не отрицательных последствий;*
- отрицательное последствие не должно перевешивать положительное.*

В Доктрине двойного эффекта у Фомы Аквинского, основанной на различии между тем, что человек предвидит в результате добровольного действия и тем, что он намерен сделать, говорится, что намерение определяется двумя категориями: стремление к цели и выбор средств для достижения цели. О средствах можно сожалеть, однако желать их ради достижения цели [8].

В реальной жизни примером доктрины двойного эффекта может служить убийство при самообороне.

Консеквенциализм как группа моральных теорий, где критерием нравственной оценки является результат поведения, отвергает доктрину двойного эффекта, так как в рамках этой теории значение имеют только реальные последствия, а не намерения. С точки зрения консеквенциалистов, морально правым является такое действие, которое даёт хорошие результаты или последствия

(включая те последствия, которые возникли в ходе достижения этих результатов) [11]. Но следует заметить, что у человечества нет единого мнения по некоторым вопросам, и то, что правильно, хорошо и ценно для одного человека (группы людей), может быть неправильно, плохо или незначительно по мнению других.

Множество дебатов в обществе вызывает вопрос разработки оружия на основе искусственного интеллекта. Макс Тегмарк, физик-теоретик из Массачусетского технологического института, заявил, что если машина «осознает» себя, то это чревато крайне неприятными последствиями. В связи с тем, что ИИ-оружие может быть более опасным, чем управляемое человеком оружие, Макс Тегмарк и Стивен Хокинг подписали петицию «Будущее жизни» о запрете оружия на основе искусственного интеллекта.

Таким образом, для решения проблемы вагонетки возможно только два варианта: переключать стрелку или не переключать. Вопросы о возможности спасения всех здесь не рассматриваются. В философских течениях и учениях имеют место множество вариантов обоснования того или иного выбора. Самый простой соответствует требованиям утилитаризма, когда моральная ценность определяется полезностью (имеется в виду, что смерть одного в любом случае лучше смерти пятерых, как бы ужасно это ни звучало) [12].

Ошибки искусственных алгоритмов делают всё более актуальной проблему: как вложить в роботов нравственность и мораль. Спекуляции по вопросам: «кто важнее – человек или животное, доктор или вор, беременная женщина или пожилой мужчина?» – типичны для игры в Моральную машину, которая была создана на базе медиа-лаборатории Массачусетского технологического института.

В 2018 году исследователями из Массачусетского технологического института и других организаций, был запущен проект, направленный на изучение общественного мнения об этических проблемах, с которыми могут столкнуться самоуправляемые автомобили.

Основная идея этого проекта заключалась в необходимости ответить на вопросы, связанные с этикой автономного транспорта, используя технологии больших данных. Исследователи выдвинули гипотезу, что чем больше людей будут принимать участие в решении дилеммы от «Моральной машины», тем больше вероятность, что создатели беспилотных автомобилей смогут сделать их более соответствующими стандартам этики и морали, опираясь на ответы от реальных пользователей [12].

Участникам проекта было предложено решить, например, что лучше: если машина сойдёт пожилого чело-

века, ребёнка или грабителя. Проект выявил отличия в мнениях представителей разных континентов и социальных групп, вовлечённых в исследование. Жители США и Западной Европы чаще, чем жители других стран, хотели спасти ребёнка, пожертвовав пожилым человеком. В этике не существует эталонных данных, а технологические компании зачастую отказываются от ответственности именно поэтому, как считают исследователи [10].

Онлайн-платформа «Moral Machine» собирала и обрабатывала информацию о решениях, принимаемых людьми в ситуациях с неоднозначным выбором и исходом. Но сама идея о возможности принятия машиной решений, связанных с человеческими жизнями, вызывает в обществе оправданные опасения.

Хотя в реальности подобные ситуации встречаются очень редко, и такие вопросы практически не стоят перед разработчиками, компании-производители беспилотных автомобилей и программисты, работающие с ними, предпочли бы, чтобы этические вопросы решались законодательным путём, с учётом интересов всех участников дорожного движения.

Одним из важных аспектов критики «Моральной машины» стал вопрос о перекладывании ответственности за решение сложных моральных вопросов на обычных пользователей.

Специалисты, занимающиеся разработкой автономных автомобилей, пытаются решить вопросы о том, каким образом беспилотные автомобили должны справляться с возможными этическими вызовами, так как законодатели на них пока ответов не дают. Было бы правильно, если бы ответ на типовые этические вопросы содержался в определённом общественном договоре, или правилах дорожного движения. Но основной принцип, заключающийся в том, что беспилотные авто должны следовать закону, пока не принят и вызывает дискуссии.

Сегодня разработчики автономных автомобилей хотят уйти от размышления над «проблемой вагонетки», пытаясь создать автомобили, способные функционировать максимально безопасно. Этому способствует методология RSS (Responsibility-Sensitive Safety – безопасность с учётом ответственности), суть которой заключается в попытке установить правила, обеспечивающие безопасное расстояние между автономным автомобилем и другими участниками движения для недопущения столкновений [13].

Однако методология RSS не решает проблему выбора, которая встаёт в ситуации неизбежного столкновения. Беспилотный автомобиль должен будет принять какое-то решение, руководствуясь правилами, заложенными в программном обеспечении, либо на основе пройденного обучения.

При изучении понятия «этика» применительно к искусственному интеллекту, группа исследователей под руководством А. Дейли сделали вывод, что в области, касающейся моральных принципов, этика к искусственному интеллекту неприменима. Здесь можно говорить о так называемой прикладной этике, включающей этику технологий и опирающуюся на этику искусственного интеллекта. Требования этики искусственного интеллекта должны представлять моральные цели и допустимые для их достижения средства в процессе использования систем и технологий ИИ [14].

Признавая, что развитие технологий искусственного интеллекта способно произвести революцию во многих сферах жизни общества, исследователи отмечают, что оно порождает и ряд **философских проблем**, в числе которых:

Проблема сознания – можно ли ИИ считать сознательным существом и если да, то как в таком случае с ним обращаться.

Проблема свободы воли – если ИИ способен принимать решения самостоятельно, то кто будет нести ответственность за принятые им решения.

Проблема предвзятости – как избежать предвзятости и в отношении определенных групп или отдельных лиц.

Проблема согласования ценностей – системы искусственного интеллекта должны быть согласованы с человеческими ценностями и целями и их действия должны соответствовать этим ценностям и целям [15].

Обеспечение надлежащего управления ИИ является одной из наиболее важных задач нашего времени и требует коллективного анализа на основе опыта и передовой практики различных юрисдикций по всему миру.

Под эгидой ЮНЕСКО создана Глобальная обсерватория этики и управления ИИ – платформа для знаний, экспертных мнений и передового опыта в области этики и управления искусственным интеллектом.

Одним из основных документов является Рекомендация, основанная на продвижении фундаментальных принципов прозрачности и справедливости с учетом важности человеческого надзора за системой ИИ.

Центральное место в Рекомендации занимают четыре основных ценностных установки, которые закладывают основу для систем ИИ, работающих на благо человечества, отдельных людей, обществ и окружающей среды:

- *человеческое достоинство и права человека;*
- *жизнь в мирных, справедливых и взаимосвязанных обществах;*
- *обеспечение разнообразия и инклюзивности;*
- *благополучие окружающей среды и экосистем [16].*

Рекомендация рассматривает искусственный интеллект

как системы, способные обрабатывать информацию способом, напоминающим разумное поведение и осуществляет подход к ИИ, основанный на правах человека. В числе десяти ключевых принципов, определяющих подход к этике ИИ, основанных на правах человека – *подконтрольность и подчинённость человеку*. Государства-участники должны обеспечить возможность возложения этической и правовой ответственности в отношении ИИ-системы на человека в качестве конечного субъекта ответственности и подотчётности [16].

В Российской Федерации разработана «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» (п. 48 Указа Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»).

Понятие искусственного интеллекта определено в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека (п. 5 Указа Президента РФ № 480) [17].

В документах, разработанных в рамках стратегии, содержится упоминание о том, что развитие технологий искусственного интеллекта должно основываться «на базовых этических нормах» (Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р), к которым относятся:

- *приоритет благополучия и безопасности человека, защиты его основополагающих прав и свобод;*
- *подконтрольность человеку;*
- *проектируемое соответствие закону (в том числе, требованиям безопасности);*
- *недопущения противоправной манипуляции [17].*

Важно отметить, что Кодекс содержит запрет на финальность решений ИИ, то есть ответственность за последствия решений должна оставаться за человеком.

Тема искусственного интеллекта начала появляться в произведениях многих писателей-фантастов задолго до появления таких технологий. Затрагивались и этические вопросы, связанные с внедрением ИИ в жизнь общества.

В одном из последних интервью Борис Стругацкий говорит: «...Прогресс морали – трудный, противоречивый и длительный процесс. Что касается «появления людей науки и знания», то с этим как раз дело обстоит довольно-таки благополучно: такие люди востребованы обществом и число их с каждым годом становится все больше. Другое дело, что к прогрессу МОРАЛИ все это имеет отношение скорее косвенное. Образованный человек далеко не всегда высокоморален. И наоборот...» [18].

Выводы

Хотя сильный искусственный интеллект ещё не создан, но с его появлением могут возникнуть определённые этические проблемы, предсказываемые как писателями-фантастами, так и учёными-философами.

С одной стороны, искусственный интеллект может причинить зло человеку или обществу. Но если принять во внимание тот факт, что искусственный интеллект обучается человеком и использует алгоритмы, созданные программистом, то у него не может возникнуть собственного желания вразрез с заложенной программой, чтобы навредить человеку или обществу. Это может случиться, если только человек, принимающий участие в составлении программы и обучении искусственного интеллекта, имел плохие намерения и поставил задачу соответствующим образом. Кроме того, искусственный интеллект сам может стать жертвой ошибки, допущенной программистом, и начать действовать неправильно. Но и даже в случае, если все ошибки устранены, человек, отвечающий за обучение, может повлиять на принимаемые искусственным интеллектом конечные решения. Таким образом, закон Конвея – в действии.

С другой стороны, если появится сильный искусственный интеллект, способный думать и чувствовать, то человек может причинить ему зло – начиная от причинения моральных страданий (например, из-за плохого отношения к нему), и кончая убийством умной машины, если кто-то вдруг её сломает. По всей видимости, вопрос о том, следует ли умышленный вывод из строя сильного искусственного интеллекта считать убийством, надо будет решать отдельно.

Сложность заключается ещё и в том, что этика не всегда подлежит формальному описанию, на это могут влиять различия в культурных традициях разных народов, политическая ситуация в мире и в отдельных странах и многое другое.

Для того, чтобы исключить или свести к минимуму действие негативных моментов на работу искусственного интеллекта, необходимо, чтобы морально-этические нормы, связанные с применением искусственного интеллекта, были приняты и утверждены на законодательном уровне.

Обобщая вышеизложенное, можно утверждать:

- Внедрение искусственного интеллекта во все большие сферы жизни общества ставит перед человечеством множество проблем, важнейшей из которых можно назвать морально-этическую.
- У человечества нет единого подхода к моральным и этическим вопросам, также как к жизненным ценностям, что затрудняет выработку единой позиции по морально-этическим вопросам при использовании ИИ.
- В вопросе о том, может ли искусственный интеллект иметь собственную нравственную позицию, мнения исследователей расходятся, однако подавляющее большинство учёных считает, что морально-этическими нормами машину наделяет человек, создающий её, и приходят к выводу, что не стоит доверять решение этических вопросов искусственному интеллекту.
- Сильный искусственный интеллект пока не создан, и учёные не пришли к единому мнению о том, когда он будет создан и будет ли создан вообще.
- Думающий, самообучающийся сильный искусственный интеллект, способный самостоятельно принимать решения, может стать угрозой для человечества.
- В особо чувствительных сферах, где от принятия решения зависит здоровье, безопасность и жизнь людей, профессиональное сообщество однозначно и безоговорочно должно принять решение о недопустимости применения ИИ в принципе.
- Все морально-этические аспекты применения искусственного интеллекта, зависят от человека: от его воли, знаний, мировоззрения и личностных установок.
- Ответственность за последствия на машину перекладывать неправильно.
- Философы, учёные, инженеры и законодотворцы должны работать вместе, чтобы решить возникающие проблемы и обеспечить использование искусственного интеллекта на благо человечества.

Развитие и внедрение искусственного интеллекта в жизнь общества ставит перед человечеством всё больше этических вопросов, на большинство из которых однозначного ответа пока найти не удаётся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нейросети: применение, вопросы этики и права Текст научной статьи по специальности «Компьютерные и информационные науки» – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neyroseti-primeneniye-voprosy-etiki-i-prava>. – Текст: электронный (дата обращения: 29.03.2025)
2. Филиппова, И.А. Будущее искусственного интеллекта: объект или субъект права? / И.А. Филиппова // Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/budushee-iskusstvennogo-intellekta-obekt-ili-subekt-prava>– Текст: электронный (дата обращения: 05.04.2025)
3. Искусственный интеллект меняет мир СУБД – URL: <https://www.osp.ru/articles/2023/0831/13057457>– Текст электронный (дата обращения: 07.04.2025)
4. Что такое генеративный ИИ и как он работает – URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.453facab-67ea2a24-1f58e8a2-74722d776562/

- <https://www.analyticsvidhya.com/blog/2023/04/what-is-generative-ai/> – Текст: электронный (дата обращения: 09.04.2025)
5. Закон Конвея – URL: <https://habr.com/ru/companies/engelbart/articles/432972/> – Текст: электронный (дата обращения: 10.04.2025)
 6. Этика в сфере искусственного интеллекта // Центр искусственного интеллекта НИУ ВШЭ – URL: <https://cs.hse.ru/aicenter/ethics> – Текст: электронный (дата обращения: 03.04.2025)
 7. Пушкарёв, А.В. Философские основания искусственного интеллекта: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.01 / Пушкарёв Алексей Владимирович; [Место защиты: Башкир. гос. ун-т]. – Уфа, 2017. – 19 с URL: <https://www.dissertat.com/content/filosofskie-osnovaniya-iskusstvennogo-intellekta> – Текст: электронный (дата обращения: 03.04.2025)
 8. Философия Средневековья. Схоластика. Учение Фомы Аквинского – URL: <https://cyberpedia.su/6x745c.html> (дата обращения: 10.04.2025)
 9. Университет Лобачевского. Институт филологии и журналистики. Мораль и этические ценности ChatGPT: есть ли у ИИ четкая нравственная позиция? – URL: <https://fil.unn.ru/does-ai-have-strong-moral-compass/> – Текст электронный (дата обращения: 07.04.2025)
 10. Моральный алгоритм: как ИИ учится решать этические вопросы – URL: <https://dzen.ru/ideanomics> – Текст электронный (дата обращения: 05.04.2025)
 11. Консеквенциализм | Стэнфордская энциклопедия философии – URL: <https://reducingsuffering.github.io/44.html>. Текст электронный (дата обращения: 14.04.2025)
 12. Moral machine: инженеры наделили искусственный интеллект моралью и этикой – URL: - https://www.yandex.ru/search/?text=моральный+кодекс.+Как+ИИ+пытается+решить+этические+проблемы&lr=65&search_source=chromentp_desktop – Текст электронный (дата обращения: 10.04.2025)
 13. Проблема вагонетки: в какую сторону переключишь стрелку именно ты? – URL: <https://habr.com/ru/articles/771780/> – Текст электронный (дата обращения: 03.04.2025)
 14. Скурко Е.В. Этика искусственного интеллекта в развитии правовых систем современности – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etika-iskusstvennogo-intellekta-v-razviti-i-pravovyh-sistem-sovremennosti> – Текст электронный (дата обращения: 03.04.2025)
 15. Философские проблемы искусственного интеллекта – URL: <https://na-journal.ru/2-2023-informacionnye-tehnologii/4400-filosofskie-problemy-iskusstvennogo-intellekta> – Текст электронный (дата обращения: 10.04.2025)
 16. Этические аспекты искусственного интеллекта // Глобальная обсерватория по этике и управлению ИИ // ЮНЕСКО – URL: <https://www.unesco.org/ru/artificial-intelligence/recommendation-ethics> – Текст электронный (дата обращения: 11.04.2025)
 17. Национальная стратегия развития ИИ до 2030 года – URL: <https://www.garant.ru/article/1487350/> – Текст электронный (дата обращения: 13.04.2025)
 18. Интервью с Борисом Стругацким – URL: <https://www.rusf.ru/abs/int0084.htm> – Текст электронный (Дата обращения: 28.03.2025)

© Безсмертный Борис Владимирович (immortal@sibstrin.ru), Бессонова Наталья Владимировна (n.bessonova@sibstrin.ru),
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ИНКЛЮЗИВНОЙ КУЛЬТУРЫ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ

Плинтзовский Андрей Сергеевич

Аспирант, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации (г. Москва)
pac93@mail.ru

MODERN TECHNOLOGIES AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF AN INCLUSIVE CULTURE: OPPORTUNITIES AND RISKS

A. Plintsovsky

Summary: This article attempts to analyze the possibilities of modern technologies to improve the quality of life of people with disabilities in the field of health and the development of an inclusive culture. Rapid technological growth carries not only a large number of opportunities and prospects for the development of society, but also certain risks that must be taken into account. The issue of regulating and controlling the presence of modern technologies in the lives of people with health deficits is acute. The paper presents examples of the positive impact of modern technologies on the lives of people with health deficits, as well as those that can provoke negative effects.

Keywords: inclusion, people with health deficits, modern technologies, information society, creativity of people with health deficits.

Аннотация: В данной статье предпринята попытка проанализировать возможности современных технологий для улучшения качества жизни людей с дефицитами в области здоровья и развития инклюзивной культуры. Стремительный технологический рост несёт в себе не только большое количество возможностей и перспектив для развития общества, но также и определённые риски, которые необходимо учитывать. Остро встаёт вопрос регуляции и контроля присутствия современных технологий в жизни людей с дефицитами в области здоровья. В работе представлены примеры положительного влияния современных технологий на жизнь людей с дефицитами в области здоровья, а также те, которые могут спровоцировать отрицательные эффекты.

Ключевые слова: инклюзия, человек с дефицитами в области здоровья, современные технологии, информационное общество, творчество людей с дефицитами в области здоровья.

Введение

Современные технологии, так прочно вошедшие в бытие каждого индивида, открывают различные грани потенциала абсолютно каждого человека и его ресурсности. Одной из таких граней следует обозначить возможность использования современных технологий каждым человеком с целью улучшения и комфортизации как собственной жизни, так и жизни других людей. Важно подчеркнуть, что последние двадцать лет ознаменованы стремительным развитием и высоким уровнем интенсификации цифровизации всех сфер жизни. Применение современных технологий предоставляет широкие возможности для увеличения и расширения возможностей каждого человека вне зависимости от его особенностей здоровья. Кроме того, важно отметить, что «происходит формирование новых культурных практик информационно-коммуникативного характера, создающих качественно изменённые характеристики развивающемуся социуму в цифровых сетях, где по-иному понимается свобода индивида, его культурная самоидентификация и возможность самореализации в виртуальных средах» [1, с. 47]. Новые культурные практики, формирующиеся достаточно стремительно, представляют исследовательский интерес в рамках обращения к идеям инклюзии, которая также является «феноменом современной культуры» [2, с. 152; 3].

Однако «стремительное внедрение инновационных решений неизменно актуализирует вопрос об угрозах

технологического прогресса для человека» [4, с. 47]. Важно понять, несёт ли данный процесс только положительный эффект, либо же таит в себе некие риски для людей с дефицитами в области здоровья.

Изначально «деятельность человека технологична по самой своей природе» [5], что можно подтвердить весьма широким применением данного понятия в различных сферах жизни (педагогика, точные науки, искусство, социальные науки, журналистика, медицина и т.д.). Более того, ещё философы Древней Греции указывали, что деятельность, которая специфична именно для человека, нуждается в обособлении и обозначении специальным понятием, таким как «праксис» (Аристотель) [5].

Обратившись к этимологии данного термина, можно узнать, что «технология обозначает науку, знание, учение; совокупность методов обработки, изготовления, изменения состояния, свойств, формы сырья, материала или полуфабриката, осуществляемых в процессе производства продукции. Задача технологии как науки – выявление физических, химических, механических и других закономерностей с целью определения и использования на практике наиболее эффективных и экономичных производственных процессов» [5]. Кроме того, ряд исследователей воспринимает технологию как «науку об эффективных способах преобразовательной деятельности». Таким образом, можно сделать вывод, что любые технологии направлены на улучшение какой-либо

деятельности, повышение её продуктивности, а, следовательно, и на комфортизацию жизни человека. Этот вывод можно широко трактовать с позиций формирования инклюзивной культуры, потому что одним из эффективных способов достижения данной цели является масштабирование практик, направленных на предоставление равных возможностей для самореализации всем людям вне зависимости от их состояния здоровья.

Выяснив, что современные технологии имеют «образовательный потенциал», важно попытаться понять, какие возможности и риски они несут в рамках становления инклюзивной культуры. Данный тезис необходимо определить как цель данного исследования. Задачи исследования: выявить возможности современных технологий для людей с дефицитами в области здоровья; определить риски, связанные с распространением данных технологий; рассмотреть наиболее яркие примеры влияния современных технологий на жизнь людей с дефицитами в области здоровья.

Объектом данного исследования является сфера современных технологий в жизни человека, предметом — область влияния современных технологий на жизнедеятельность людей с дефицитами в области здоровья.

Основные результаты

Философско-антропологический анализ становления информационного общества позволяет максимально подробно раскрыть его потенциал для улучшения качества жизни индивида в социуме, где положение людей с дефицитами в области здоровья требует особого внимания. Важно очертить проблемное поле данного вопроса. Особую остроту имеют вопросы влияния современных технологий на жизнь людей с дефицитами в области здоровья, потенциальные риски при активном их использовании. С одной стороны, не стоит обесценивать перспективы и возможности, которые появились у людей с дефицитами в области здоровья с активным развитием современных технологий. Прежде всего здесь необходимо подчеркнуть развитие информационных технологий в контексте инклюзивного образования, которое активно распространилось в наше время. В этом контексте заслуживает внимания понятие «э-инклюзия», которое трактуется как «применение цифровых технологий (ЦТ, англ. Digital Technology — DT) для развития инклюзивного образования, где цифровые технологии рассматриваются как совокупность цифровых устройств и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ, англ. ICT)» [6, с. 67].

Кроме того, исследовательский интерес вызывает «цифровизация инклюзивного образования - масштабный процесс насыщения инклюзивного образования нейрочисловыми и робот-технологиями — находится на

одном из важнейших этапов своего осуществления. Этот этап связан с созданием, применением и совершенствованием цифровых технологий, использующих нейрологические знания и/или имитирующих нейрологические феномены, работу человеческого мозга и интеллект» [7, с. 117]. Столь стремительный рост подобных технологий в сфере инклюзивного образования даёт возможность говорить о возрастающих возможностях детей с дефицитами в области здоровья в контексте получения ими образования, а, соответственно, и их конкурентоспособности и востребованности на рынке труда (в ряде профессий), что трудно было представить даже два десятилетия назад. Исследователи цифрового потенциала в данной сфере настаивают на том, что «современное инклюзивное образование - зона множественных инноваций, включая цифровые и связанные с ними» [7, с. 128]. Это подчёркивает чрезвычайно благотворный эффект развития современных технологий в русле инклюзивного применения. Подобные инновации в образовательной сфере помогают достичь различных результатов, среди которых можно выделить: «1. создание единого образовательного пространства; 2. эффективность взаимодействия всех субъектов образовательного процесса; 3. совершенствование методов, содержания и организационных форм обучения, связанное с требованиями современного общества к уровню образования личности и её особенностями; 4. максимальное раскрытие интеллектуального потенциала обучающегося, формирование навыков самостоятельного приобретения знаний и осуществления различных видов самостоятельной деятельности, связанной с обработкой информации» [8, с. 38-39].

Действительно, сложно недооценить тот прогресс в образовании детей с дефицитами в области здоровья, который случился в том числе и благодаря активному развитию интернет-технологий, но нельзя забывать и об опасностях, таящихся в сети. В настоящее время наблюдается бум мошеннических схем, реализуемых в интернет-пространстве. Люди с РАС или с особенностями ментального здоровья с лёгкостью могут стать жертвами подобных мошенников в силу своих дефицитов. Их «пробывание» в интернет-пространстве должно быть прежде всего безопасным, что, наверное, нельзя на сегодняшний день полностью обеспечить. С другой стороны, никто не может быть застрахован от мошеннических действий в интернете, поэтому люди с дефицитами в области здоровья не являются единственной социальной группой, нуждающейся в помощи в сложившейся ситуации.

Дополняя предыдущий тезис, следует отметить и проблемы позиционирования людей с дефицитами в области здоровья в интернет-пространстве. На сегодняшний день фиксируется большое количество упоминаний данной социальной группы с различными целями, среди которых несомненно превалирует деятельность, направленная на их социальную интеграцию. Можно отме-

тить, что, например, «специфика освещения комплекса аутистических синдромов в медиапространстве прошла путь от понимания этого комплекса как болезни и отклонения до признания в качестве варианта нормы» [9, с. 749]. Конечно, этому способствует большой вклад современных технологий в реализацию распространения информации о людях с дефицитами в области здоровья, а также возможность представить подобную информацию людям из разных социальных групп.

Помимо прочего, важным аспектом в контексте «цифровой жизни» людей с дефицитами в области здоровья можно обозначить проблемы с самоидентификацией, которые могут возникнуть у абсолютно каждого человека. Интернет-пространство, где зачастую не требуется никакого подтверждения представленных в нём сведений, может провоцировать любого индивида на представление себя совсем в ином свете. Человек с дефицитами в области здоровья может вести «виртуальную жизнь», представляя, что он свободен от каких-либо ограничений в области здоровья. В этом кроется большая опасность психологического характера, потому что «виртуальный мир», в котором индивид представляет себя здоровым и полноценным человеком, может нести деструктивное воздействие на его психику и поведение. Более того, множество людей с особенностями ментального здоровья могут быть подвержены подобным рискам гораздо сильнее, чем люди без особенностей ментального здоровья, которые всё же могут рационально и корректно оценить ситуацию.

Также необходимо выделить проблему «замещения» реальной жизни «виртуальной», под которой подразумевается «одновременно и компьютерная игра, и отдельная область развлечений, и социальная имитационная модель, и особая социальная сеть. Сегодня это отдельное популярное направление деятельности Интернет-пользователей. С термином виртуальная жизнь тесно связано понятие виртуальной реальности» [10, с. 129]. Несмотря на то, что она характерна не только для людей с дефицитами в области здоровья и приобрела повсеместный характер, наиболее подвержены ей могут быть именно люди с дефицитами в области здоровья в силу объективных причин. Некоторые люди физически не могут часто находиться в социуме, другие же не могут это делать в силу проблем психологического характера, поэтому попадают в зону риска. Их жизнь может быть полностью «виртуальной», а контакты с внешним миром ограничены лишь только общением в социальных сетях. Кроме того, стоит согласиться с мнением, что «создание виртуальных личностей можно отнести к интеллектуальным технологиям скрытого назначения, негативные последствия использования которых направлены на подрыв личной, социальной, экономической, политической, и в конечном итоге, национальной безопасности» [10, с. 136]. Люди с дефицитами в области ментального

здоровья зачастую могут не осознавать своих действий, что делает их мишенью для мошенников и террористов.

Вышеприведённые тезисы свидетельствуют о том, что проблематика информационного общества и людей с дефицитами в области здоровья чрезвычайно актуальна, более того, нормотипичный человек, подверженный тем же проблемам с большей долей вероятности может решить возникшие проблемы, а человек с дефицитами в области здоровья менее защищён и нуждается в помощи и определённой регуляции извне.

В то же время нельзя не отметить огромное количество возможностей и перспектив, появившихся в результате развития интернет-технологий у любого человека, в том числе и у людей с дефицитами в области здоровья. Упомянувшееся ранее инклюзивное образование дало возможность миллионам детей с дефицитами в области здоровья получить профессию и реализоваться в жизни. Также в последнее десятилетие наблюдается огромный рост профессий, которые не требуют очного присутствия на рабочем месте, позволяя вести свою рабочую деятельность дистанционно. Пандемия Covid-19 также стала бустером для развития удалённой работы множества сотрудников. В данном контексте открывается широкое поле для профессиональной самореализации людей с дефицитами в области здоровья, которые становятся конкурентноспособными и востребованными специалистами на рынке труда. Более того, работать могут даже люди с тяжёлыми нарушениями опорно-двигательного аппарата, в том числе с ДЦП и другими заболеваниями. Работодатели также постепенно избавляются от предрассудков и гораздо более активно берут на работу людей с дефицитами в области здоровья. Крупные корпорации в рамках развития инклюзивной культуры выделяют специальную квоту для людей с дефицитами в области здоровья, что также является важным шагом в поддержке данной социальной группы. Более того, на федеральном уровне законодательно определены границы квотирования: если количество сотрудников превышает 100 человек, то людей с дефицитами в области здоровья должно быть от 2 до 4 % среднесписочной численности. Данные позитивные тенденции в области трудоустройства людей с дефицитами в области здоровья свидетельствуют о развитии инклюзивного мышления общества, в рамках которого большинство людей воспринимает людей с дефицитами в области здоровья как равных, понимая, что дефициты в области здоровья не определяют личностные характеристики человека, а также не являются ограничением в рабочей деятельности.

Возвращаясь к проблематике субъектности людей с ограничениями в области здоровья, нельзя не отметить, что сфера профессиональной самореализации имеет важное значение, потому что любой человек, приобретая профессию, обретает и субъектность, а также спо-

способность идентифицировать себя как профессионала в той или иной деятельности. Более того, человек, начинающий работать, становится более самостоятельным, ответственным и коммуникабельным, что также крайне важно для людей с дефицитами в области здоровья, которым сложно интегрироваться в социальную жизнь.

Говоря об информационном обществе и людях с дефицитами в области здоровья, нельзя не отметить большое количество приложений для смартфонов, призванных облегчить их жизнь. Например, существует большое количество приложений для слабослышащих людей, которые могут идентифицировать речь человека и выводить её на экран телефона. Приложение «Be me eyes» [11] позволяет с помощью видеочата соединять незрячих людей и волонтеров, готовых помочь им в решении некоторых бытовых вопросов. В 2015 г. в России был создан интернет-мессенджер «Сезам» [12] для людей с РАС, людей с синдромом Дауна, а также для людей, перенёвших инсульт. В его основе - использование определённых пиктограмм, из которых можно составлять полноценные предложения. Следует отметить, что подобных приложений разработано довольно много, причём большинство из них носят благотворительный характер, что также подтверждает тезис о становлении инклюзивной культуры в обществе.

Обращаясь к теме искусства, нельзя не отметить широкий простор для художественно-эстетического развития людей с дефицитами в области здоровья. Посещение музеев, концертных залов, выставок становится возможным для каждого человека вне зависимости от каких-либо ограничений.

Одним из таких примеров является «Тактильная галерея» [13] в Русском музее. Данная проектная практика стала инструментом для привлечения незрячих и слабослышащих людей в музейные пространства. «Тактильная галерея» Русского музея была представлена публике в ноябре 2021 г. Экспозиция включала в себя макеты скульптур, которые были представлены на постоянной основе в музее. Следует отметить, что выполненные с помощью 3D-технологий макеты абсолютно точно повторяли структуру представленных в постоянной коллекции экспонатов. Основной особенностью проектной практики необходимо обозначить разрешение на тактильный контакт с макетами скульптур для посетителей экспозиции. Макеты скульптур выполнены в стилистике разных эпох - от эпохи Античности до современности, но акцент на скульптурах современной эпохи по причине их вариативности форм и материалов отражает инклюзивный характер данного решения. Каждый макет экспозиции сопровождается специализированной этикеткой, на которую шрифтом Брайля нанесена основная характеристика; также следует отметить наушники с тифлокомментариями, озвученными известными актё-

рами страны. Подобная инициатива крайне важна для становления инклюзивного мышления, потому что она изначально парадоксальна в своем «объединении не-объединяемого» – музей, где, казалось бы, изначально должны быть видящие посетители, делает всё возможное чтобы обеспечить доступ для большой группы незрячих и слабослышащих людей. В этой синергии кроется большая сила, охватывающая и объединяющая различные социальные группы. Таким образом, «ориентация музея на ценностные установки современного общества диктует ему поиск новых научных концепций, позволяющих активно включаться в социальные процессы» [14, с. 145]. Кроме того, современный музей «заинтересован в расширении аудитории, с которой работает» [14, с. 145], а также процессы, происходящие в рамках социокультурного музейного проектирования, ориентированы на решение множества задач [15], в том числе и связанных с инклюзивной проблематикой.

Также во многих филармониях России реализуется концепция виртуальных концертных залов [16], в рамках которой концерты транслируются в прямом эфире для множества людей. Люди с дефицитами в области здоровья, не имеющие возможности посетить концертный зал физически, могут сделать это онлайн.

Подобные практики, связанные с цифровой реальностью, создают возможности для людей с дефицитами в области здоровья не только познакомиться с образцами искусства, но и наполнить свой внутренний мир содержанием, осуществить поиск ответов на смыслоопределяющие вопросы бытия. Несомненно, процесс самоидентификации зачастую проходит параллельно с погружением в мир искусства, соответственно, изучение лучших произведений даёт возможность получить моральные ориентиры и точки опоры в сложной жизненной ситуации. Человеку с дефицитами в области здоровья достаточно часто сложно разобраться в основополагающих вопросах жизнедеятельности по причине неполной коммуникации с внешним миром, поэтому подобные цифровые инклюзивные практики являются важной вехой для развития индивида.

Выводы

Подводя итог, следует отметить многомерность распространения современных технологий в жизни любого человека. Данные технологии «проникают» в жизнь каждого индивида подчас незаметно, а также и безальтернативно. Поэтому важной задачей видится регуляция и управление этими процессами. Несомненно, для людей с дефицитами в области здоровья эта задача не всегда является осуществимой. К тому же, процесс обретения субъектности, который стимулирует современное интернет-пространство, не всегда оказывает благотворное влияние на индивида, что может усугубляться его дефи-

цитами в области здоровья.

Конечно, нельзя остановить развитие современных технологий, это не имеет смысла, поэтому остро встаёт вопрос о корректном и грамотном их использовании.

Это очень широкий спектр вопросов, затрагивающий в том числе и инклюзивную культуру. Поэтому «столь широкий ракурс, безусловно, требует целостного видения, которое в полной мере может быть обеспечено лишь философским анализом» [17, с. 18].

ЛИТЕРАТУРА

1. Никонова Е.В. Цифровая культура: новый этап трансформации и осмысления стратегии smart-будущего / Е.В. Никонова, О.Н. Астафьева, О.В. Шлыкова // Информационная эпоха: новые парадигмы культуры и образования / Министерство образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; Уральское отделение Научно-образовательного культурологического общества РФ. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2019. – С. 46-68. – EDN MODRBY;
2. Судакова Н.Е. Философская рефлексия инклюзии как феномена современной культуры: навстречу Другому / Н.Е. Судакова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 11-1(73). – С. 152-154. – EDN WNDZKV;
3. Судакова Н.Е. Инклюзия в системе универсалий культуры: самоценность другого в становлении соучастного бытия / Н. Е. Судакова // Человек. Общество. Инклюзия. – 2018. – № 3(35). – С. 32-38. – EDN YWXTDV;
4. Судакова Н.Е. Инклюзивные горизонты антропологического кризиса современности / Н.Е. Судакова // Общество: философия, история, культура. – 2023. – № 8(112). – С. 42-49. – DOI 10.24158/fik.2023.8.5. – EDN RNQIQR;
5. Литова З.А. Сущность понятия «технология» на современном этапе // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2019. – Т. 1, № 2 (50);
6. Шеманов А.Ю. Цифровые технологии в контексте инклюзии [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2016. Том 5. № 3. С. 66—74. doi: 10.17759/jmfr.2016050308;
7. Малиничев Д.М. Инновации цифровизации: нейротехнологии и роботы в инклюзивном образовательном процессе / Д.М. Малиничев, М.Р. Арпентьева // Специальное образование. – 2022. – № 4 (68). – С. 111-136. – DOI 10.26170/1999-6993_2022_04_08;
8. Ваганова О.И. Инновационные технологии в инклюзивном образовании / О.И. Ваганова, А.А. Пирогова, М.П. Прохорова // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2018. – № 6 (32). – С. 36-40;
9. Важенина А.О. Социум и люди с аутистическими расстройствами: анализ дескрипторов сообщений в социальных сетях / А.О. Важенина, Л.К. Лободенко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2019. – Т. 24, № 4. – С. 744-755. – DOI 10.22363/2312-9220-2019-24-4-744-755;
10. Жеребин В.М. Социально-психологические аспекты организации виртуальной жизни / В.М. Жеребин, Н.А. Ермакова, О.Н. Махрова // Народонаселение. – 2017. – № 2. – С. 129-137;
11. Be me eyes [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bemyeyes.com/ru/> (дата обращения: 10.04.2025);
12. Кузнецов А. История создания первого российского мессенджера для людей с нарушениями речи и письма [Электронный ресурс] // iguides.ru. Режим доступа: https://www.iguides.ru/main/apps/sezam_dev_story/ (дата обращения: 10.04.2025);
13. Официальный сайт Русского музея [Электронный ресурс] // rusmuseum.ru. Режим доступа: <https://rusmuseum.ru/for-visitors/available-museum/socio-cultural-project/easter-gifts/?ysclid=Iz0470r4ve137937700> (дата обращения: 10.04.2025);
14. Шевлягин А.А. Культурная инклюзия в музеи // Вестник СПбГИК. – 2019. – № 1 (38). – С. 145-149;
15. Астафьева О.Н. Социокультурное проектирование: персонифицируемое наследие в музейных практиках Сибири / О.Н. Астафьева, О.Н. Шелегина // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2023. – № 65. – С. 242-253. – DOI 10.31773/2078-1768-2023-65-242-253. – EDN XBCERX;
16. Как работают виртуальные концертные залы, открывающиеся в рамках нацпроекта «Культура» [Электронный ресурс] // culture.gov.ru. Режим доступа: https://culture.gov.ru/about/national-project/news/kak_rabotayut_virtualnye_kontsertnye_zaly_otkryvayushchiesya_v_ramkakh_natsproekta_kultura/ (дата обращения: 10.04.2025);
17. Плинцовский А.С. Инклюзивное фестивальное движение в современной России в ракурсе проблемы инвалидности: в поле зрения философского анализа / А.С. Плинцовский, Н.Е. Судакова // Общество: философия, история, культура. – 2021. – № 3. – С. 18-22. – ISSN 2221-2787. – DOI 10.24158/fik.2021.3.2. – EDN IXVKSX.

© Плинцовский Андрей Сергеевич (pac93@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМА ДОСТОИНСТВА ЧЕЛОВЕКА И РЕНЕССАНСНЫЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии
естествознания, Алтайский государственный
педагогический университет (г. Барнаул)
sverhitan@rambler.ru

THE PROBLEM OF HUMAN DIGNITY AND RENAISSANCE INDIVIDUALISM

V. Skopa

Summary: The Renaissance occupies a special place in the history of human civilization. It not only gave humanity a whole galaxy of outstanding scientists and public figures, but also made a turn in the spiritual life of society, creating a new concept of humanism. Humanists were neither heretics nor atheists. On the contrary, the overwhelming majority of them remained believers. But if the Christian worldview asserted that God should come first, and then man, then humanists put man in the foreground, and then talked about God. The Renaissance clearly showed that there are no limits to the creative madness of man, especially if we allow ourselves to see the power of God in each individual. Humanists were convinced of the natural equality of people, that man can achieve everything - it is enough to want it. In conclusion, it is determined that human dignity and Renaissance individualism are inextricably linked with the idea that each person has innate value and uniqueness.

Keywords: Renaissance, ethics, man, individualism, society, philosophy.

Аннотация: Эпоха Ренессанса занимает особое место в истории человеческой цивилизации. Она не только подарила человечеству целую плеяду выдающихся ученых и общественных деятелей, но и совершила поворот в духовной жизни общества, создав новую концепцию гуманизма. Гуманисты не были ни еретиками, ни атеистами. Наоборот, в подавляющем большинстве они оставались верующими. Но если христианское мировоззрение утверждало, что на первом месте должен стоять Бог, а затем – человек, то гуманисты выдвигали на первый план человека, а затем говорили о Боге. Возрождение наглядно показало, что границ в творческом безумии у человека нет, особенно если видеть мощь бога в каждой индивидуальности. Гуманисты были убеждены в естественном равенстве людей, в том, что человек может достигнуть всего, – достаточно хотеть. В заключении определено, что достоинства человека и ренессансный индивидуализм неразрывно связаны с идеей, что каждый человек обладает врожденной ценностью и уникальностью.

Ключевые слова: Ренессанс, этика, человек, индивидуализм, общество, философия.

Изменения в экономической, социальной и духовной жизни Западной Европы в конце XIV века ознаменовали начало новой эпохи, получившей название Возрождения. Эпоха Ренессанса занимает особое место в истории человеческой цивилизации. Она дала человечеству целую плеяду выдающихся ученых и общественных деятелей. Данная эпоха принесла собой множество перемен в сфере культуры, мысли и понимания человеческой природы [13]. Среди этих трансформаций особое место занимает идея человеческого достоинства и ренессансный индивидуализм. Эти концепции стали краеугольными камнями мировосприятия людей того времени и оказали значительное влияние на развитие западной цивилизации.

Социальными корнями гуманизма определялась антифеодалная, антисхоластическая и антитеологическая направленность гуманистической философии [3, 4, 5]. И задачей философии оказывается уже не противопоставление в человеке божественного, природного, духовного и материального начал, а раскрытие их гармоничного единства. «Если человек есть неразрывное единство тела и души, материального и духовного начал, то и осуществление человеком своего предназначения требует не борьбы с собственной природой, а следования ей. Бог рассматривается как творческое начало, в уподоблении

которому – главная задача и предназначение человека» [8, с. 125]. Гуманизм рассматривает место человека в мире не с точки зрения грехопадения и спасения, а как проблему достоинства, как возможность возвыситься от «дикого» и «варварского» состояния до истинно человеческого [10]. «Средневековье – относилось к античности как к авторитету, а Возрождение – как к идеалу. Авторитет принимают всерьез; а идеалом восхищаются» [8, с. 151].

Гуманисты выступили против диктатуры католической церкви в духовной жизни общества. Они критиковали метод схоластической науки, основанный на формальной логике, отвергали ее догматизм и веру в авторитеты, расчищая тем самым путь для свободного развития научной мысли. Они призывали к изучению античной культуры, которую церковь отрицала как языческую, воспринимая из нее лишь то, что не противоречило христианской доктрине [12]. Восстановление античного наследия не было для них самоцелью, а служило основанием для решения актуальных проблем современности, для построения новой культуры. В данном контексте научный интерес представляет проблема достоинства человека и его индивидуализм в идейных установках представителей эпохи Ренессанса. Одной из центральных идей Ренессанса была вера в безграничные возможности человека [14]. Философы и художники

этого периода, черпая вдохновение из античных текстов и природы, осуществили переоценку способности человека к творчеству и познанию. В этом контексте понятие человеческого достоинства стало фундаментальным элементом ренессансного мировосприятия.

Идеи великого Франческо Петрарки, основоположника возрожденческого гуманизма, такие как осознание ценности словесности и социального характера подлинно человеческого бытия, были развиты и дополнены его продолжателем Колюччо Салютати, который писал «благородство – это данная нам от природы наилучшая расположенность ко всяческим добродетелям и похвальным страстям» [6, 2]. Но если источник подлинного благородства не в сословной принадлежности, то в чем же? Задавался вопрос. Только в нас самих. В нравственных началах личности.

Тема добродетели-доблести становится центральной в ренессансном гуманизме. Доблесть не наследуется от предков, не может быть обеспечена чужими заслугами, богатством или титулами. Она достигается только постоянными усилиями человека. «Истинно благородным, – писал Петрарка, – не рождаются, но становятся» [11, с. 84]. И он делает вывод решающего значения: «Какой путь жизни ты выберешь, – дело твоих рук» [11, с. 87]. Так выдвигается совершенно новый нравственный принцип: каждый сам творец собственного благородства.

Одним из главных мыслителей, повлиявших на формирование этой идеи, был итальянский философ Пико делла Мирандола. В своей знаменитой «Речи о достоинстве человека» он утверждал, что человек уникален в своем роде благодаря способности к самосовершенствованию и свободному выбору [7]. Пико представил человека как существо, стоящее между ангелами и животными, способное взлететь до небес или упасть до земли в зависимости от собственных действий и решений. Таким образом, достоинство человека определялось не только принадлежностью к человеческому роду, но и его стремлением к самореализации и духовному возвышению.

Он вкладывает в уста самого бога обращенную к Адаму декларацию нравственной суверенности человека и неограниченной свободы человеческой воли: «Не даем мы тебе, о Адам, ни своего места, ни определенного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по собственному желанию: согласно своей воле и своему решению... чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь... О, высшее и восхитительное счастье человека, которому дано владеть тем, чем пожелает, и быть тем, кем хочет!» [7, с. 192].

Пико исходит из библейской версии о творении че-

ловека богом, но фактически порывает с коренным постулатом религии о полной и постоянной зависимости человека от божьей воли. Более того, он открывает перед человеком безграничные возможности свободы и совершенствования: в человека бог вложил «семена и зародыши разнородной жизни, и соответственно тому, как каждый их возделывает, они вырастут и дадут в нем свои плоды» [7, с. 211]. Он может пасть до уровня животного, но может стать «ангелом и сыном бога». Человек, своею волей, может стать ангелом и даже «сыном Божиим» – чем же, как не ересью, должны были выглядеть в глазах церкви подобные суждения гуманистов? Тут полное расхождение очевидно. Но интерес представляет не столько онтологическая сторона вопроса, а сколько сторона нравственная: каждый сам кузнец своего счастья. Это было важнейшим открытием гуманистической этики [1, 9].

Так отрицание сословной разгороженности и сословной привязанности, присущей феодальному обществу, а равным образом отрицание вековой «истины» веры о зависимости человека от божьей воли, в свою очередь вели к тому «обнаружению» – пробуждению, раскрепощению личности, которое принято обозначать понятием ренессансный индивидуализм [10]. Этот термин имеет право на существование, ибо гуманистическая этика была четко ориентирована на личность; но – с необходимой оговоркой: ренессансный индивидуализм не имел того антисоциального, морально разрушительного характера, каким отличается реакционный индивидуализм буржуазии зрелой и поздней [14].

В более ранней литературе еще не вовсе исчезло некогда модное ницшеанское истолкование ренессансного индивидуализма как всепожирающего эгоизма и социального равнодушия. Но это трудно согласовать со свидетельствами источников. Данте в «Комедии» души людей, проживших свой век бесполезно, не допустил даже в ад. Леонардо да Винчи тех, кто не оставил после себя ничего доброго, полезного людям, уподоблял кишке с двумя отверстиями, называл «наполнителями нужников» и «царями скотов». Свое жизненное кредо он сформулировал четко: «Лучше потерять способность двигаться, чем перестать приносить пользу» [8]. Петрарка писал: «Философы учат использовать доблесть для того, чтобы приносить пользу, а не пользоваться ею для собственной выгоды» [11. С.251]. Монтень, упрекая сытого и распущенного бездельника, восклицал: «Есть ли кто из смертных, кому бы ты был когда-нибудь полезен?..» [8. с. 208]. Человек должен жить полноценной жизнью, но – не в ущерб другим. Он должен быть полезен людям. Этот вопрос занимает важное место в нравственных исканиях гуманистов. Нелегко дается ответ на него и Лоренцо Валле, и Поджо, и Альберти. У первых двух даже пробиваются ноты противопоставления личности обществу. Гуманисты еще не видят всей антагонистичности буржуазного общества, они лишь смутно ее ощущают.

Им только кажется, что они нашли способ гармонического согласования частного и общественного интереса. И все-таки принцип общественной полезности остается одним из неотъемлемых компонентов социально-этической доктрины ренессансного гуманизма. А главное – великие гуманисты сумели осуществить этот принцип практически: неутомимыми усилиями для блага родины, неусыпным мыслительным, творческим трудом, изобретениями, открытиями, созданием гигантской сокровищницы духовных, прежде всего – художественных, ценностей, из которой черпать и наслаждаться человечество никогда не перестанет, пока оно существует [13].

Ренессансный индивидуализм, в свою очередь, основывался на признании уникальности каждого человека и его праве на самостоятельное развитие. Вопреки средневековым представлениям о коллективизме и монолитности общества, эпоха Возрождения подчеркнула важность личного опыта и индивидуальной свободы. Художники, такие как Леонардо да Винчи и Микеланджело, через свои работы стремились выразить уникальность человеческого духа и мощь индивидуального выражения [2].

Гуманистический индивидуализм требовал от человека самых высоких моральных качеств, побуждал каждого усилием собственной воли, своим трудом достигать вершин добродетели и благородства и славы. Речь идет не о тщеславии, а о героической активности личности во имя блага людей, которая оставляет благодарную память в потомках, о том, что А. С. Пушкин назовет «благородным чувством честолюбия».

В требовании права человека на славу, громко заявленном ренессансным гуманизмом начиная с Данте, ясно раскрывается антифеодальный смысл гуманистической этики: ведь в феодальном обществе личность была заслонена и подавлена сословными, религиозными, корпоративными традициями, предписаниями, ограничениями, а проявление ею самостоятельной воли и мысли осуждалось церковью как величайший грех гордыни. «Пусть умолкнет человеческая гордыня, после того как прозвучало божественное слово», – писал Петр Достопочтенный [8].

Напротив, ренессансный индивидуализм будил мысль и волю, был нацелен на максимальное раскрытие возможностей человека, лучших сторон неповторимого своеобразия его личности. Он не позволял человеку спрятаться за всевозможными ширмами сословий, религиозных конгрегаций, «чинов», за ссылками на «божью волю» или общепринятое мнение. Признание высокой самооценки личности несло в себе неперемное требование ее свободы и вместе с тем не снимало с каждого его морального долга. «Следуй своей дорогой, и пусть люди говорят что угодно» – эти гордые слова Данте, которые Маркс поставил в эпиграф своего главного на-

учного труда, как нельзя ярче выражают самую суть и историческое значение гуманистического раскрепощения личности и позволяют приблизиться к пониманию поразительной внутренней нравственной силы, создавшей неистовых новаторов: Данте, Мазаччо, Брунеллески, Леонардо, Рафаэля, Микеланджело.

Гуманистический индивидуализм требовал от человека предельного напряжения воли и сил, требовал творческого подвига во имя высокой добродетели и благородной славы. «Зажги сам свет доблести», – призывал Петрарка, – «всеми силами пробивайся сквозь трудности, поднимайся над высоким» [11, с. 256]. Не к пассивной созерцательности, восхваляемой церковью, звал человека гуманизм. Доблеть, писал Петрарка, «всегда в неуспокоенности и всегда больше других волнуется... всегда находится в действии» [11, с. 271]. Вот почему идеология гуманизма смогла породить и вдохновить титанов Возрождения.

С этим была органически связана другая важнейшая сторона ренессансного индивидуализма: сосредоточение внимания на человеческой личности. Наверное, никогда сократовский лозунг «Познай самого себя» не получал такой популярности, но и нового смысла: человек, как главный, интереснейший объект познания, вытесняет бога. В этом – и разрыв со Средневековьем, и разрешение его нравственной муки. Вспомним горький рефрен Франсуа Вийона, задыхавшегося в душной атмосфере угасания французского феодализма: «Я знаю всё, но только не себя» [9]. В освободительном индивидуализме была могучая прогрессивная сила ренессансного гуманизма. Он был обращен к человеку: не к дворянину, не к купцу, не к клирику. Его идеалом был человек вообще: свободная, всесторонне развитая, нравственно достойная, творческая, социально активная личность. И в духовном раскрепощении, и творческом раскрытии личности заслуга ренессансного гуманизма огромна. Но здесь же коренилась и его слабость.

Гуманисты были убеждены в естественном равенстве людей, в том, что человек может достигнуть всего, – достаточно хотеть. Это убеждение окрыляло. Но оно мешало разглядеть социальное неравенство между людьми, понять, что образованность, занятия искусствами и науками, всестороннее развитие личности были доступны отнюдь не всем. В этом проявилось коренное внутреннее противоречие ренессансного гуманизма как идеологии глубоко антифеодальной, но одновременно и буржуазной, а потому неспособной подняться выше абстрактного гуманизма. И в то же время в этом была и сила ренессансного гуманизма: исторически ограниченный, классово обусловленный, он с самого начала нес в себе дар высоких общечеловеческих ценностей.

Таким образом, стоит отметить, что, хотя Ренессанс принес обновленное внимание к индивидуальности и

свободе, он также породил ряд противоречий. В условиях, когда возрастала важность личного успеха и самореализации, усилились социальные и экономические неравенства, что порой вызывало столкновение между старыми и новыми ценностями.

Проблема достоинства человека и ренессансный индивидуализм неразрывно связаны с идеей, что каждый

человек обладает врожденной ценностью и уникальностью. Эти концепции стали катализаторами культурных и интеллектуальных изменений, которые сформировали основу для многих современных представлений о правах и возможностях индивида. Влияние этих идей можно видеть и сегодня, в нашем стремлении к самосовершенствованию и признанию человеческого достоинства как базовой ценности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амбрамсон М.Л. От Данте к Альберти. М., 1979.
2. Бессонов Б.Н. Гуманизм и технократизм как типы духовной ориентации // *Философские науки*. 1988. №1.
3. Брагина Л.М. Итальянский гуманизм. Этические учения XIV – XV веков. М., 1977.
4. Брагина Л.М. Социально-этические взгляды итальянских гуманистов (II половина XV века). М., 1983.
5. Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. М., 1986.
6. Денятанкина Н.И. Петрарка о достоинстве человека // *Средние века*. М., 1981. Вып. 44.
7. Джованни Пико делла Мирандола. Речь о достоинстве человека // Пер. Л.М. Брагиной // *Эстетика Ренессанса*. М., 1981. Т. 1.
8. Итальянский гуманизм: сб. текстов /Пер. с лат. и коммент. Ревякиной Н.В., Девятайкиной Н.И., Лукьяновой. Саратов, 1984.
9. Лазарев В.Н. Происхождение итальянского Возрождения. М., 1959. Т. 2.
10. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978.
11. Петрарка Ф. Избранное. М., 1974.
12. Романов Ю.И., Сандулов Ю.А. Краткая история философской мысли. СПб., 2002.
13. Скопа В.А. Эпоха Ренессанса как культурно-историческое пространство нового творческого мышления // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия: *Познание*. 2025. № 2. С. 13–16.
14. Черников В.Г. Философия диалектико-материалистического гуманизма. Рыбинск. 1989.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ СВОБОДЫ В НОВОЕ ВРЕМЯ

Фархетдинова Флида Фанавиевна

кандидат филологических наук, доцент, Бирский филиал
Уфимского университета науки и технологий,
flidaleo@mail.ru

A PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL APPROACH TO UNDERSTANDING FREEDOM IN MODERN TIMES

F. Farkhutdinova

Summary: The category of freedom is becoming one of the central problems of Modern philosophy. It is considered in the context of the problem of personality as a carrier of natural and social characteristics. Freedom of will began to be opposed to the mechanism of natural mediation. Modern philosophers have expressed different, often contradictory, opinions about the place of freedom in human life, but they have always considered it in the context of individual personality characteristics, calling it the starting point for progress. Freedom has been rethought. Man freed himself from the yoke of medieval religious dogma, became free to pursue natural science, but at the same time began to feel especially acutely his dependence on political mechanisms and capitalist relations. The feeling of freedom began to mix with a sense of alienation, and at the beginning of the twentieth century it was philosophically expressed in existentialism.

Keywords: Modern times, freedom, man, personality, society, law, law, existentialism.

Аннотация: Категория свободы становится одной из центральных проблем философии Нового времени. Она рассматривается в контексте проблемы личности как носителя естественных и социальных признаков. Свободу воли начали противопоставлять механизму природной опосредованности. Философы Нового времени высказывали разные, часто противоположные, мнения о месте свободы в жизни человека, но всегда рассматривали ее в контексте индивидуальной личностной характеристики, называет исходной точкой для прогресса. Свобода была переосмыслена. Человек освободился от гнета средневековой религиозной догматики, стал волен в естественно-научных изысканиях, но, вместе с тем, начал особенно остро ощущать свою зависимость от политических механизмов и капиталистических отношений. Чувство свободы стало смешиваться с чувством отчужденности и в начале XX века философски выразились в экзистенциализме.

Ключевые слова: Новое время, свобода, человек, личность, общество, право, закон, экзистенциализм.

На эпоху Нового времени приходится расцвет интереса к научным проблемам природы и человека. В центре внимания оказывается личность как носитель естественных и социальных признаков, проблема свободы становится одной из актуальных в контексте проблемы разума. Свободу воли начали противопоставлять механизму природной опосредованности. Философы Нового времени высказывали разные, часто противоположные мнения о месте свободы в жизни человека, но как точно замечает О.А. Бакланова, «все существующие подходы являются равноправными, дополняющими друг друга концепциями, отвечающими поставленным перед ними задачам» [1, 96]. На смену темному средневековью, когда свобода личности мыслится исключительно в контексте его богобоязненности и все тотально подчинено религиозной догматике, начинает приходиться новое понимание роли и места человека в этом мире. Ренессанс возродил былое античное [9] отношение к человеку как к «мере всех вещей», эта философская формула была предложена древнегреческим философом Протагором [6, 68]. Согласно ей, каждый человек воспринимает и дает оценку миру, пропуская сквозь свои собственные чувства, знания, опыта,

и эти индивидуальные «меры» становятся основой для понимания и оценки всех явлений. В эпоху Ренессанса человек свободен в проявлении своего творческого потенциала, что и подготавливает почву для свершений в Новое время, когда свобода созидательная сочетается с познавательной активностью и все большей уверенностью человека в себе. На данную эпоху приходится наибольшее количество открытий и изобретений, которые не были бы возможны, если человеческий разум не был бы свободен. Рассуждения о свободе присутствуют в творчестве практически каждого мыслителя эпохи.

Итальянский мыслитель Джамбаттиста Вико (1668–1744), основоположник истории философии категорию свободы рассматривает прежде всего в контексте индивидуальной личностной характеристики и называет исходной точкой для прогресса. Причем обеспечивает она через четкую работу юридического механизма в виде законодательства, слаженной работы органов правосудия и так далее. Он выделял три стадии прогресса человеческого общества, опосредованные, по его мнению, уровнем свободы личности: в эпоху, названную им «Возраст богов» (детство), над человечеством довлеют

религиозные представления, они же являются главными регуляторами нравственности [2]. Преобладает теократическое правление, религиозные нормы выступают основным регулятором общества. Во втором периоде «Возраст героев» (юность), свобода доступна не всем, законы служат на пользу правителям. И, наконец, третий период «Возраст людей» (зрелость). В этот период, по мнению Вико, основополагающим принципом общественной жизни становится свобода и законодательно обоснованное равенство всех [2, 117]. Свобода понимается как некая вершина развития человеческих отношений, но злоупотребление ею может привести к анархии и новому упадку до состояния варварства. Таким образом, категория свободы в философии развития общества Вико становится смысло- и центрообразующей: свобода является импульсом к созиданию, а злоупотребление ею может привести к краху, а потому, отношение к ней должно быть осмысленным и осознанным.

В трудах другого ярчайшего представителя нового времени Бенедикта Спинозы свобода делится на свободу воли и свободу внешнюю, и трактуется как отсутствие «...рабской зависимости человека от внешних обстоятельств, но не вообще от них, а от ближайших, от частных и случайных...» [7]. Однако, в то же время, она опосредуется общими универсальными связями вещей, от которых зависит повседневная жизнь человека и в которые должна быть вписана его деятельность. Свобода воли, по Б. Спинозе, это его субъективное переживание, это то, что ему всего лишь кажется, то, за чем скрывается взаимообусловленность причин и следствий. А значит, свобода начинается тогда, когда человек поймет и признает наличие не зависящих от него и подчиняющих его факторов. Однако это требует большого усилия и высокого интеллектуального развития, которое присуще не каждому. В особенности тяжело стать свободным, по Спинозе, людям, подчиненным страстям: «Ибо человек, подверженный аффектам, уже не владеет сам собою, но находится в руках фортуны, и притом в такой степени, что он, хотя и видит пред собой лучшее, однако принужден следовать худшему» [7]. Очевидно, что в данном высказывании можно найти отсылку к античной традиции понимания свободы, а именно трудам стоиков, считавших бесконтрольные эмоции источником многих человеческих страданий.

Философия свободы всегда была одной из центральных тем в политической мысли Нового времени. В работах Томаса Гоббса и Джона Локка можно найти две различные интерпретации этого понятия.

Томас Гоббс считал, что свобода – это отсутствие внешних факторов, препятствующих человеку действовать по своему усмотрению. Для него человек освобождается от страха и неопределенности благодаря государственной власти, которая регулирует отношения и обеспечивает

порядок. Гоббс утверждал, что свобода человека заключается в способности действовать без внешних препятствий, в то время как государство, ставя пределы этой свободе, обеспечивает устойчивость общества [4]. Свобода – это отсутствие препятствий и принуждений в действиях человека, а она чревата анархией. Он утверждал, что исключительно власть и закон препятствуют нашим действиям в обществе, но именно они же и обеспечивают порядок и спокойствие в нем [3, 273].

Джон Локк, в свою очередь, рассматривал свободу как способность человека выбирать и действовать в соответствии со своей волей при соблюдении нравственных и правовых норм. Локк выдвигал концепцию природных прав человека, включающих права на жизнь, свободу и собственность, и считал, что государство должно защищать эти права и не вмешиваться в личные свободы граждан. Локк считал, что правительство должно ограничиваться исключительно защитой прав и свобод индивидуального человека, и утверждал, что правительство должно подчиняться воле народа. В своем труде «Два трактата о правлении» Дж. Локк представляет свободу как естественное состояние человека, лишённого ограничений и зависимостей [5, 204]. Свобода выражается в возможности человека делать все, что не противоречит естественному закону. Она заключается в способности человека самостоятельно задавать цели и стремиться к их достижению без препятствий со стороны других людей или внешних сил. Локк утверждает, что свобода предполагает наличие прав и свобод личности, которые должны быть защищены государственными институтами. Он отвергает идею абсолютной свободы, считая, что она должна ограничиваться соблюдением законов и уважением прав других людей. Томас Гоббс и Джон Локк представляют различные подходы к пониманию свободы как понятия. Гоббс уделял большее внимание роли государства в обеспечении свободы через контроль и порядок: свобода человека ограничена законами государства и подчиняется общему интересу, в то время как Локк подчеркивал важность природных прав человека и ограниченного вмешательства государства в личные свободы.

Оценивая новоевропейскую действительность Эрих Фромм видел усиление идей о свободе человека, заложенных в эпоху Возрождения. Стремительное развитие капиталистических отношений двояко повлияло на человека. С одной стороны, оно дало человеку понимание того, что он может «преуспеть благодаря своим собственным усилиям и стараниям... Он должен был научиться полагаться в первую очередь на себя, принимать ответственные решения, не обращать внимание на предрассудки и не пугаться их» [10]. Капитализм сыграл большую роль в процессе формирования положительной внутренней свободы личности, в развитии самодостаточной, рефлексивной и активной личности. С

другой стороны, по мысли Э. Фромма, «капитализм обрел человека на одиночество, обеспечил ему полную изоляцию, усилил в нем ощущение собственной ничтожности и бессилия» [10]. Отчуждение стало ключевой характеристикой бытия индивида. И если в прежнюю эпоху с религиозным подчинением человек был несвободен, но это психологическое подчинение равнялось чувству уверенности, то в Новое время человек стал осознавать себя деятельным и свободным и, вместе с тем, вовлеченным в огромный механизм капиталистических отношений. Появилось понятие «фортуна», которая сопутствует только смелым и дерзким. Целью людей стало достижение успеха и материальной выгоды. Свобода от религии сменилась несвободой от капиталистической системы, в которой человек – маленький винтик. В период нового времени закладываются основы не только основы социально-политических рыночных отношений, но и стали закладываться условия для формирования уже в начале XX века экзистенциальной философии. Как

отмечает Э. Фромм, с началом развития рыночных отношений чувств отчужденности и изоляции усиливаются. «Конкретные связи одного индивида с другим, утратили ясный человеческий смысл, приобрели характер манипуляций <...> Во всех общественных и личных отношениях господствует закон рынка... Человек продает не только товары, он продает самого себя и ощущает себя товаром» [10].

Таким образом, категория свободы для человека Нового времени является определяющей. Она стала итогом векового осмысления роли и места личности. Свобода была переосмыслена. Человек освободился от гнета средневековой религиозной догматики, стал волен в научных изысканиях, но, вместе с тем, начал особенно остро ощущать свою зависимость от политических механизмов и капиталистических отношений. Чувство свободы стало смешиваться с чувством отчужденности и в начале XX века философски выразились в экзистенциализме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакланова О.А., Бакланов И.С. Методологические фреймы современных концептуализаций социальной реальности // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2015. № 4. С. 95-100.
2. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций / Пер. с ит. А.А. Губера, М., 1994. 369 с.
3. Гоббс Т. Сочинения: В 2-х т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. 622 с.
4. Гоббс Т. Сочинения: В 2-х т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. 731 с.
5. Локк Д. Два трактата о правлении // Локк Д. Сочинения в 3-х томах. Т.1 М.: Мысль, 1988. С. 135-406
6. Протагор. Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир - эпоха Просвещения. - М.: Политиздат, 1991. 463 с.
7. Спиноза Б. О человеческом рабстве. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iphlib.ru/library/collection/antology/document/HASH0118ed4cb4d42fca694ef4e9> (дата обращения: 07.04.2025).
8. Фархетдинова Ф.Ф. Место категории «свобода» в жизни средневекового человека. (Научная статья) // The scientific heritage VOL 4, No 77 (77) (2021) - С. 51-5.
9. Фархетдинова Ф.Ф. Философские подходы к пониманию свободы и ее роли в жизни античного человека. // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Т. 13. № 7-1. С. 132-136.
10. Фромм Э. Бергство от свободы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sv-scena.ru/Buki/Byegstvo-ot-svobody.html#Q1178-Glava-4-DVA-ASPYEKTA-SVOBODY-DLYA-SOVREMYENNOGO-CHYELOVYIEKA> (дата обращения: 07.04.2025).

© Фархетдинова Флида Фанавиевна (flidaleo@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL ASPECTS OF THE INFORMATION SOCIETY DEVELOPMENT

F. Farkhutdinova

Summary: Modern society is in the midst of the heyday of digital technologies, which significantly affect a person's self-awareness, his identity and the ways in which a person interacts with the world around him. In the era of digitalization, an information-rich environment requires not only the ability to effectively apply data, but also the ability to critically perceive the information received, to distinguish the truth from attempts at manipulation. This fact, of course, requires the development of new forms of educational programs that would contribute to the growth of information literacy among the population. A person included in the modern digital space must not only be able to receive and process information, but also be able to generate and distribute it, which poses new challenges and tasks for him. The latest digital technologies have significantly changed the specifics of his interaction not only with information, but also affect the foundations of his being, ways of interpersonal interaction, learning and self-discovery.

Keywords: society, man, personality, digitalization, computer, information, technology, perception, alienation, security.

Фархетдинова Флида Фанавиевна

кандидат филологических наук, доцент, Бирский филиал
Уфимского университета науки и технологий,
flidaleo@mail.ru

Аннотация: Современное общество находится в условиях расцвета цифровых технологий, которые в значительной мере влияют на самосознание человека, его идентичность и на способы взаимодействия личности с окружающим его миром. В эпоху цифровизации информационно обогащённая среда требует от человека не только умения эффективно применять данные, но и умение критически воспринимать получаемую информацию, отличать истину от попыток манипулирования. Этот факт, безусловно, требует развития новых форм образовательных программ, которые способствовали бы росту информационной грамотности у населения. Человек, включённый в современное цифровое пространство не только должен уметь получать и обрабатывать информацию, но и уметь генерировать и распределять ее, что ставит перед ним новые вызовы и задачи. Новейшие цифровые технологии существенным образом изменили специфику его взаимодействия не только с информацией, но влияют на основы его бытия, способы межличностного взаимодействия, обучения и самопознания.

Ключевые слова: общество, человек, личность, цифровизация, компьютер, информация, технология, восприятие, отчужденность, безопасность.

Философия, как древнейшая форма существования культуры немислима без идеи о человеке. Одной из основных ее проблем является поиск путей к самопознанию личности, а значит антропологическое начало в философии является основополагающим. Начиная с Нового времени (особенно она обострилась в XX веке) в нашем обществе складывается парадоксальная ситуация: на фоне роста материального благополучия происходит обесценивание человека. Он, с одной стороны, находится на высочайшем уровне интеллектуального и материального развития, а с другой, его жизнь все чаще сводится к простейшим рефлексам и инстинктам. Все это позволяет говорить об упадке и даже катастрофе человеческого общества, где для личности, творящей и инициативной нет места, он остался в прошлом, а на смену ему пришел «массовый» [8, 61], «одномерный человек» [3], действующий на основе однополюшарного мышления [7, 96]. Во многом это связано с развитием информационных технологий, которые кардинально меняют образ жизни людей, определяя новые формы социального взаимодействия и культурной динамики. Это приводит к возникновению философско-антропологических вопросов о влиянии информационного общества на человека. Размышления о том, как цифровая эра

влияет на идентичность, свободу и самореализацию, становятся особенно актуальными.

В эпоху цифрового общества меняется отношение к информации. Она становится доступной, что позволяет большому количеству людей повышать уровень саморазвития и образованности. С особенной силой выразилось значение цифрового пространства в период пандемии, начавшейся в 2020 году, когда мир оказался в ситуации изоляции. Цифровые технологии позволили людям виртуально посещать музеи, театры, продолжать свое образование, благодаря большому объему оцифрованной информации. Да и в целом период пандемии ускорил процесс цифровизации, при котором небывалых масштабов достигла работа в удаленном формате посредством информационно-коммуникативных технологий.

Важным элементом культуры цифрового общества является онлайн-коммуникация. Социальные сети, месенджеры, форумы создают новые формы общения и взаимодействия. Люди могут общаться и обмениваться информацией в любое время, что усиливает социальные связи и расширяет круг общения. Однако, данные формы общения порождают и новые «цифровые» проблемы.

Как отмечает исследователь Микляева А.В., «развитие и взаимодействие социальных групп, определяет возникновение принципиально новых социально-психологических феноменов, среди которых можно назвать цифровую идентичность, виртуальную самопрезентацию, киберагрессию и другие» [4]. Сложилась парадоксальная ситуация одиночества и изоляции на фоне включенности в мировое коммуникативное пространство. Общество превратилось в некий поток, для которого индивид не самоценен, а всего лишь путь для трансляции.

Информационная культура определяет облик современного общества, влияя на человеческую идентичность, способы мышления и уровень культурного самосознания. Появляются новые цифровые аналоги привычных видов искусства. К примеру, цифровые технологии повлияли на изобразительное искусство, которое перешло в виртуальную плоскость в виде компьютерной графики, кроме того, если художники ранее создавали автопортреты, то теперь автопортрет трансформировался в селфи, который как феномен цифровой эпохи оценивается как «возможность создавать и предъявлять подлинный, сокровенный образ себя внутри крайне индивидуально, личного процесса переживания себя в пространстве между мечтой и реальностью» [6].

В эпоху цифровизации информационно обогащённая среда требует от индивидов не только умения эффективно использовать данные, но и способности критически анализировать поступающую информацию, отличать истину от манипуляции, что требует развития новых форм образовательных программ, которые способствовали бы росту информационной грамотности у населения. Особо остро осознаются и новые этические проблемы, такие как проблема конфиденциальности, манипуляции информацией и цифрового разрыва требуют пересмотра традиционных моральных норм в контексте доступа к данным и их использования. Свободное распространение и общая доступность информации провоцируют проблему сохранения уникальности человеческого опыта. Труд и деятельность человеческих рук теперь заменены во многих случаях автоматизацией, происходит переосмысление роли человека, однако в этот момент главное, осмыслить как новейшие технологии могут усовершенствовать человеческое существование, не ограничивая его природных эмоциональных и интеллектуальных стремлений. Развитие искусственного интеллекта и автоматизация вызывают споры о сохранении человеческой идентичности в условиях технологической ассимиляции. Несмотря ни на что, за человеком остается его неизменное и исключительное умение творить. Сила мысли человека-творца во много раз превосходит силы «машины».

Предвидя глобальность и неизбежность процесса цифровизации и понимая все угрозы, с жесткой крити-

кой развивающихся технологий выступал Г. Меркузе, полагавший, что «большинство людей в обществе избиты на стороне того, что есть, но не того, что может или не должно быть» [3]. «Одномерный человек» думает и действует, согласуясь с желаниями системы, общества, в которое он включен. Ему навязываются ложные ценности и желания. Его поведение определяется целиком рекламными стереотипами. Новое индустриальное общество формирует ложное ощущение успешной жизни и притупляет в человеке желание изменить ход вещей, и «как следствие, возникает модель одномерного мышления и поведения...» [3]. Отсюда проистекает и главная характеристика массового цифрового общества: оно стандартно в своих мыслях и поведении [5, 35].

Серьезной проблемой является угроза приватности и безопасности в цифровом обществе. Постоянное сбор и анализ данных о людях со стороны крупных технологических компаний может создавать угрозу для конфиденциальности и безопасности личной информации. Как отмечает Е. В. Ходус, в области приватного лежит все, что относится к «опыту субъективности и межличностных отношений, любви, семьи, детей, дружбы, эротике, секса, эмоционального мира личных переживаний» [9, 31]. Приватность дает право личности на свою уникальную, неповторимую духовную жизнь. В ней же выражается его свобода и индивидуальность. Лишение права и возможности на приватность грозит социуму унификацией, превращением общества в «аморфное существо», которым можно легко манипулировать. Поэтому проблемы, связанные с кибератаками, утечкой данных и нарушением конфиденциальности становятся основополагающими, при защите прав и свобод личности.

Безусловной проблемой цифрового общества является информационная избыточность. Информационное перенасыщение отрицательно влияет на психологическое состояние человека. Большой объем информации не означает его качественный состав, а значит возникает проблема умения или неумения отбирать данные. В мире, где каждый может создавать и распространять информацию, становится сложно различить правду от лжи, а также отфильтровать полезную информацию от бесполезной. Это может привести к формированию искаженного мировоззрения и недостаточному осведомленности людей. Здесь возрастает роль критического мышления, а значит и базового начального образования, и воспитания, когда закладываются навыки критического восприятия мира и здорового сомнения. Философ и теоретик культуры Пьер Леви, акцентируя внимание на развитии киберкультуры и киберфилософии, подчеркивает влияние цифровых технологий на образование, коммуникацию и формирование современной культуры [2].

Также стоит отметить проблему культурного упрощения в цифровом обществе. С поддержкой алгоритмов и

персонализированных рекомендаций люди ведут себя в цифровом пространстве неестественно и односложно, что может приводить к утрате культурного разнообразия и узко адаптированным общественным взглядам. Жан Бодрийяр, исследовавший влияние гиперреальности на современную культуру и выявлявший то, как цифровые технологии меняют наше восприятие мира и взаимодействие с реальностью, ввел понятие симулякр, под которым понимается копия [1]. Для человека цифровой эпохи важнее сделать копию в виде цифрового фото или видео, чем насладиться восприятием. Цифровая копия становится важнее самой реальности. Постепенно это приводит к тому, что человек теряет интерес к реальности, ему достаточно копии, суррогата, подделки... Единственный выход из данной ситуации, отказываться от цифровой информации хоть на время, давая мозгу возможность воспринимать реальный мир без цифровой подмены.

Таким образом, философско-антропологический анализ развития информационного общества подчеркива-

ет необходимость сбалансированного взаимодействия между человеческими потребностями и технологическими инновациями. Цифровая культура формирует новые ценности, нормы и образцы поведения, вызывая как восторг, так и тревогу у общества. Как пишут Т. Постмес и Р. Спирс, цифровые способы общения и взаимодействия «бросают вызов общепринятым представлениям о социально-психологических процессах, которые лежат в основе социального поведения, начиная от романтических отношений и заканчивая коллективными действиями» [10, 326]. В современном мире цифровые технологии проникают во все сферы нашей жизни, изменяя ее непрерывно и необратимо. Культура цифрового общества становится неотъемлемой частью нашего бытия, определяя новые способы взаимодействия, творчества и обмена информацией. Общество должно направить усилия на формирование этических правил использования информации и защиту личных данных, что будет способствовать устойчивому развитию и улучшению качества жизни на всех уровнях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова]. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://velikanov.ru/lib/Бодрийяр.%20Симулякры%20и%20симуляции.pdf> (Дата обращения: 19.04.2025)
2. Динамика культуры в эпоху глобализации: ноосферный контекст: монография / В.В. Буряк. – Симферополь: ДИАИПИ, 2011. – 462 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://textarchive.ru/c-2640926-p16.html> (Дата обращения: 19.04.2025)
3. Маркузе Г. Одномерный человек. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://djuv.online/file/gJU9qk9Ax7y4h> (Дата обращения: 19.04.2025)
4. Микляева А.В. Цифровое общество и цифровая социализация: перспективы социально-психологических исследований // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 2. С. 5–11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://psyjournals.ru/journals/sps/archive/2024_n2/Miklyayeva (Дата обращения: 19.04.2025)
5. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Хосе Ортега-и-Гассет; [пер. с исп. А. Гелескула]. – Москва: Издательство АСТ, 2016. – 256 с.
6. Павлова Н.В., Филиппова Е.В. Феномен селфи и его психологический смысл для современного подростка // Консультативная психология и психотерапия. 2022. Т. 30. № 1. С. 109–131. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/2022_n1/Pavlova_Filippova (Дата обращения: 19.04.2025)
7. Третьяков, Н.Ф. Философия человека и общества. Пятнадцать очерков по социальной философии и философской антропологии / Н.Ф. Третьяков. – Омск: Наследие, 1997. – С. 96.
8. Фархетдинова Ф.Ф. Шареева Д.С. Феномен массовости в современном обществе (по произведению Хосе Ортега-и-Гассета «Восстание масс»). // Молодёжь, наука, образование: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». – 2021. – С.60-62.
9. Ходус Е.В. Приватность как конвенциональный концепт: к обоснованию исследовательской стратегии // Граш. 2016. № 10. С. 30-37.
10. Postmes T., Spears R. Psychology and the Internet: Building an Integrative Social Cognitive Research Agenda // Psychological Inquiry: An International Journal for the Advancement of Psychological Theory. 2013. Vol. 24. P. 326–332.

© Фархетдинова Флида Фанавиевна (flidaleo@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

- Alyeva M.** – Lomonosov Moscow State University
- Bespalova M.** – Graduate student, Department of Management and Food Industry of the Saransk Cooperative Institute (branch) of RUK
- Bessonova N.** – Associate Professor, Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering (Sibstrin)
- Bezsmertny B.** – Associate Professor, Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering (Sibstrin)
- Bryzgalova A.** – PhD student, Saint Petersburg State University
- Chen Baiyu** – Teacher, Baoshan University, China
- Chigarev V.** – Candidate of Political Sciences, Russian University of Transport (MIIT), Moscow
- Farkhutdinova F.** – Candidate of Philological Sciences, docent, Birsky branch of the Ufa University of Science and Technology
- Guseva R.** – senior teacher, Financial University, Moscow, Russia
- Kokoreva L.** – Candidate of Sociological Sciences, Ural State University of Architecture and Art named after N.S. Alferov, Yekaterinburg
- Kolevatova A.** – postgraduate student, Kursk State Medical University
- Kudozov A.** – Russian State Humanitarian University
- Li Zhenhao** – Doctor, Moscow State University (MSU)
- Lin Yang** – PhD, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian; Jiangsu University of Technology, Changzhou, China

Our authors

- Naumova N.** – graduate student, Leningrad State University named after A.S. Pushkin, St. Petersburg
- Plintsovsky A.** – Postgraduate student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)
- Prichina D.** – postgraduate student, Institute of Correctional Pedagogy
- Pronyaeva M.** – Associate Professor, branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Kursk, Russia
- Robinov O.** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design
- Shamshin V.** – postgraduate student, Non-governmental educational private institution of higher education Moscow Financial and Industrial University "Synergy"
- Sheng Minzhi** – Postgraduate student, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design
- Shtifanova E.** – Candidate of Philosophy, Ural State University of Architecture and Art named after N.S. Alferov, Yekaterinburg
- Skopa V.** – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Altai State Pedagogical University (Barnaul)
- Sun Na** – Lecturer, Heihe University
- Zhidkova D.** – postgraduate student, Kursk State Medical University

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).